

СОЧИНЕНІЯ

Ф. БУЛГАРИНА.

—
I
—

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1856.

СОЧИНЕНІЯ

ОАДДЕЯ

БУЛГАРИНА.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

1836.

САНКТ ПЕТЕРБУРГЪ.

у Книгопродавца Лисенкова.

ПОВѢСТИ.

— N^o I. —

ТРИ ВСТРѢЧИ.

(*Рассказ путешественника.*)

A beau mentir qui vient de loin.

Печатать позволяется съ тѣмъ, что бы по отпечатаніи представлены были въ Ценсурный Комитетъ три экземпляра. С.-Петербургъ, 26 Сентября 1836 года.

Цензоръ Пётръ Корсаковъ

ВѢРИТЕ ли вы въ чудесную силу такъ называемыхъ *теплыхъ водъ?* — Не сомнѣвайтесь. Это доказано математически. Всѣ тѣ, которыхъ Врачи посылають на *теплыя воды*, или умирають тамъ, или возвращаются въ совершенномъ здоровьѣ. Чего же болѣе? — Правда, есть у меня пріятель, несносный насмѣшникъ и скептикъ, который утверждаетъ, будто Русская баня гораздо

Ч. I. 1

Въ Гуттенберговой типографіи.

полезиге *теплыхъ водъ*, и что Доктора посылають на теплыя воды или полумертвыхъ, или совершенно здоровыхъ тѣломъ. — Оставимъ это. Я не люблю спорить.

Но за то какъ весело на водахъ! Какой богатый рудникъ для наблюдателя - Философа! Подобно солнечнымъ лучамъ, сбѣгающимъ въ фокусъ выпуклаго стекла, на теплыхъ водахъ сосредоточиваются нравы, обычаи, страсти, пороки и добродѣтели всѣхъ сословій, всѣхъ народовъ. — Цѣлое льто разыгрывается Комедія, въ которой каждое явленіе имѣетъ свою собственную завязку. Мистификаціямъ нѣтъ конца! — Въ антрактахъ Комедіи непрерывный маскарадъ. — Знатность наряжается въ Диогеновъ плащъ, сквозь прорѣхи котораго свѣтится гордость. Тщеславіе прикрывается мишурною мантиею знатности, на которой видна однакожь пыль мѣщанства. Кокетство надѣваетъ привлекательную маску несчастной страсти, а несчастная страсть прячется отъ убійственныхъ взглядовъ дерзкаго любопытства подъ флеровымъ покрываломъ разсѣя-

ности. — Одно только обманувшееся честолюбіе, какъ изношенный муциръ на толкучемъ рынкѣ, для всѣхъ понятно и осязаемо. Здѣсь этикетъ—контрабанда. Въ семь хаосѣ люди сталкиваются, какъ пылинки въ вихрѣ, а между тѣмъ золото льется рѣкою въ карманы Врачей, трактирщиковъ, игровыхъ, прелестницъ и воровъ, — всѣхъ цвѣтовъ и видовъ. Не правда ли, что все это чрезвычайно забавно? А какъ веселость есть единственное средство къ поддержанію или къ восстановленію здоровья, то нѣтъ сомнѣнія, что *теплыя воды* предпочтительны Русской банѣ, которая имѣетъ одно только потогонное свойство.

Обманувшись въ надеждѣ занять мѣсто, которое мнѣ обѣщали три года сряду, а отдали тому, который вовсе не хлопоталъ объ немъ, и въ то же время получивъ богатое наследство, я почелъ себя обиженнымъ, и, подобно Коріолану, рѣшился лишитъ отечество моею подпоры, и уѣхать за границу. Нанеатавъ нѣсколько сотъ визитныхъ карточекъ съ прописаніемъ

чина моего, по-Французски: *Conseiller de Cour* (т. е. Надворный Советникъ), я нанялъ камердинера Италянца, который при каждомъ словѣ величалъ меня *превосходительнымъ* (*Esscellentza*), и отправился, въ Юхимовскомъ дормезь, прямо въ Бадень. Въ первомъ трактирѣ за границую, въ которомъ я бросилъ небрежно деньги хозяину, не заглядывая въ счетъ его, меня назвали *Русскимъ Графомъ*, и этотъ титулъ остался при мнѣ до возвращенія въ отечество. Благозвучіе моего чина и двусмысленное его значеніе по-Французски, придавало мнѣ еще болѣе важности. Меня почитали не *Надворнымъ*, но важнымъ *придворнымъ* чиновникомъ. — Я почелъ излишнимъ толковать иностранцамъ нашу табель о рангахъ, и не содѣйствовавъ ни сколько въ семь титулярномъ моемъ повышеніи, я, безъ зазрѣнія совѣсти, пользовался моею знатностью на счетъ моего кармана, ибо трактирщики и содержатели почтъ, за границую, собираютъ подать за свои словесные патенты, и заставляютъ Графовъ и Князей собственнаго своего

производства платить за все дороже. Въ Бадень знатность моя была вознаграждена, за излишнія издержки, нѣсколькими пріятными знакомствами съ молодыми и любезными дипломатами и милосердными, мягкосердечными пациентками, прибывшими собирать матеріалы для втораго тома романа своей жизни. — Я жилъ въ Бадень очень весело, угощалъ мужчинъ завтраками, а милосердныхъ пациентовъ ужинами и полдниками, танцевалъ на публичныхъ базахъ, игралъ въ *rouge et noir* и въ рулетку, возилъ, на свой счетъ, избранное мною общество за городъ, и для здоровья кушался каждую Субботу въ цѣлительной водѣ.

Однажды мнѣ вздумалось посѣтить извѣстныя подземелья въ Баденскомъ замкѣ, гдѣ въ средніе вѣки происходили засѣданія знаменитаго *тайнаго судилища* (*Vehmgericht*), которое вся Петербургская публика видѣла въ прекрасной Косморамъ Лексы. — Прочитавъ въ *Guide des voyageurs en Europe*, Рейхарда, какъ опасно пускаться въ сии подземелья, не обезпечивъ себя со стороны

выхода *, я нанялъ четверыхъ провожатыхъ, изъ коихъ двоихъ намѣревался оставить у дверей, а двоихъ взять съ собою. Пришедъ на мѣсто, я нашелъ дверь уже отворенною, и возлѣ нее увидѣлъ человѣка, который сидѣлъ на порогѣ завернувшись въ плащъ, какъ будто ожидая кого. Предшествуемый двумя провожатыми, съ факелами, я проходилъ по длиннымъ корридорамъ, поглядывалъ на черныя стѣны, на огромныя своды, хотѣлъ согрѣть мое воображеніе воспоминаніемъ казней, пытокъ, стоновъ и воплей, которыхъ сн своды были безмолвными свидѣтелями—и никакъ не могъ настроить себя на тонъ романтизма. Угрюмый видъ сихъ стѣнъ производилъ во мнѣ противоположное дѣйствіе. Въ подземьѣхъ мнѣ живѣе представлялись земныя радости, и я уже хотѣлъ воротиться, какъ вдругъ проводникъ мой, указывая на низкую дверь, сказалъ: » Вотъ знаменитая часовня, гдѣ были засѣданія тай-

* Былъ примѣръ, что дверь затворилась отъ вѣтра, и любопытные странники погибли голодною смертію.

наго судилища! » Будучи такъ близокъ къ цѣли моего странствія, я рѣшился войти въ часовню, чтобъ послѣ имѣть, по крайней мѣрѣ, удовольствіе сказать: *я видѣлъ собственными глазами*, и проч.

Вошедъ въ двери, я остановился на ступеняхъ, и взглянулъ вдаль.

Возлѣ одной изъ колоннъ, поддерживающихъ своды, стоялъ человѣкъ высокаго роста, черноволосый, блѣдный, въ цѣпѣхъ; онъ былъ въ венгерскъ чернаго цвѣта и въ черной фуражкѣ, похожей на токъ. Спिनной онъ стоялъ къ колоннѣ, руки его поджаты были накрестъ на груди, и одной ногою онъ упирался въ большой четвероугольный камень, на которомъ стоялъ фонарь. Свѣсивъ голову, онъ смотрѣлъ пристально на этотъ камень, и погруженъ былъ въ такую думу, что не замѣтилъ нашего прихода.

Мой проводникъ, указывая пальцемъ на сей камень, сказалъ мнѣ: « это плаха! »—

Тутъ воображеніе мое проснулось. Видѣ

этого блѣднаго челоѣка, размышляющаго въ уединеніи, надъ плахою, привелъ меня въ содроганіе. Рядъ воспоминаній, одно ужаснѣе другаго, какъ фантазмагорическая картина, предсталъ умственнымъ монмъ взорамъ. Я почувствовалъ пріятность ужаса въ опасности, и, чтобъ продолжить наслажденія, подошелъ къ незнакомцу, желая завести съ нимъ разговоръ о страшной старинѣ, которой остовъ былъ передъ нами.—

Незнакомецъ замѣтилъ меня не прежде, какъ я остановился возлѣ него, въ двухъ шагахъ. Плаха раздѣляла насъ. Я приподнял шляпу; онъ отвѣчалъ мнѣ наклоненіемъ головы.

— «Мрачная Поэзія!» сказала я.

— «Спасительный урокъ для челоѣчества!» отвѣчалъ незнакомецъ, не перемѣняя положенія.

— «Слава Богу, что мы живемъ не во времена *тайнаго судилища*,» сказалъ я, ударивъ тростью по плахѣ.

— «Въ свое время *тайное судилище* было благодѣяніемъ для челоѣчества,» возразилъ

незнакомецъ: «когда сила и развратъ не боялись законовъ, когда правители народовъ были не въ состояніи обуздать своеволія могущественныхъ вельможъ, и когда Римъ продавалъ индульгенціи, тогда не было другаго средства возстановить равновѣсіе между сильнымъ и слабымъ, какъ учредить невидимую власть, которая бы слѣдила и карала нарушителей правъ и чести. Теперь другое дѣло! Теперь, тѣ преступленія, которыя выходятъ изъ круга дѣйствія законовъ, караетъ *общее лишице*, та же невидимая сила, то же *тайное судилище*, которое иногда также обманывается, какъ и прежде, и караетъ безвинныхъ, но ложнымъ доносамъ. Но судъ *тайнаго судилища* оканчивался смертію подсудимаго, а судъ *общаго лишица* гораздо ужаснѣе, ибо, оставляя ему жизнь, безславную и безнадежную, ведетъ его по скользкой стезѣ между двумя пропастями, между отчаяніемъ и преступленіемъ» Незнакомецъ замолчалъ и тяжело вздохнулъ.

Я смотрѣлъ на него съ ужасомъ и какимъ-то необыкновеннымъ уваженіемъ. Глу-

бокая меланхолия и душевное страданіе рѣзко выражались на лицѣ его, полусвѣщенномъ отдаленнымъ свѣтомъ факеловъ. Во всѣхъ пріемахъ его было что-то живописное, а голосъ его съ необыкновенною звонкостью и чистотою раздавался подъ сводами, и проникалъ въ мое сердце. Я чувствовалъ превосходство его надъ собою въ уединеніи, и даже не смѣлъ продолжать начатаго разговора.—

—»Различными путями время мчитъ насъ всѣхъ къ одной видимой цѣли жизни, къ могилѣ,» сказалъ незнакомецъ протяжно. »И вотъ самая ужасная ступень той лѣстницы, по которой должно нисходить въ вѣчность!» примѣвилъ онъ, топнувъ ногою по плахѣ.

Незнакомецъ приподнялъ токъ свой, поклонился, взялъ фонарь и быстрыми шагами вышелъ изъ часовни.

Съ нимъ исчезла для меня вся Поэзія, все очарованіе подземелья. Осмотрѣвъ хладнокровно эту кучу камней, эти кольца, вдланные въ стѣну, каменныя сѣдалища несчаст-

ныхъ узниковъ— я медленно возвратился на поверхность земли, гдѣ ждалъ меня наемный экипажъ, чтобъ везти на званый вечеръ.

Въ числѣ посѣтителей водъ былъ одинъ Нѣмецкій Баронъ изъ сѣверной оконечности Европы, по сю сторону Балтики, изъ страны, гдѣ бѣльшая часть Бароновъ ни объ чемъ болѣе не говорятъ и не думаютъ, какъ о доходахъ, о процентахъ, объ урожаѣ, о винокуреніи, о картофеляхъ, о лошадяхъ и о собакахъ; гдѣ они женятся не по любви, и даже не изъ богатаго приданого, а для того, чтобъ имѣть въ домѣ хозяйку и подюжшы баронятъ, которымъ можно бы было передать свои права и привилегіи, и свой образъ мыслей на счетъ винокуренія, процентовъ и хлѣбопашества. Этотъ Баронъ былъ человекъ добрый, какъ бѣльшая часть его земляковъ, но добрый отрицательно, то есть, онъ не дѣлалъ зла и не гонялся за добромъ. Онъ готовъ былъ помочь въ нуждѣ сосѣду и пріятелю — за шесть процентовъ, подъ вѣрный залогъ; не измѣнялъ слову, но и не обѣщалъ ничего, когда представлялся хотя отдален-

ная возможность сама меньшей потери; выплачивала исправно слугам жалованье, по вычитала за каждую разбитую рюмку, за каждый растроченный сноп; не обманывала своих крестьян, но не давала большому даром порошка ревеню, а записывала четко в долговую книгу, и наконец два раза в год угощала обѣдом своих друзей, у которых онъ обѣдывал также по два раза в годъ. Словомъ, Баронъ былъ человекомъ добрымъ и порядочнымъ, такой человекъ съ которыми я чрезвычайно люблю жить и водиться, потому, что они не приводятъ крови моей въ движение, не раздражаютъ желчи, не разстраиваютъ нервовъ и не отнимаютъ у меня времени. Баронъ имѣлъ отъ роду лѣтъ за сорокъ, и по обычаю страны своей, женатъ былъ на двоюродной сестрѣ. Онъ имѣлъ довольно приятную наружность, не смотря на рыжеватые волосы, былъ важенъ во всѣхъ пріемахъ, тяжелъ и холоденъ какъ свинецъ, и въ обращеніи гордъ, какъ Турецкій Паша передъ Жидами. Жена его была не болѣе двадцати лѣтъ. Она была красавица

и при томъ умна, начитана, любезна въ обращеніи, съ пылкимъ романтическимъ воображеніемъ, съ пламенною любовью ко всему изящному. Светлоканитановые волосы ея, всегда убранные съ отмытымъ вкусомъ, длинныя рѣсницы, темныя брови, голубые глаза, блѣлое лице съ пылкимъ румянцемъ, тонкій станъ, полная грудь, маленькая ножка, все принадлежности красоты, все, что очаровываетъ взоры и заставляетъ биться сердца, соединено было въ Баронессѣ. Мужъ и жена были какъ ледъ и огонь, и если бы сердце ихъ не раздвѣяло равнодушіе, какъ могильная насыпь, то или ледъ долженъ былъ растаять, или огонь погаснуть. Любовь только выжидала случая, чтобы различить навѣки двѣ стихіи, сдвинутыя случаемъ вопреки законамъ Природы. Гдѣ же болѣе случаевъ, какъ не на водахъ? — Берегитесь ледяные мужья!

Мы все волочили за Баронессой, но безъ успѣха. Баронъ пользовался благопріятными обстоятельствами, съѣдалъ наши ужины и обѣды, и позволялъ намъ восхищаться своею

женою, какъ говорится, на благородной дистанціи. На вечеръ, куда я былъ званъ, былъ также приглашенъ Баронъ съ женою. Чтобы угодить ей, я выписалъ изъ Парижа собраніе новыхъ романсовъ, и, получивъ въ сей день съ почты, поспѣшилъ туда, гдѣ надѣялся найти ее, и уловить заслуженный мною благосклонный взглядъ ея и милую улыбку.—Тщетно я ждалъ цѣлый вечеръ: Баронъ и Баронесса не явились на званный вечеръ.

На другое утро я послалъ моего камердинера узнать о здоровьѣ Баронессы и отослалъ ей романсы. Черезъ полчаса онъ возвратился и, подавая мнѣ поты, улыбнулся съ гримасою, махнулъ указательнымъ пальцемъ въ воздухъ, какъ бы желая означить полетъ птицы, и сказалъ: «Adio, la signorina!»

— »Что это значитъ? Говори скорѣе!» сказалъ я съ нетерпѣніемъ.

— »Прекрасная Баронесса уѣхала отъ мужа, не извѣстно съ кѣмъ и куда,» отвѣчалъ камердинеръ.

Три дня говорили объ этомъ проишеств-

віи, сожалѣли, догадывались, и наконецъ позабыли. Изъ высшаго круга все посѣтители были на лицо. Не кого было даже подозревать въ похищеніи. Многие думали, что этотъ побѣгъ есть слѣдствіе какойнибудь старой интриги.—Не знаю, отчаявался ли Баронъ. Въ трактирѣ, гдѣ онъ жилъ, не замѣтили ни какой перемѣны въ его образѣ жизни, кромѣ того, что въ его комнаты носили кушанье одною порціей менше.

Когда время купанья кончилось, я, по совѣту новыхъ друзей моихъ, отправился на зиму въ Вѣну. Въ Зальцбургъ я остановился на нѣсколько дней, чтобы отдохнуть и осмотрѣть достопамятности.

На другой день послѣ моего пріѣзда, я лежалъ въ постель, и читалъ весьма занимательный Романъ. Пробило двѣнадцать часовъ ночи, и я погасилъ свѣчу; но выбившись изъ сна, не могъ никакъ забыться. Въ домѣ и на улицѣ было тихо и темно. Вдругъ мнѣ послышалось, что дверь моя изъ корридора отворяется потихоньку. Камердинеръ мой спалъ въ нижнемъ этажѣ, и потому я полагалъ навѣрное,

что ко мнѣ крадется воръ. Я присѣлъ на постель, и искалъ ощупью пистолетовъ.

Дверь отворилась, и въ комнату вошелъ человекъ, закутанный въ плащъ, съ покрытою головою. Переступая черезъ порогъ, онъ вынулъ изъ подъ плаща потайной фонарь. На цыпочкахъ приближался онъ ко мнѣ, приложивъ перстъ ко рту. Лишь только я могъ рассмотреть его лице, я тотчасъ узналъ незнакомца, съ которымъ встрѣтился въ подземельѣ, въ Баденѣ.

Онъ распахнулся, и я увидѣлъ, что онъ былъ вооруженъ съ головы до ногъ. Двѣ пары пистолетовъ и кинжалъ торчали у него за поясомъ; чрезъ плечо висѣлъ на шнуркѣ Турецкій ятаганъ. Хотя солдатская пѣсня и весьма справедливо говоритъ о Русскомъ народѣ, что:

« Наши въ полѣ не робѣютъ, »

по я былъ безоруженъ, въ постель, противу вооруженнаго, сильнаго человека, который стоялъ надъ мною, какъ волякъ надъ овцою. Признаюсь, я робѣлъ!

— « Не бойтесь меня, Графъ! » сказалъ онъ

тихимъ голосомъ. « Я пришелъ не для того, чтобъ сдѣлать вамъ зло, но чтобъ просить у васъ помощи. Я имѣю особенное уваженіе къ Русскимъ, и увидѣвъ васъ сегодня на улицѣ, тотчасъ рѣшился прибѣгнуть къ вамъ, въ полной увѣренности, что вы можете мнѣ великодушно въ дѣль, отъ котораго зависить болѣе, нежели жизнь моя. — Слушайте! Меня здѣсь ищутъ, и мнѣ будетъ плохо, если я попадусь въ руки Правительства. О себѣ не беспокоюсь . . . я уйду! Но у меня есть подруга, которой я не могу взять съ собою теперь. Садитесь сей часъ въ вашу карету, и поѣзжайте своимъ путемъ, въ Вьну. Я привелъ уже лошадей съ почты, и дама будетъ ожидать васъ на поворотѣ улицы. Въ слѣдующую ночь дама оставитъ васъ. » —

Я не зналъ, что отвѣчать. Не смѣлъ отказать, и чувствовалъ, что, согласясь на его просьбу, сдѣлаю что нибудь противузаконное. Незнакомецъ, примѣтя мою нерѣшительность, сказалъ: « Я знаю, что не имѣю права ни на какое пожертвованіе съ вашей

стороны, но я долженъ вамъ сказать коротко и рѣшительно, что если вы откажете мнѣ въ помощи, то гдѣ бы вы ни были, въ цѣломъ мѣрѣ вы не скроетесь отъ моей мести!»... Глаза его страшно засверкали, и онъ ударилъ по рукояти своего книжала. «Когда же согласитесь на мою просьбу... будьте увѣрены, что не раскаетесь въ этомъ....» примолвилъ онъ умоляющимъ голосомъ.

— «Вамъ не слѣдовало бы приступать ко мнѣ съ угрозами,» отвѣчалъ я: «и безъ того я готовъ помочь дамѣ... Позвольте мнѣ встать и одѣться...»

Не знакомецъ бросился мнѣ на шею. «Благодѣтель, спаситель мой!» сказалъ онъ съ жаромъ. «Вы знаете эту даму, которую спасаете отъ величайшей опасности. Это Баронесса, которую вы такъ отличали въ Баденѣ!»

— «Баронесса!» воскликнулъ я съ удивленіемъ. «Но я никогда не встрѣчалъ васъ въ ея домѣ...»

— «Мы познакомились въ другомъ мѣ-

сть, а я не имѣлъ нужды показываться въ обществѣ, въ Баденѣ. Но дѣло въ томъ, что она моя, и что вы должны спасти ее!»

— «Отъ всей души!» примолвилъ я, выпрыгнувъ изъ постели, и началъ одѣваться.

— «Вы дадите мнѣ честное слово, что не измѣните?»... сказалъ незнакомецъ, протянувъ руку.

Я хлопнулъ рукою въ руку, примолвивъ: «Сказано!»

Незнакомецъ зажегъ свѣчи, стоявшія на моемъ столикѣ, поставилъ фонарь, поджалъ руки, и принялъ то же самое живописное положеніе, которое поразило меня при первой нашей встрѣчѣ въ подземельѣ. — Онъ сказалъ мнѣ какимъ-то торжественнымъ тономъ: «Вы помните, что я сказалъ вамъ о судилищѣ, которое ужаснѣе *тайнаго судилища*. Я осужденъ имъ! Одно сердце сжалилось надо мною въ цѣломъ мѣрѣ. Одно существо рѣшилось соединить участь свою съ безнадежною участію изгнанника... и это единственное сокровище, этого ангела-хранителя вѣрряю вамъ!... До свиданія!» — при-

молвилъ онъ быстро, пожалъ мою руку, и вышелъ поспѣшно изъ комнаты. Черезъ нѣсколько минутъ вошелъ мой камердинеръ и съ удивленіемъ смотрѣлъ на меня; не постигая причинъ внезапнаго моего отъѣзда, онъ сказалъ мнѣ, что трактирный слуга разбудилъ его, и объявилъ, что лошади уже запряжены.

Черезъ четверть часа явился хозяинъ трактира. Онъ умолялъ меня остаться, по крайней мѣрѣ до свѣта, говоря, что въ окрестностяхъ бродитъ шайка разбойниковъ, за которою выслали, съ вечера, въ погоню цѣлый баталіонъ егерей; что наканунѣ ограбили почту съ казною, въ трехъ мѣлахъ отъ города, и что въ самомъ городѣ разбили двѣ лавки. . . . Но я далъ слово, и не могъ откладывать! Похрабрившись передъ хозяиномъ, хотя въ сердцѣ и на умѣ у меня было другое, я расплатился съ нимъ и съѣхалъ со двора.

Не доѣзжая до угла улицы, я вышелъ изъ кареты и пошелъ пѣшкомъ. Женщина, покрытая вуалемъ, въ дорожномъ

платѣ, ждала меня на углу. Я подалъ ей руку и въ безмолвіи проводилъ до кареты. Мы усѣлись рядомъ, почталіонъ хлопнулъ бичемъ, и лошади помчались. Кажется, что почталіонъ былъ участникомъ нашей тайны, ибо онъ даже не оглядывался, когда дама садилась въ карету.

У городскихъ воротъ прописали мой панпортъ, и даже не заглядывали въ карету. Выѣхавъ за заставу, почталіонъ сказалъ громко: «Слава Богу!» — перекрестился и погналъ лошадей во всю скачь.

Долго не смѣлъ я начать разговора съ Баронессою. Она также молчала. Наконецъ я рѣшился промолвить обыкновенную фразу, что почитаю себя счастливымъ, имѣя случай услужить ей, и проч. Она не отвѣчала, а плакала. Изъ принчія я не смѣлъ спрашивать объ ея похитителѣ, однакожъ осмѣлился намѣкнуть ей объ этомъ, будучи не въ силахъ преодолѣть мое любопытство. «Не спрашивайте меня о несчастномъ,» сказала она, рыдая. «Онъ безъ имени между людьми, безъ отечества! Когда я узнала его,

тогда онъ былъ не то, что теперь.... Судьба моя рѣшена!...» Всклипыванія пресвѣкли слова ея — печально ѣхали мы цѣлый день. Она не выходила на станціяхъ изъ экипажа, и не снимала покрывала. Мнѣ было грустно съ нею, и я съ нетерпѣніемъ ждалъ окончанія сего происшествія.

Съ наступленіемъ ночи мы въѣхали въ густой лѣсъ, между горъ и овраговъ. Проехавъ около мили, вдругъ услышали свистъ. — Я вздрогнулъ и схватился за пистолеты. «Не бойтесь, это *онъ!*» — сказала Баронесса и велѣла почталіону остановиться. Поблагодаривъ меня въ краткихъ, но вѣжливыхъ выраженіяхъ, Баронесса простилась со мною, пожала мнѣ руку, вышла изъ кареты и открылась въ лѣсу. Я поѣхалъ далѣе.

Проживъ зиму въ Вѣнѣ, я отправился на лѣто въ Италію. Въ Лайбахъ пріѣхалъ я въ полдень, и крайне удивился, что въ будній день все лавки были заперты и весь народъ толпился на улицахъ. На площади я долженъ былъ остановиться за тѣнотою. Тутъ взорамъ моимъ представилось стран-

ное зрѣлище! На срединѣ площади воздвигнутъ былъ эшафотъ. Въ ту самую минуту, когда я выглянулъ изъ кареты, осужденный на казнь преступникъ становился на колѣни, передъ плахой!... Это былъ мой *незнакомецъ!*... Третій и послѣдній разъ встрѣтился я съ нимъ въ жизни. — Я отворотился, чтобъ не видать несчастнаго! Вопль народа извѣстилъ меня, что его уже не стало....

Въ трактирѣ узналъ я, что онъ былъ атаманомъ разбойничьей шайки. Исторію его жизни рассказывали мнѣ различнымъ образомъ. Одинъ старикъ, достойный вѣротія, сказалъ мнѣ за общимъ столомъ, что несчастный былъ родомъ изъ сѣверной Италіи, принадлежалъ къ хорошей фамиліи, увлеченъ былъ карбонаріями въ политическія преступленія, и, избывая заслуженной казни, принялся за ремесло разбойника.... Никто не зналъ его настоящаго имени: онъ извѣстенъ былъ подъ названіемъ *Чернаго брата* (Schwarzer Bruder).

А что случилось съ Баронессою? спросите вы меня. — Мнѣ сказывали, что когда разбой-

шья шайка, преследуемая солдатами, прижата была къ берегу озера, то во время послѣдней атаки, когда атаманъ палъ на землю, покрытый ранами, женщина, бывшая между разбойниками, бросилась съ утеса въ воду — и утонула! —

А что случилось съ Барономъ? Право не знаю! Вѣрно онъ теперь на винокурнѣ, или размышляетъ, какимъ образомъ умножить проценты съ суммы, въ которую оцѣнено его имѣнье, а что всего вѣрнѣе — онъ возится съ своими меринсами! —

— N° II. —

ПЕРВАЯ ЛЮБОВЬ.

Рассказъ стараго воина, въ обществѣ молодыхъ людей, столичныхъ жителей.

Возьмите мечъ — я не достоинъ брани!
Сорвите лавръ съ чела — онъ съ страстью помрачаетъ

Д. Давыдовъ.

Вы спрашиваете меня, былъ ли я влюбленъ когда нибудь. Что за вопросъ? Вѣдь я не пушка! Я любилъ, только не по-вашему, потому, что я созданъ изъ тѣла и крови, а вы — изъ облакокъ! Хотите-ли, я вамъ расскажу про мою первую любовь; но, чуръ, не перерывать и не гнѣваться!

Да! не гнѣваться; потому, что я долженъ начать рассказъ обращеніемъ къ вамъ,

Ч. I.

2

друзья мои. Вы почитаете насъ, стариковъ, дикарями. Мы кажемся вамъ смѣшными. А мнѣ, смотря на ваше чванство, ей, ей, не смѣшно, а жалко! Вы молоды, а что значить жизнь ваша! Холостой зарядъ, — и только! Это ли молодость? вялая, чахлая, блѣдная, близорукая, которая питается по рецептамъ, дышитъ по барометру, рабствуетъ сѣверному вѣтру, и стремится въ храмъ славы въ галошахъ! Въ наше время, счастливыцы родились въ сорочкахъ, а вы, кажется, родились въ фланелевыхъ фуфайкахъ, и отъ того-то мы искали счастья въ полѣ, а вы находите его за печью. Глядя на васъ, мнѣ право страшно, чтобъ племя ваше, со временемъ, не переродилось въ куropатокъ.

И вы спрашиваете меня, любилъ ли я! Ну, право, когда вы говорите о любви и славѣ, это все равно, когда курица поетъ пѣтухомъ.

Таковы ли были мы въ ваши лѣта! Миліонъ бомбъ!! Изъ первой моей раны пролилось болѣе крови, нежели сколько есть

я у всѣхъ васъ вмѣстѣ, и я, на госпитальной моей кровати, былъ сильнѣе, нежели вы на паркетѣ, въ контрадансахъ. Вы живете, то есть, чувствуете и наслаждаетесь *головаго*, а мы жили *сердцемъ*, жили жизнью полною, свѣжею, свободою; мало думали, но за то не выдумывали глупостей и нелѣпостей; болѣе шалили, но менѣе пресмыкались; чаще обманывались, но менѣе обманывали; мечтали не такъ отвлеченно, но были счастливѣе въ мечтахъ нашихъ, этихъ метеорахъ души. Вы порочны безъ страстей, а насъ только страсти увлекали въ пороки. Лѣта и разсудокъ исправляли насъ, а васъ они глубже увлекаютъ въ бездну. Чтобъ сравнить наши наслажденія съ вашими, скажу: мы рвали плоды съ дерева, а вы кушаете яблоки, печенья; мы ѣли ростбифъ недожареный, а вы пьете бульонъ.

Но довольно и этой правды, на первый случай. Послушайте о моей любви. Она столько же походить на вашу любовь, какъ уланская пика на зубочистку.

Это было раннею весною, 1807 года: я

былъ тогда корнетомъ въ уланскомъ полку, молодъ, здоровъ, крѣпокъ, веселъ и беззаботенъ. Мнѣ все было тринь-трава. Зналъ я, что мнѣ было нужно; имѣлъ, что было надобно. Былъ сытъ и одѣтъ, имѣлъ коня, саблю, пару пистолетовъ, — и довольно! Скажу мимоходомъ, не для хвастовства, а потому, что это нужно къ дѣлу, что на конѣ сидѣлъ я, какъ гвоздь въ перекладнѣ, вертѣлъ саблей, какъ вы вертите лорнетомъ, и на тридцати шагахъ попадалъ въ цѣль восемь разъ изъ двѣнадцати. Конную службу любилъ и зналъ хорошо, а къ пѣшей не имѣлъ охоты За это мнѣ доставалось порядкомъ, — и подѣломъ! Нужно ли сказывать, что подраться у меня была смертная охота! Вѣдь это врожденное чувство нашего Славянскаго племени.

Полкъ нашъ поздно присоединился къ дѣйствующей арміи. Наполеонъ уже успѣлъ проглотить Прусское войско, и принялся было за наше, но мы показали ему слишкомъ жесткими на зубахъ: и такъ, поперхнувшись подъ Пултускомъ, и подъ Прейсшицъ-

Эйлау онъ бросился въ марши, въ контрмарши, чтобъ запутать насъ въ свои тенета, и, наконецъ, поподчивалъ насъ даже перемиріемъ. Между-тѣмъ главныя силы наши собирались въ окрестностяхъ Бартенштейна, и войско укрѣплялось вспомогательными отрядами, прибывавшими, одинъ за другимъ изъ Россіи. Полкъ нашъ расположился, въ началѣ Марта, на квартирахъ, для поправки лошадей, въ тылъ арміи, на правомъ флангѣ операціонной линіи.

Хотя занимаемыя нами мѣста не были разорены неприятелемъ, но голодные пріятели такъ обглодали ихъ, что на нашъ най достались пустыя кладовыя, тощіе Нѣмцы и печальныя Нѣмочки, которыхъ намъ же надлежало утѣшать. Для добыванія фуража и съѣстныхъ припасовъ мы должны были высылать фуражировъ, иногда весьма далеко, даже за черту нашихъ пикетовъ. Мы не грабили — сохрани Богъ! — нашихъ союзниковъ, а, какъ говорится, брали добровольно, и выдавали имъ квитанціи, которыя въ послѣдствіи уплачивала покойная Мемельская

Ликвѣдационная Коммисія существовавшая такъ долго, что въ угодность аккуратнымъ Нѣмцамъ, вѣроятно, успѣла сосчитать все взятое нами по зернышку и по соломенкѣ. Слыхалъ я, что въ нашей арміи были такіе шалуны, которые, вмѣсто квитанцій, писали Русскія пѣсни или ассигнаціи на сто палокъ подателю. Если это правда, то вотъ вѣрно первый и послѣдній случай, въ которомъ Нѣмцы остались въ накладѣ, имѣя дѣло съ Русскими! Впрочемъ, мнѣ известно, что многіе изъ насъ давали квитанціи на большее количество, нежели было взято, изъ состраданія, или ради прелестныхъ глазокъ. И такъ, изъ всего этого выходитъ *plis*, или *одна за другую*.

Въ нашемъ полку не было такихъ шалунѣвъ. Правда, мы брали все до-чиста, гдѣ находили, но за то расчитывались на-чисто. — И то сказать, легко быть щедрымъ и справедливымъ, когда это ничего не стоитъ, кромѣ подписи своего имени. . . . Примѣры передъ глазами!

Вотъ, пришла моя очередь отправляться

на охоту, за фуражемъ и съѣстнымъ. Мнѣ дали взводъ уланъ и словесный приказъ, не возвращаться безъ продовольствія на цѣлый эскадронъ, по крайней мѣрѣ, на семеро сутокъ. Хоть не радъ, да будь готовъ. На конь! По три нальво завѣжай, — и маршь!

Бѣду три миля: все голодно и пусто, хоть помеломъ помети. Бѣду другія три миля: одно и то же. На поляхъ черно, картофель вырытъ изъ земли; въ амбарахъ, въ клетяхъ двери настежь, а жители такъ и смотрятъ не постомъ и не молитвою, а *швернотомъ*. Спрашиваю: что далѣе? Мнѣ отвѣчаютъ, что во всю длину отъ нашихъ квартиръ до самой Русской границы, все тлѣтся одна нота, *lamentabile*, безъ варіацій. Что тутъ дѣлать? Впередъ не велѣно ѣздить, чтобъ не наткнуться на Французовъ, ибо я высланъ былъ не на драку, а для укрѣпленія силъ коней и всадниковъ для драки. Но мнѣ такъ наскучило таскаться по этимъ пустопорожнимъ мѣстамъ, смотреть на тощія лица и слушать жалобы Нѣмцевъ, что я, благословясь, махнулъ впередъ, въ запрещенную сторону. Про-

Въхавъ мѣли съ четыре, за черту нашихъ кантонирь-квартирь, я попалъ въ рай, въ которомъ не удалось еще побывать ни друзьямъ ни врагамъ. Въехали въ деревню, и озорочки наши разыгрались. О, какое миловидное зрѣлище представилось нашимъ хищно-нѣжнымъ взорамъ! Пѣтухи фанфароняютъ по улицамъ, и громкимъ крикомъ напращиваются на вертелъ. Жирные гуси и утки, какъ глупые богачи, важничаютъ въ лужь, не помышляя о близкомъ соседствѣ кастрюли. Живые окорока хрюкаютъ подь заборомъ, какъ недоросли въ почетныхъ собраніяхъ, а вдали, на лугу, мычатъ и блеютъ чернь, то есть, домашній скотъ. А люди?... Молодыя бабенки и дѣвушки бѣгутъ въ лѣсъ, дѣти визжатъ, старухи охаютъ и кричатъ, а безобразныя дѣвки и мужики стоятъ на порогахъ, поджавъ руки, повѣся носъ, въ ожиданіи приказаній. Подъѣзжаю къ толстому Нѣмцу, который, будто паштетъ, начиненный сосисками, сидѣлъ неподвижно на камнѣ, и спрашиваю, чего они испугались. Тутъ я узналъ, что насъ приняли за Польскихъ уланъ На-

полеоновой арміи, которые, для за два предъ тѣмъ, такъ порядочно похозяйничали въ соседней деревнѣ, что послѣ нихъ мухи и тараканы, избѣгая голодной смерти, вышли добровольно изъ домовъ на подножный кормъ. Громко и протяжно сказалъ я: *Wir sind Russen!* (т. е. мы Русскіе!) Мои уланы повторили еще громче: — Руссь, Руссь! — По всей деревнѣ раздалось: — Руссенъ, Руссенъ! — и бѣжавшіе въ лѣсъ поворотили налѣво кругомъ, стоявшіе неподвижно у порога зашевелились, бабы перестали охать, а ребята завопили другимъ голосомъ. Толстый Нѣмецъ, къ которому я отнесся сначала, раскачался, привсталъ съ размаху, поклонился, какъ подбитая мортира, и объявилъ торжественно, что онъ нульць, то есть староста. Его-то мнѣ и надобно было.

Я сказалъ ему, что, претерпѣвая крайній недостатокъ во всемъ, мы не можемъ полагаться на добровольную продажу, и потому староста долженъ дать намъ подводы и нагрузить на нихъ, какъ возможно болѣе, фуража и съѣстнаго, взявъ у каждого поселя-

пина около половины его запаса. За все взятое я обещалъ заплатить *щедро*.

При первой половинѣ моей рѣчи, лице старосты раздулось, какъ кузнечный мѣхъ, глаза выкатились и губы отвисли. Онъ бы вѣрно поблѣднѣлъ отъ ужаса, если бы въ немъ было хотя полуведромъ поменѣе крови. Но какъ крови его нѣкуда было отступить отъ головы, то онъ вдвое раскраснѣлся, и въ недоумѣніи не могъ промолвить ни слова. За то вторая половина моей рѣчи произвела спасительное дѣйствіе. Онъ расширилъ ротъ до ушей, и такъ сильно кивнулъ своею огромною головою, что, еслибъ въ это время ко лбу его подставили сваю, онъ вѣрно вколотилъ бы ее на сажень въ землю.

Я выразумѣлъ, что староста доволенъ и согласенъ.

Вы не можете себя представить, какое магическое дѣйствіе имѣетъ во всей Германіи слово *bezahlen* (платить). Оно, какъ гальваническое прикосновеніе потрясаетъ всѣ нервы добраго, но расчетливаго Нѣмца, приводитъ сердце его въ движеніе, какъ вода

жернова, и утишаетъ въ немъ всѣ страсти. Этимъ словомъ можно бы, кажется, вызвать изъ гробовъ древнихъ сподвижниковъ Германа, побѣдителя Варруса, которые послѣ такъ усердно служили Римскимъ Императорамъ, за любезное *bezahlen*. И такъ, не мудрено, что полномѣстный староста двинулся съ мѣста, немедленно передалъ поселянамъ мое приказаніе, и вся деревня пришла въ движеніе. Безъ слова *bezahlen*, пришлось бы расшевеливать ихъ другимъ порядкомъ.

Въ концѣ липовой аллеи, въ верстѣ отъ деревни, показывались изъ за зелени бѣлыя стѣны и красныя крыши господскаго строенія. Взявъ съ собою двухъ уланъ, я поехалъ туда, въ надеждѣ на вкусный обѣдъ и на какой нибудь сладкій гостинецъ для моихъ товарищей, голодавшихъ, въ это время, при эскадронѣ.

Видно было, что въ господскомъ дворѣ уже знали о нашемъ появленіи, но не знали еще, что мы *друзья*, ибо ворота были заперты, вездѣ было глухо и пусто, на обширномъ дворѣ одна только живая душа. То

былъ Прусскій инвалидъ, времяъ Фридриха Великаго. Онъ стоялъ неподвижно, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ рѣшетчатой калитки, опершись на длинную трость. На немъ была сняя изношенная куртка съ красными лацканами, лосиное исподнее платье и длинные сапоги. Рыжая треугольная шляпа надѣта была на бекрень. Сѣдые волосы ниспадали на вискахъ до воротника, а стѣлу связаны были въ косу. Сѣдые усы, крѣпко намыленные, какъ бараньи рога торчали изъ подъ длиннаго краснаго носа. Старикъ пріосанился и громко вскрикнулъ:—*Wer da?* Кто идетъ?

— Друзья, Русскіе! отвѣчалъ я.

— *Herein!* закричалъ инвалидъ еще громче, поднялъ палку, махнулъ ею надъ своею головою, и, по этому сигналу, отворились двери въ домъ, а въ окнахъ показались чепчики. Прихрамывая, подошелъ инвалидъ къ воротамъ, отперъ ихъ настежь, вытянулся въ струнку, и снявъ шляпу, пропустилъ меня. Я поскакалъ къ крыльцу.

Въ передней встрѣтила меня почтенная дама, хозяйка, съ двумя маленькими дочерьми,

прелестными, какъ херувимчики. Съ комплиментами и церемоніями она ввела меня въ залу, гдѣ уже былъ поставленъ завтракъ. Поблагодаривъ хозяйку за вниманіе, я принялся за завтракъ, пожирая часть зубами, а остальное глазами! Давнымъ давно я такъ не лакомился! Въ одно мгновеніе я забылъ всю прошлую нужду, и былъ счастливъ, какъ волкъ въ овчарнѣ.

До этого завтрака включительно, сознаюсь, я жилъ волкомъ или, лучше сказать, волченкомъ на бѣломъ свѣтѣ. Не зналъ другихъ наслажденій, кромѣ удовлетворенія первыхъ потребностей жизни, и хотя заглядывалъ иногда въ книги, но тогда только, когда не имѣлъ позыва ко сну и на пищу. О нравственныхъ наслажденіяхъ я имѣлъ какое-то сбивчивое понятіе или предчувствіе, но о нравственныхъ горестяхъ не зналъ ни аза, и хохоталъ во все горло, когда меня увѣряли, что горе и печаль убійственнѣе горячки. Любилъ я всѣхъ молодыхъ и пригожихъ женщинъ безъ исключенія, и не понималъ, что такое любовная мука. О жен-

щия думалъ я до тѣхъ поръ, пока былъ съ нею, и никогда не выносилъ за порогъ воспоминаній. Сила физической жизни подавляла во мнѣ всё отвлеченности, всё умственные и душевные порывы. Душѣ тѣсно было въ моемъ крѣпкомъ тѣлѣ, и ей надлежало вспыхнуть, чтобъ разорвать оковы. Сталось!

Дверь въ боковую комнату отворилась, и въ залу вошли двѣ дѣвцы.

— Это мои старшія дочери, сказала хозяйка.

Она еще говорила что-то, но я уже не слыхалъ ея рѣчей, и ничего болѣе не видалъ, кромѣ младшей ея дочери. — Мнѣ казалось, что до сихъ поръ я вовсе не видывалъ женщинъ, а видѣлъ только ихъ изображенія, и что это первая и единственная женщина въ мірѣ, которую я теперь увидѣлъ въ натурѣ. Не столько пораженъ и удивленъ былъ, вѣроятно, прародитель нашъ, Адамъ, когда проснувшись увидѣлъ возлѣ себя Еву, образецъ женской красоты и женской слабости, какъ былъ удивленъ и

пораженъ я, взглянувъ на эту прелестную дѣвицу, пѣжную, воздушную, томную...

Она предстала предо мною какъ видѣніе, начертанное радужными красками на свѣтломъ, прелестномъ облакѣ. Мнѣ не вѣрилось, что это твореніе создано изъ персти!..... Въ головѣ у меня закружилось, взоръ покрылся флеромъ, изъ сердца пролился жаръ по всемъ нервамъ..... Я хотѣлъ что-то сказать, и не могъ.... Смотрѣлъ, молчалъ... Не помню, что случилось со мною!

Я забылъ поставить на столъ опорожненную рюмку, стоялъ неподвижно и смотрѣлъ на красавицу, и хотя она не промолвила ни слова, мнѣ казалось, что я слышу ея голосъ, сладкозвучный, трогательный, какъ тихая, отдаленная мелодія.....

Должно быть, что я страшно смотрѣлъ на нее, какъ людоѣдъ на тучнаго пльинника, потому, что она смѣшалась, покраснѣла и спряталась за сестру. Въ эту минуту, какъ она скрылась отъ моихъ взоровъ, я припелъ въ себя. Опаматовавшись, я замѣтилъ, что мое смущеніе не скрылось отъ вниманія хо-

зайки и ея дочерей. Женщины такъ проникательны въ подобныхъ случаяхъ? Собравъ всё мои силы, я старался завести и поддерживать разговоръ о мелочахъ, но не могъ. Мнѣ все хотѣлось смотрѣть на красавицу, а глядя на нее, хотѣлось молчать—и мечтать. Я чувствовалъ, что былъ неловокъ, странень, но выйти изъ этого положенія было не въ моей власти.

По счастью, хозяйку позвали въ другую комнату, а ко мнѣ явился мой унтеръ-офицеръ, съ вопросомъ, не покормить ли лошадей, и не припугнуть ли Нѣмцевъ, потому, что они лѣниво нагружаютъ фуры и не даютъ всего, что намъ надобно.

Пока я отдавалъ приказанія, чтобъ поставить пикеты и выслать въ разъѣздъ нѣсколько человекъ съ ефрейторомъ, для избѣжанія печальнаго нападенія Французовъ, хозяйка возвратилась въ залу. На лицѣ ея начертаны были неудовольствіе и безпокойство. Уже староста домогался отъ унтеръ-офицера любезнаго *bezahlen*, и получивъ

въ отвѣтъ лаконическое *никсъ* *, пришелъ объявить хозяйкѣ, что жители деревни предсны будутъ въ разореніе, если такое огромное количество запаса взято будетъ безденежно.

—Господишь Офицеръ! сказала хозяйка: мы ради помогать Русскимъ, всѣми зависящими отъ насъ средствами; но если вы лишите насъ на весну всего нашего запаса, то бѣдные поселяне должны пойти по міру. . . .

—Я только исполнитель приказаній начальства, сударыня, и повинуюсь необходимости. . . . Эскадронъ нашъ въ отчаянномъ положеніи, и я долженъ доставать фуражъ и съѣстные припасы, во что бы ни стало. Правительство наше уплатитъ наши квитанціи. . . .

—Но здѣсь, на разстояніи двухъ миль, есть нѣсколько богатыхъ деревень, отвѣчала хозяйка, и еслибъ вы взяли со всѣхъ по

* Известно, что наши солдаты объясняются за границей особеннымъ нарѣчіемъ, своего Русскаго изобрѣтенія.

ровну, то получили бы больше и безъ обиды поселенья.....

— Хотя время мнѣ дорого.... но... если этимъ могу угодить вамъ,..... я согласенъ на все, что вы прикажете. Пошлите нѣсколько человекъ своихъ людей, съ моими уланами, по окрестнымъ деревнямъ съ приказаніемъ, доставить все нужное намъ къ завтраму..... Ваши поселене дадутъ, что имъ угодно, или вовсе ничего не дадутъ: мнѣ все равно, только бы я не возвратился въ эскадронъ съ пустыми руками.....

— Ручаюсь, что вы будете довольны! сказала хозяйка весело. Благодарю васъ, тысячу разъ благодарю, промолвила она, и вышла распорядиться. Я приказалъ унтеръ-офицеру выслать по одному улану съ каждымъ посланцемъ хозяйки, а прочимъ всемъ расположиться на бивакахъ, со стороны поля, вользъ самага забора. Снисхожденіе мое снискало мнѣ благосклонность всѣхъ. Дѣвцы улыбулись мнѣ, и старшая сестра вызвалась показать мнѣ садъ, сказавъ: — Вы въ вѣроятіи пробудете съ нами до завтра?

Хозяйка снова возвратилась, и въ обращеніи со мною видно было больше откровенности и снисхожденія. Она предложила мнѣ квартиру въ своемъ домѣ, примолвивъ съ улыбкою, что поручить дочерямъ своимъ пещись, чтобъ мнѣ было не скучно.

Я взглянулъ на младшую сестру. Она покраснѣла. Я проклиналъ свою неловкость!

Прежде я былъ болтливъ, веселъ, и даже излишне смѣлъ въ дамскомъ обществѣ. Куда все это дѣвалось! Тутъ я сдѣлался робокъ, стыдливъ, и не могъ разжевать ни одного комплимента, не умѣлъ начать разговора. Но счастію, старшая сестра стала спрашивать меня о Россіи, о нашемъ войскѣ, а то бъ я принужденъ былъ бѣжать изъ комнаты. Я никакъ не могъ справиться съ собой. Мнѣ все хотѣлось смотреть на младшую сестру.

Если вы спросите меня, друзья мой, какова была собой эта красавица, которая однимъ взглядомъ обезоружила меня и въ одно мгновеніе переѣнила направленіе всѣхъ моихъ чувствованій, всѣхъ помысленій и оцущеній, я не буду умѣть отвѣчать вамъ!

Тѣ, которые описываютъ съ подробностью своихъ любовницъ, никогда не любили. Я вамъ опишу примѣты тысячи красавицъ, съ которыми я танцовалъ и за которыми вло-чился; но не могу изобразить этой красавицы. Знаете ли что? Въ истинной любви, въ любви душевной, влюбленный не помнитъ отдѣльныхъ чертъ своей любовницы. Онъ любить ее *всю*, съ малѣйшими оттѣнками, незамѣтными для другихъ и неизяснимыми ни какимъ языкомъ. Отъ того-то именно, влюбленный и хочетъ смотрѣть непрерывно на свою возлюбленную, отъ того онъ желаетъ имѣть ея портретъ, что въ отсутствіи никакъ не можетъ вспомнить всѣхъ ея прелестей, всѣхъ чертъ ея лица, всей игры, всего выраженія ея физіономіи. Вы не будете имѣть ни малѣйшаго понятія объ очаровавшей меня красавицѣ, если я вамъ скажу, что у нея были темнокаштановые волосы, темно-голубые глаза, опущенные длинными ресницами, бѣленькіе зубки, станъ въ объемъ руки, ножка..... Ахъ, ножка!..... Вся сила въ томъ, какъ всѣ эти прелести слиты были

вмѣстѣ, какую чудную гармонию составляли онѣ въ своемъ сочетаніи, какая игра и живость были въ ея глазахъ, когда душа про-лядывала въ нихъ на земное, какой прозрачный цвѣтъ имѣло ея блѣдное лице, оживлявшееся румянцемъ тогда только, когда мысль ея пролетала сквозь сердце..... Все это не выразиимо ни словомъ, ни перомъ, ни кистью, какъ теплота солнечная, какъ аромать цвѣтовъ, какъ вкусъ нѣжнаго плода, какъ все живительное и излщное въ Природѣ.

Замѣьте еще одну странность, друзья мои: я еще не видалъ при ней ни одного мужчины, еще не говорилъ съ нею, — а ужъ былъ ревнивъ! Я завидовалъ старшей сестрѣ ея, завидовалъ матери, завидовалъ малюткамъ, сестрамъ ея, завидовалъ собачкѣ, которая играла у ногъ ея... Я бы хотѣлъ унести съ ней въ пустыни, на льдистыя вершины горъ, въ дикіе лѣса, чтобъ никто не видалъ ея, никто не прикасался къ ней, даже звукомъ.....

Вообразите же себѣ, что я долженъ былъ чувствовать, когда передъ самымъ объ-

домъ вошелъ въ комнату молодой человекъ и, едва удостоивъ меня взглядомъ и легкимъ поклономъ, приблизился къ дѣвицамъ....

— Это другъ нашего дома, кандидатъ Философін Кенигсбергскаго Университета, товарищъ сына моего, который теперь въ арміи, сказала хозяйка, повидимому недовольная холоднымъ обращеніемъ ея гости со мною. Я презрительно улыбаюсь.

Между тѣмъ этотъ кандидатъ въ Философы вертѣлся возлѣ дѣвиць, и напештывалъ имъ что-то, съ видомъ фамилярности и самодовольствія, часто заглядывая въ зеркало, поправляя галстухъ, взбивая тупей и поглаживая усы, а я разсматривалъ его съ любопытствомъ, мѣрилъ глазами какъ мишень, на которой вознамѣрился попробовать моихъ пистолетовъ.

Этотъ кандидатъ былъ человекъ лѣтъ двадцати пяти, высокаго роста, сухощавый, блѣдный и черноволосый. Телячьи глаза его были на выкатъ, длинный носъ уподоблялся табачному рожку, и толстыя губы его не сходились на широкихъ зубахъ, какъ поло-

сти туго набитаго чемодана. Онъ былъ въ полувоенномъ нарядѣ, сообразно духу времени, въ свѣтлозеленомъ фракѣ мундирнаго покрою, въ рейтузахъ, при шпорахъ. Господишь представитель школьной мудрости и свѣтскаго дурачества хотѣлъ казаться въ одно время и важнымъ и любезнымъ, то улыбался, то поглядывалъ на потолокъ съ приторною разсѣянностью, то шепталъ дѣвицамъ какія-то плоскости, хохоча самъ во все горло, то принимался звать, повертываясь на каблучкахъ и звуча пинорами. Это былъ подлинникъ провинціального фрапта и университетскаго трактирнаго хвата, олицетворенная Нѣмецкая эниграмма, которой смыслъ должно объяснять комментаріями, рыцарь Латинской кукольной комедіи!...

Доложили, что столъ накрытъ. Я подалъ руку хозяйкѣ, кандидатъ повелъ дѣвиць, и помѣстился между ними, взглянувъ на меня торжественно и значительно. Любовь укротила мою дикую вспыльчивость. Опасаясь оскорбить дамъ, я перенесъ этотъ родъ вызова.

Въ первый разъ въ жизни будучи здоровъ тѣломъ, я не имѣлъ позыва на пищу, за хорошимъ обѣдомъ, и былъ грустенъ, скученъ, едва отвѣчалъ хозяйкѣ, старавшейся поддержать разговоръ. Послѣ обѣда, подъ предлогомъ, что должно осмотрѣть наши биваки, я тотчасъ вышелъ изъ комнаты. Мнѣ хотѣлось отыскать инвалида, и спросить его обо всемъ, касающемся до семейства почтенной хозяйки, сдѣлать его моимъ повѣреннымъ въ дѣлахъ.

Инвалида нашелъ я возлѣ нашихъ биваковъ. Онъ сидѣлъ на камнѣ, курилъ трубку и смотрѣлъ такими глазами на моихъ уланъ, какъ вы, любезные друзья, смотрите на прелестныхъ танцовщицъ въ балетѣ. Истинное наслажденіе видно было въ его взорахъ.

Увидѣвъ меня, онъ привсталъ, положилъ трубку на камень, вытянулся въ струнку и снялъ шляпу. Я обласкалъ его и завелъ съ нимъ разговоръ.

Французъ съ перваго слова рассказалъ всю подноготную; но Нѣмца трудненько мнѣ

было заставить удовлетворить моему любопытству, которое онъ, вѣроятно, почиталъ пустымъ и излишнимъ, и, изъ врожденнаго упрямства, мучилъ меня своимъ лаконизмомъ. Наконецъ два червонца разверзли уста его и сердце. Отъ него узналъ я, что мужъ хозяйки былъ Маіоромъ, и умеръ за два года предъ тѣмъ, оставивъ пятерыхъ дѣтей и долги за десятерыхъ. Покойникъ былъ человекъ добрый, но легковѣрный и пристрастный къ карточной игрѣ. Спекуляціи и карты разстроили дѣла его, которыя вдова надѣялась поправить хорошимъ хозяйствомъ, пока война не разрушила ея надеждъ. Старшая дочь, Албертина, была уже стоворена за Прусскаго Офицера, сослуживца ея брата, а младшая, Леопольдина, только въ послѣдній праздникъ Пасхи пріобщилась Св. Таинъ, то есть, по обычаю Нѣмцевъ, вышла изъ дѣтскаго возраста, и была еще свободна. Инвалидъ, распространялся въ похвалахъ цѣлому семейству, особенно выхвалялъ доброту души Леопольдины, и ска-

— Нить большого въ деревнѣ, о которомъ бы она не пеклась, нить бѣднаго, которому бы не помогла! Это сущій ангелъ во плоти, какъ наша Королева! Вотъ уже седьмой годъ, какъ я не пью ни изъ чьихъ рукъ шансу, какъ только изъ бѣленькихъ ручекъ фрейлейнъ Леопольдины... Она милостива ко мнѣ, старику, и знаетъ, что я готовъ за нее въ огонь и въ воду. Дай Богъ дожить мнѣ до ея счастья!... Боюсь одного, чтобъ къ ней не присватался этотъ проклятый рекрутъ, котораго вы вѣрно видѣли въ домъ. Я терпѣть его не могу!...

— И я также, отвѣчалъ я, ударивъ по плечу инвалида: а кто онъ таковъ?

— А чортъ его знаетъ! Отецъ его былъ Италіанецъ, и, какъ говорятъ, зашелъ къ намъ съ обезьянами, потомъ разбогатѣлъ контрабандою и плутнями, женился на Нѣмкѣ, дочери промотавшагося дворянина, и произвелъ на свѣтъ вотъ этого урода, который пусть и хвастливъ, какъ барабанъ, трусливъ, какъ маркитантъ, а гордъ, какъ генеральскій конь. Наша добрая барыня.

должна ему много денегъ, по векселямъ покойнаго Маіора, не тѣмъ будь помянуть, такъ онъ здѣсь и чванится, какъ ворона на разоренномъ орлиномъ гнѣздѣ. Слышно, будто ему очень полюбилась фрейлейнъ Леопольдина, да онъ уже вѣрно ей не понравится! Ей бы надобно мужа военного, молдца...

— Послушай, старикъ! сказалъ я, всунувъ ему въ руку еще два червонца: я хоть и не такой молодецъ, какого тебѣ надобно, но военный, и полюбилъ всей душой фрейлейнъ Леопольдину. Поди и скажи ей это!.. Узнай, согласится ли она выйти за меня замужъ?...

Инвалидъ отступилъ назадъ три шага, и пристально смотрѣлъ на меня, чтобъ удостовѣриться, не шучу ли я. Но когда я повторилъ ему мою волю, въ которой убѣждали его и мои червонцы, то онъ, покачавъ головою, сказалъ:

— Не ужели вы повезете барышню въ Россію?

— Разумѣется!

— Готсъ-таузендъ! воскликнулъ старикъ, стукнувъ ногою: она такая вѣжненькая, что право не вытерпитъ вашихъ морозовъ!... Вѣдь у васъ, сказываютъ, и дома ледяные...

— Не бойся, дружище, у насъ ни одна жена не замерзала еще въ объятіяхъ молодого мужа. А впрочемъ, если она не согласится вѣхать со мною, то я останусь здѣсь.

— Ну вотъ это другое дѣло! Но не сказать ли прежде барынь?

— Сохрани Богъ! Матери я скажу самъ. Я не смѣю только открыться фрейлейнъ Леопольдинѣ.

— Шверпоть! проворчалъ инвалидъ. Русскій уланъ боится дѣвочки! Да и то правда, что когда мнѣ приглянулась наша маркизанша, то я не смѣлъ открыться ей въ любви, боясь оплеухи, и поручилъ дѣло полковому коновалу! Гиммель-доннеръ-веттеръ! Ни кому я не признавался въ этомъ, а теперь мнѣ не стыдно, когда и Русскіе, которые никого и ничего не боятся, также несмѣлы съ бабами! Извольте, Г. Офцеръ!

пойду и скажу фрейлейнъ Леопольдинѣ, что вы полюбили ее, и спрошу, нравитесь ли вы ей?

— Десять червонцевъ за отвѣтъ! скажетъ я. Инвалидъ отправился въ посольство, а я съѣлъ на лошади и поскакалъ въ чистое поле, чтобъ размыкать горе.

Я развѣзжалъ по опушкѣ лѣса, поглядывая на домъ, и не смѣлъ возвратиться. Раздумывалъ, мечталъ, мучился предчувствіями, даже проливалъ слезы, первыя послѣ пролитыхъ отъ учительскихъ розогъ, не зная, что дѣлать съ собою, хотѣлъ бѣжать отъ этихъ волшебныхъ мѣстъ, и страшился завтрашняго дня, въ который мнѣ надлежало отправиться въ эскадронъ. Наконецъ, когда солнце стало садиться, я почувствовалъ, что долженъ возвратиться въ домъ, изъ приличій, и, въѣжая въ аллею, встрѣтилъ все семейство, которое вышло мнѣ навстрѣчу. Кандидатъ шель рука съ рукой съ Леопольдиной....

Я соскочилъ съ лошади, отдалъ ее лакею, извинился передъ хозяйкой, что долженъ

былъ осмотрѣть мѣстоположеніе, чтобъ умѣть распорядиться въ случаѣ нападенія Французовъ, и осмѣлился взглянуть на Леопольдину. Она потушила глаза, примѣтно смѣшалась и покраснѣла. Я догадался, что инвалидъ исполнилъ мое порученіе.

— Кажется, вы слишкомъ много прилагаете труда, чтобъ избѣгнуть встрѣчи съ Французами! сказала кандидатъ Философіи, обращаясь ко мнѣ съ насмѣшливою улыбкою.

— Я не люблю встрѣчаться только съ глупцами, отвѣчалъ я, притворяясь хладнокровнымъ: а Французовъ остерегаюсь не изъ робости, а потому, что мнѣ *запрещено* встрѣчаться съ ними. Притомъ же благоразуміе велитъ ограждать себя отъ нечаяннаго нападенія. Отъ оплошности страдаетъ честь офицера. Кажется мнѣ, что шпоры и усы ваши не научили васъ военной службѣ, и я берусь дать вамъ урокъ субординаціи...

Хозяйка испугалась словъ моихъ, и старалась замаять эту размолвку. Но этотъ первый шагъ къ истинному моему характеру воз-

вратилъ мнѣ мою смѣлость. Я приблизился къ Леопольдинѣ, взялъ ее за руку, и пошелъ впередъ съ двумя сестрами, посмотрѣвъ грозно на кандидата который долженъ былъ уступить мнѣ свою даму. Рука Леопольдины дрожала въ моей рукѣ.

Албертина замѣтила, что она лишняя, и что я держу ее подѣ руку для того только, что не могу отъ нее отдѣлаться. — Господинъ кандидатъ! сказала она шутиливо, подавая ему свою руку: не угодно ли послужить опорой моей старости? — и не дождавшись отвѣта схватила его подѣ руку, и потащила на другой край аллеи. Мать шла по срединѣ съ малолѣтными дѣтьми. Я удвоилъ шаги, и очутился далеко впередъ, такъ сказать, на единѣ съ Леопольдиной.

Нѣсколько времени мы шли въ молчаніи, наконецъ я рѣшился объясниться.

— Жизнь или смерть? сказала я, прижимая ея руку.... Отвѣтъ вашъ рѣшитъ мою участь. Говорилъ ли вамъ инвалидъ?...

— Вы такъ мало знаете меня, что я право не умѣю ничего отвѣчать.... сказала Ле-

опольдина тихимъ голосомъ, робко оглядываясь.

— Я знаю васъ довольно, чтобъ любить на всю жизнь. Душа ваша во взорахъ вашихъ, на ангельскомъ вашемъ лицѣ, и инвалидъ рассказалъ мнѣ объ васъ...

— Мы только что увидѣли другъ друга... Мы совсѣмъ незнакомы... примолвила она.

— Я вамъ даю столько времени, сколько вамъ угодно, чтобъ узнать меня, узналъ я. Начальники мои и товарищи скажутъ вамъ обо мнѣ, и я готовъ ждать полжизни вашего сомасія... Но скажите только, могу ли я надѣяться....

— Это зависитъ отъ маменьки... сказала она тихо.

— Но если она предоставитъ вамъ рѣшить? Что вы скажете?....

— Вы меня приводите въ самое затруднительное положеніе... Я ничего не могу сказать вамъ безъ маменьки... Я не могу располагать собою...

— Помните, что отъ одного вашего

слова зависить жизнь моя! Если я не буду имѣть надежды снискать любовь вашу, если сердце ваше уже занято, сегодня же меня не будетъ на свѣтъ... Пуля кончить все съ жизнью!

— Вы меня ужасаете!

— Хотите ли, чтобъ я жилъ?...

— Живите, ради Бога, живите, и не мучьте меня такими ужасными мыслями....

— И такъ жизнь и надежда!

— Все зависитъ отъ маменьки...

— А вы?...

— Я не буду противиться ея волѣ...

— Леопольдина! Ангелъ мой, боже-ство, жизнь, честь! клянусь посвятить твоему счастью всѣ дни мои, всѣ мысли, всѣ чувствованія!... — Я былъ внѣ себя.

— Тише, ради Бога, тише! Настъ слышать....

— Излишнимъ почитаю описывать вамъ всѣ подробности нашего перваго объясненія и всей любовной моей болтовни. Довольно того, если я вамъ скажу, что прежде нежели мы дошли до дому, мы уже понима-

ли другъ друга, и что я вступилъ на безконечный путь *надежды*, по которому все люди, имѣющіе какія-либо желанія, стремятся догнать призракъ, называемый *счастіемъ*.

Во весь вечеръ я не отходилъ отъ Леопольдины. Мы разговаривали съ нею о различныхъ предметахъ; она играла на фортепiano, пѣла. Она казалась мнѣ умнѣе Вольтера, искуснѣе всехъ Итальянскихъ пѣвицъ и всехъ въ мірѣ музыкантовъ! Я находилъ въ ней все то, чего, по моему мнѣнію, недоставало другимъ для совершенства. Была ли моя Леопольдина совершенство Природы во всехъ отношеніяхъ, или она только казалась мнѣ совершенствомъ, чрезъ призму моей любви, — этого я рѣшить не умѣю.

Только за ужиномъ замѣтилъ я кандидата Философіи, который сидѣлъ надувшись, какъ мокрый пѣтухъ. Тутъ-то я вспомнилъ, что мнѣ надобно непременно выпроводить его изъ дому или спровадить съ благаго свѣта. Послѣ ужина, когда все разошлось по своимъ комнатамъ, я, безъ всякаго предувѣдомленія, вошелъ къ нему. Онъ си-

дѣлъ за столомъ и разсматривалъ, въ увеличительное стекло, узоры на своей пенковой трубкѣ, поглаживая ее рукавомъ. Онъ крайне изумился моему внезапному появленію. Придвинувъ стулъ, я сѣлъ возлѣ него и сказалъ:

— Вы обошлись со мною невѣжливо, и даже имѣли намѣреніе оскорбить меня, изъявивъ сомнѣніе, при дамахъ, на счетъ моей храбрости. Я хочу доказать вамъ, что Русскій офицеръ не боится ни Французовъ, ни Нѣмцевъ, ни самаго чорта! Завтра, въ пять часовъ утра, не угодно ли со мною стрѣляться?

Лице кандидата ужасно вытянулось. Поблѣднѣть онъ болѣе не могъ, но губы его тряслись и посинѣли. Онъ смотрѣлъ на меня неподвижными глазами, вертѣлся на стулѣ, и не отвѣчалъ ни слова.

— Вышло ли я объяснился? спросилъ я.

Кандидатъ Философіи все молчалъ, все вертѣлся, все морщился, какъ будто собираясь съ духомъ, наконецъ сказалъ:

— Но со мной нѣтъ моихъ пистолетовъ... Здѣсь нельзя найти секундантовъ...

— Мы пособимъ этому, возразилъ я: свидѣтелемъ нашимъ будетъ старый инвалидъ. Онъ зарядитъ одинъ изъ моихъ пистолетовъ, прикроетъ ихъ платкомъ, и каждый изъ насъ, отвернувшись, возьметъ пистолетъ наудачу. Кому достанется заряженный, тотъ будетъ имѣть право убить своего противника, приложивъ дуло къ сердцу или ко лбу. Я впередъ извѣщаю васъ, что если заряженный пистолетъ достанется мнѣ, то не ждите отъ меня пощады. Я разможу вамъ голову непременно. Клянусь честью!.....

— Помните, за что такая ненависть? воскликнулъ кандидатъ: что за отчаянныя средства!

— Между мною и фрейлейнъ Леопольдиной не должно быть третьяго лица... Понимаете ли?

— Понимаю! сказала важно кандидатъ Философін, всталъ и отвѣсилъ мнѣ поклонъ, примолвивъ: и такъ дозавтра!

— До свиданія!

Съ этимъ словомъ я вышелъ и, пришедъ въ мою комнату, расположился отдыхать, будучи измученъ походомъ и происшествіями того дня. На столѣ увидѣлъ я букетъ цвѣтовъ, котораго прежде не было въ моей комнатѣ. Ординарецъ мой сказалъ мнѣ, что цвѣты принесла служанка... Могъ ли я сомнѣваться, отъ кого они!... Я положилъ букетъ на грудь — и заснулъ крепкимъ сномъ.

Что вы думаете о снахъ, друзья мои? Мнѣ кажется, что сновидѣніе есть *эхо души*. Какъ душа настроена, какіе звуки издаетъ она въ бодрственномъ состояніи чловѣка, то же самое повторяется въ сновидѣніи, иногда глухо и невнятно, иногда сильно и выразительно, сообразно расположенію нашихъ органовъ. Точно такъ же и эхо сильнѣе раздается между скалами, нежели въ пушистыхъ лѣсахъ. Вѣрить ли снамъ? Разрѣшеніе этого вопроса сопряжено съ разрѣшеніемъ вопроса: должно ли вѣрить предчувствіямъ, ибо одно происходитъ и зависитъ отъ другаго. Скажите, что значить

эта тоска, это трепетаніе сердца, эти мрачныя мысли при ожиданіи исполненія какихъ нибудь надеждъ или желаній, или въ рѣшительную минуту нашей жизни? Что значать ужасныя сновидѣнія, представляющія намъ будущее какъ-будто въ фантазмагорической картинѣ? Тогда только мы разрышимъ эти вопросы, когда разгадаемъ законы той силы въ природѣ, которую мы ощущаемъ, но до сихъ поръ не постигли, и которой различныя явленія мы называемъ электричествомъ, гальвапизмомъ, магнетизмомъ. При всей нашей философической гордости, мы едва узнали нѣсколько буквъ изъ той азбуки, которою написана великая книга Природы. Мы о многомъ догадываемся, но ничего не знаемъ положительно, и, въ непостижимой дерзости, беремъ судить о душѣ, не понимая до сихъ поръ законовъ пищеваженія, а между тѣмъ определяемъ пищеваженіемъ дѣйствія души! Бѣдная наша мудрость!

Сновидѣніе первой ночи моей любви раздѣлялось на двѣ части. Въ первой половинѣ я былъ счастливъ, вторая половина

наполнена была какими-то ужасами..... Я проснулся въ трепетъ.

Ударило ровно пять часовъ.....

—Одѣвшись на-скоро, я поспѣшилъ въ комнату кандидата Философін: сердце мое сильно билось. Двери были растворены. Старая служанка, сметавшая пыль съ мебели, сказала мнѣ, что мой противникъ уехалъ ночью, неизвѣстно куда. Я поспѣялъ надъ своимъ предчувствіемъ и надъ ужасами сновидѣнія!

Къ полудню фуражъ и съѣстные припасы собраны были изъ окрестныхъ деревень. Я отправилъ фуры въ эскадронъ, съ письмомъ къ Ротмистру, прося у него отпуска на недѣлю, и остался.

Недѣля прошла какъ мигъ. Въ это время я успѣлъ переговорить съ матерью Леопольдины. Узнавъ отъ дочери, что она расположена любить меня, мать не противилась моей любви, но объявила мнѣ рѣшительно, что не прежде согласится благословить насъ, какъ по окончаніи войны и по удостовѣреніи, что любовь моя есть не

вспышка темперамента, но привязанность души, привязанность постоянная, воля твердая. Она призналась мнѣ, что не понимает, какъ я могъ такъ скоро влюбиться, и рѣшиться, на столь важное дѣло, какъ бракъ. Леопольдина понимала меня! Расцѣловавъ руки матери, я сказалъ весело, что мы, уланы, всѣ дѣла наши дѣлаемъ въ галопъ, и что весна въ Россіи такъ коротка, что мы привыкли срывать цвѣты при первомъ ихъ развитіи. Почтенная эта маменька только качала головою и удивлялась.

Что до меня касается, то я ни сколько не огорчился этою отсрочкою. Я былъ такъ счастливъ одною надеждою на счастье, что вовсе не помышлялъ о самомъ счастьи.

Блаженствовалъ я ровно восемь дней. На девятый день явился посланецъ отъ Ротмистра съ повелѣніемъ, ѣхать немедленно въ эскадронъ, и съ извѣстіемъ, что чрезъ трое сутокъ полкъ выступаетъ въ походъ, и начинаются военныя дѣйствія.

Мы заплакали съ Леопольдиной, обмѣнялись забывками, поклялись въ вѣчной

любви и вѣрности поцѣловались — и *adieu!* Вскочивъ на коня, я помчался во весь опоръ. Оглянулся одинъ только разъ. Она стояла на крыльцѣ! . . . Сердце мое сжалось, я стиснулъ шпорами лошадь, и вскорѣ все исчезло изъ глазъ моихъ. Посланецъ и ординарецъ мой отстали отъ меня. По прѣздѣ въ эскадронъ, лошадь моя пала на другой день.

Товарищи удивились моему перемѣнъ. Ни выговоръ Ротмистра, ни шутки товарищей, ни дружеское ихъ участіе не тронули меня. Я былъ какъ камень до перваго выстрѣла. Тутъ я воскресъ душою!

О молодость, молодость! Жизнь есть тоже, что Журналъ. Тутъ и Словесность и Политика, и изящная и скучная Проза, и Технологія, и Сельское Хозяйство, и Сатира, и лесть и Критика, и кумовство, и смѣсь, и спѣсь, и стихи безъ Поэзіи, и Поэзія въ стихахъ и въ прозѣ. Поэзія жизни — молодость! Все прочее макулатура, бумага и чернила безъ души, безъ чувства. О какъ скучна, какъ гнусна эта поздняя жизнь,

исполненная расчётовъ, спекуляцій, хлопотъ, и жательствъ! Вы, любезные друзья мои, старался состариться прежде времени, замѣняете этимъ мусоромъ перлы жизни, ся поэзію! Вы ищете мѣста для чина, чина для мѣста, ордена для денегъ, жены для связей, связей для жены, а всего вмѣстѣ для чванства, для кощунства, для мнинурной важности! Прахъ и тлѣніе подъ позлащенною свинцовою доской!

Я несъ на жертву юную жизнь, проливалъ пламенную кровь мою для поэзіи молодости,— *для любви!* Я жаждалъ горъ золота, чтобъ позолотить листки моей идилліи! Исполненный мечтами, надеждами, я устремился въ кровавыя сѣчи. Бѣдный Корнетъ, я грѣшилъ во снѣ и на яву о славѣ, о богатствѣ, о почестяхъ, желалъ ихъ для того только, чтобъ сложить все величіе мое у ногъ моей Леопольдины, и сказать ей: *я тебя достоинъ!* Я мечталъ взять въ плѣнъ Наполеона, захватить его сокровища, открыть средства къ разбитію всей его арміи, и съ каждымъ днемъ ожидалъ случая къ великимъ подвигамъ, а между-тѣмъ сражался,

какъ Корнетъ, передъ своимъ взводомъ, и послѣ окончанія кампаніи остался тѣмъ же Корнетомъ, не распространивъ славы моей далѣе полковаго обоза. Такъ исчезаютъ мечты, сны и самая сущность!

У насъ до сихъ поръ есть еще люди, которые почитаютъ грѣхомъ сказать, что мы претерпѣли неудачи подъ Аустерлицемъ и подъ Фридрихсборгомъ! Жалкіе патріоты, которые согреваются газомъ лжи! Въ свое время, можетъ-быть, пужно было умолчать о томъ, что и безъ объявленій всѣмъ было извѣстно. Все хорошо въ свое время и въ своемъ мѣстѣ. Но теперь, по истеченіи четверти столѣтія, послѣ Бородина и Лейпцига, послѣ Москвы и Парижа, Русскій съ гордостью долженъ говорить, что мы были разбиты первымъ полководцемъ въ мірѣ, Наполеономъ, побѣжденнымъ въ свою очередь Русскими. Петръ Великій не скрывалъ своихъ потерь и неудачъ, и даже въ рѣчи своей къ войску, передъ самой Полтавской битвой, напомнилъ Русскимъ, что они имѣютъ дѣло съ неприятелемъ, который многократно

побъждалъ ихъ. Война есть игра въ вистъ. Какая нужда, кто сколько робберовъ выигралъ и сколько сдѣлалъ шлемовъ въ парти? Дѣло въ расчетъ. Кто, вставъ изъ за стола, покажетъ выигрышь, тому честь и слава. Не даромъ Римляне говорили: конецъ выигрываетъ дѣло.

И такъ подъ Фридландомъ мы не кончили еще игры съ Наполеономъ, а были только на второмъ проигранномъ робберѣ. Сказываютъ, будто намъ заглядывали въ карты, будто тасовка была не совсѣмъ чиста..., но чего я навѣрное не знаю, про то и не говорю. Какъ бы то ни было, но мы должны были ретироваться; а нѣкоторые полки не могли даже соблюсти того порядка, которому Французы удивлялись въ 1812 году. Все приходитъ постепенно. Полкъ нашъ, переправившись вплавъ черезъ рѣку Алле, въ сумерки, не могъ въ ту же ночь собраться. Нѣкоторые не могли попасть на сборное мѣсто: я былъ въ томъ числѣ.

Къ рѣкѣ Алле, по ту сторону Фридланда, примыкала лѣсъ. Большая дорога въ

Веллау загромождена была пушками и фургонами. Я поѣхалъ по тропинкѣ, среди огней, при которыхъ грѣлись и отдыхали толпы пѣшихъ и конныхъ солдатъ разныхъ полковъ. Къ полуночи я добрался до деревушки, въ которой распоряжались уже наши солдаты. Здѣсь я нашелъ нѣсколько уланъ нашего полка. Поужинавъ изъ солдатскаго котла, я легъ спать на солому; въ сараѣ, и поручилъ лошадей мою попеченію уланъ.

Со свѣтомъ, меня разбудили. Я осмотрѣлся и распросилъ поселянъ о дорогѣ въ Веллау. Отъ деревушки, лежавшей при опушкѣ лѣса, надлежало итти по лѣсу нѣсколько миль. Представивъ солдатамъ опасность отъ безпорядочнаго марша, я собралъ всѣхъ ихъ въ одинъ отрядъ, построилъ въ три шеренги, и, съ моими уланами, нѣсколькими казаками и гусарами, составилъ авангардъ, двинулся впередъ.

Едва мы прошли верстъ пять, какъ увидѣли съ лѣвой стороны коляску, запряженную въ четыре лошади цугомъ, скачущую къ намъ во всю прыть, по проселоч-

ной дорогъ. Чрезъ нѣсколько минутъ показались Французскіе всадники, главнѣея за коляской.

— Вѣрно въ этой коляскѣ какой нибудь раненый Генераль. Братцы! сказали я, обращаясь къ моему авангарду: спасемъ его! — Какъ прикажете, Ваше Благородіе, ради стараться! отвѣчали мои солдаты. — Ура! впередъ! — и мы помчались по полю. Нѣсколько пистолетныхъ выстрѣловъ раздалось возлѣ коляски, и передняя лошадь грянулась о землю. Коляска остановилась, но мы уже были тутъ. Съ крикомъ и гиканьемъ ударили на Французовъ, и они, видя мою пѣхоту въ резервъ, поскакали назадъ. Я остановилъ мой отрядъ, и поспѣшилъ къ коляскѣ. Въ ней лежала женщина, безъ чувствъ. Взглянулъ: это Леопольдина!

Боже мой, что я ощутилъ въ эту минуту! Радость, горестъ, страхъ, надежда, чуть не разорвали на части моего сердца. Я вынесъ ее изъ коляски, разостлалъ шинель на травѣ, и почерпнувъ шапкой моей воды изъ рва, сталъ приводить ее въ чувство, то прис-

кая водою, то согревая монми поцѣлуями. Она открыла глаза и первое слово было: — Гдѣ мужъ мой?

— Мужъ твой Леопольдина! Ты замужемъ! воскликнулъ я, чуть переведа духъ и чувствуя смерть въ сердцѣ. Я дрожалъ всемъ тѣломъ, и едва держался на ногахъ.

Узнавъ меня, она вскрикнула, и снова впала въ безпамятство.

Мнѣ самому пужна была помощь, но я забылъ о себѣ, помышлялъ только о спасеніи Леопольдины. На этотъ разъ стоило много труда привести ее въ чувство. Разслабленную, почти безъ дыханія, мы положили ее въ коляску. Кучеръ уже исправилъ упряжку. Я перешелъ на другую сторону коляски, чтобъ помѣститься возлѣ Леопольдины, и вижу, что возлѣ задняго колеса стоитъ неподвижно—Кандидатъ Философін!!!...

—Ты мужъ ея? спросилъ я устремивъ на него грозный взглядъ.

Онъ кивнулъ головою и молчалъ.

— Будь ты проклятъ! воскликнулъ я. Счастье твое, что ты такъ подлѣ и гнусенъ,

что недостойнъ мести моей, ни даже презрѣнья. Ты не стоишь пуги! Сказавъ это, я сѣлъ въ коляску и велѣлъ кучеру погонять лошадей. Уланы поскакали за мной.

— Гдѣ мужъ мой? спросила снова Леопольдина, пришедъ въ себя.

— Здѣсь, возлѣ тебя! сказалъ я.

Она залилась слезами, взглянувъ на меня.

— Другъ мой, меня обманули! примолвила она. Мнѣ сказали, что ты убитъ. Я не могла сомнѣваться въ истинѣ, когда мнѣ возвратили кораллы, которые я всегда носила на шеѣ, и подарила тебѣ на память, въ день нашей разлуки. Я была увѣрена, что ты бѣ не разстался съ ними, если бѣ былъ живъ!

Тутъ мнѣ открылась подлая измѣна, которой я никакъ не подозрѣвала. Передъ Гейльсбергомъ, какой-то Нѣмецъ доставилъ мнѣ письмо отъ Леопольдины, и изпросился ко мнѣ въ службу. На третій день онъ исчезъ, укравъ у меня нѣкоторыя вещи и между прочимъ кораллы Леопольдины, которые я носилъ всегда на груди, но на тотъ

разъ какъ-то оставилъ на ночь на столикѣ. Я думалъ тогда, что кораллы украдены у меня просто какъ дорогая вещь, а не какъ орудіе къ разрушенію моего счастья. Я расказалъ это Леопольдинѣ.

Она горько плакала. Я былъ въ бѣшенствѣ.

— Подлаго мужа твоего я оставилъ на дорогѣ, сказалъ я. Пропадай онъ на вѣки вѣковъ! Я увезу тебя съ собою въ Россію; ты перемѣнишь Вѣру, и мы обвиняемся: не правда ли, моя Леопольдина? Одинъ Богъ и одна истина! Перемѣна Вѣры не должна пугать тебя. Я готовъ въ адъ изъ любви къ тебѣ, а тебѣ предлагаю спасеніе въ нѣдрахъ нашей Церкви, и рай на землѣ въ монахъ объятіяхъ! Рѣшись!

— Милой другъ мой! сказала Леопольдина сквозь слезы. Я не могу исполнить твоего желанія и должна отказаться отъ счастья въ этой жизни. Если бѣ я даже не знала и не любила тебя, то все таки я бы никогда не согласилась быть женою того человѣка, который былъ такъ низокъ, что хотѣлъ об-

ладать мною безъ моей любви. Но я пожертвовала собою для блага нашего семейства... Я продала себя... и не принадлежу болѣе себѣ. Отецъ мой долженъ былъ значительную сумму, почти равную цѣнѣ нашего имѣнья, отцу моего мужа. Подлецъ объявилъ матери моей, что если я соглашусь выйти за него замужъ, то онъ сочтетъ долгъ приданымъ, и изорветъ вексель. Тебя почитала я убитымъ, и согласилась! Вексель изорванъ, — я собственность гнуснаго торговца! Я бы не отдала ему одного волоса съ головы моей за золото всего свѣта, но пожертвовала собою для избавленія отъ нищеты моей матери, моихъ малолѣтныхъ сестеръ, безпріютныхъ сиротъ... Можетъ-быть, я погрѣшила противу нѣжности и чувствъ, но не погрѣшила противу совѣсти!....

— Леопольдина! одно прикосновеніе къ устамъ твоимъ стоитъ милліоновъ, и если этотъ злодѣй думалъ купить тебя, какъ рабу на базарѣ Востока, то онъ слишкомъ дешево заплатилъ за нѣсколько мѣсяцевъ райскаго блаженства! Союзъ вашъ прерванъ съ той

минуты, какъ открылся его обманъ. Я живъ — и ты моя!

— ~~И что ты хочешь сказать? Ты ле-
жить уже обреченъ! Держи его ты! Держи
его! Держи его! Держи его! Держи его!~~

— ~~И что ты хочешь сказать? Ты ле-
жить уже обреченъ!~~

— Чувствую всю нѣжность твою, все твое великодушіе, и тѣмъ болѣе стражду, но не могу согласиться! Мой поступокъ убьетъ мать мою! Презираю подлаго обманщика, но не измѣню моему слову... Богъ избавитъ меня отъ него... и дастъ мнѣ... смерть!...

Въ это время мы выѣхали на большую дорогу. За обозами, артиллеріей и густыми толпами солдатъ не возможно было подвигнуться впередъ. Я велѣлъ кучеру остановиться на площадкѣ, возлѣ пустой корчмы, передъ которою стояло уже нѣсколько экипажей.

Я не терялъ надежды уговорить Леопольдину, и хотѣлъ только выиграть время,

чтобъ она свыклась съ моимъ предложениемъ.

Когда я хотѣлъ отворить дверцы, вдругъ что-то стукнуло въ окошко, находившееся въ тыльной части верха коляски. Мы оглянулись. Я приподнялъ подушку закрывавшую окошечко, и мы увидѣли мужа Леопольдины.

Онъ сидѣлъ на запяткахъ и, приложивъ ухо къ окошечку, подслушивалъ нашъ разговоръ.

Леопольдина затрепетала всѣмъ тѣломъ, испустила тяжкій стонъ, и, ослабѣвъ, склонилась на грудь мою. Глаза ея закатились, губы посинѣли, жестокия судороги остановили дыханіе.

Я внесъ ее на рукахъ моихъ въ корчму, и, по счастью, нашелъ тамъ доктора, который перевязывалъ раненыхъ. Докторъ истощилъ всѣ средства, но не могъ прекратить судорогъ, которыя безпрестанно усиливались. Черезъ полчаса, въ моихъ объятіяхъ былъ холодный трупъ!

Борьба страстей, страхъ и безнадежность убили ее!

Я не могъ плакать, не могъ предаваться отчаянной грусти, потому, что былъ въ опьяненіи чувствъ. Я стоялъ надъ трупомъ неподвижно, и ничего не помнилъ, ничего не видѣлъ, ничего не слышалъ. Мнѣ что-то грѣзилось, что-то видѣлось, какъ будто въ дали, въ туманѣ. Одинъ изъ совоспитанниковъ моихъ, артиллерійскій офицеръ, зашедшій въ это время въ корчму—увидѣвъ меня въ такомъ положеніи, вывелъ изъ этого несчастнаго мѣста, посадилъ на пушку, и увезъ съ собою, за арміей. Молча, повинувшись, какъ младенецъ.

Я уже сказалъ вамъ, друзья мои, что молодость моя была желѣзная. Запахъ пороха привелъ меня въ чувство, лучше нежели всѣ ароматическіе спирты. Конскій топотъ, звуки воинской трубы и командные возгласы возвратили мнѣ память. Я съѣлъ на моего коня, отыскалъ полкъ, и, сосредоточивъ грусть въ сердцѣ, явился предъ взводомъ и въ кругу товарищей, какъ мраморный гость въ Донъ-Жуанѣ. Твердо рѣшился я искать смерти въ первомъ сраженіи; но

Фридландское сраженіе было послѣднее въ эту войну, и мы, безъ боя, возвратились въ отечество.

Вихрь свѣтской жизни вывѣялъ грусть изъ моего сердца. Тысяча новыхъ впечатлѣній затмили въ памяти моей образъ Леонольдины. Но воспоминаніе объ ней осталось навѣки въ душѣ, какъ рубецъ послѣ ищѣмленной раны, и въ ненастные дни жизни, душевная рана эта ноетъ. Когда косвенный лучъ радости скользнетъ по моему сердцу, первая любовь издастъ какой-то невнятный звукъ, сладостный и трогательный, производящій такое впечатлѣніе, какъ голосъ родной пѣсни на чужбинѣ, въ изгнаніи изъ отечества.

Вы смѣтаете, что я люблю усы мои! Я потому не могу рѣшиться сбрить ихъ, что они прикасаюсь къ устамъ той, которая унесла въ могилу первую любовь мою.
.....
.....

Я кончилъ мой расказъ, друзья мои!
Надъ вѣкомъ, въ которомъ мы живемъ,

носится какъ надъ бездною, злобный духъ эгоизма, принимающій различныя образы. Этотъ злой духъ заразилъ всѣ наши наслажденія, всѣ наши радости ядовитымъ запахомъ пользы и выгоды.—Если и вы, друзья мои, увлекаясь духомъ времени, спросите меня: какой результатъ моего расказа, я буду отвѣчать вамъ стихами И. И. Дмитріева, котораго вы вѣрно читаете по-Русски:

Но все ли одного полезнаго искать?

Для *сказки* и того довольно,

Что слушаютъ ее безъ скуки, добровольно.

Неужели я вамъ расказывалъ *сказку*?

На этотъ вопросъ я вамъ дамъ положительный отвѣтъ, изъ котораго вы можете извлечь непреложное и полезное правило. И такъ знайте, что всегда, когда люди расказываютъ про себя выходить *сказка*, а когда они говорятъ про другихъ, то раждается *исторія*. Для равновѣсія, къ сказкѣ прибавляется *правда*, а къ исторіи *ложь*, и

составленіе этой примѣси есть привилегированная собственность силы, хитрости—и безвиннаго авторства.

Добрая ночь!

— N° III. —

ПОРТРЕТЪ и ПИСЬМО.

(Черты изъ частной жизни.)

Mais j'aurais honte d'avoir pu gémir, j'aurais honte d'avoir souffert, s'il n'était vrai que les tortures que l'on se donne par les passions égalent celles que l'on reçoit par le malheur. A. de Vigny.

Начальникъ Канцеляріи находился въ отпуску. Заступающій его мѣсто былъ съ докладомъ у Министра. Дѣятельность въ Канцеляріи пріутихла. Нѣсколько молодыхъ чиновниковъ, собравшись у окна, разговаривали между собою.

— «Знаете ли, господа, что началь-

никъ прислалъ просьбу о продолженіи срока отпуска?» сказали чиновникъ 14-го класса, юноша, который почиталъ себя умнѣе и догадливѣе всѣхъ своихъ товарищей и даже начальниковъ. Онъ имѣлъ на то полное право: Онъ заглядывалъ въ газеты и журналы на трехъ языкахъ, перебиралъ листы въ Кузень и Шеллингъ, и прочелъ, на скорую руку, множество новыхъ Романовъ. Онъ Философъ и Политикъ—14-го класса!

— «Ну же!» воскликнули товарищи провозвѣстника этого важнаго происшествія.

— «Точно такъ,» отвѣчалъ Философъ и Политикъ 14-го класса. «Это что нибудь да значить,» примолвилъ онъ, поправляя свои волосы: «онъ яроситъ продолженія срока отпуска: *по домашнимъ, непредвидимымъ обстоятельствамъ и по болѣзни.* Этотъ удвоенный вріемъ — означаетъ что нибудь *важное!*»

— «А что бы это такое?» спросилъ одинъ изъ чиновниковъ съ лобопытствомъ и итерпнїемъ.

— «Верно къ Новому году началь-

никъ думаетъ выйти въ отставку. *Sauve qui peut!*» — сказалъ Философъ и Политикъ 14-го класса, съ важнымъ видомъ, съ значительною улыбкою.

— «Какъ же ты это угадалъ!» спросилъ прежній чиновникъ.

— «Въ Политикъ, какъ въ Философїи, есть свои примѣлы, по которымъ разбираются важныя задачи. Одинакія причины производятъ одинакія послѣдствія, а одинакія предвозвѣстительныя явленія обнаруживаютъ существованіе одинакихъ причинъ, сокрытыхъ отъ глазъ профановъ.» Сказавъ это, Философъ и Политикъ 14-го класса съ гордостью посмотрѣлъ на своихъ товарищей, которые, казалось, столь же мало понимали его мудрованія, какъ и онъ самъ.

— «Явленія! а какія же явленія возбъацаетъ удаленіе начальника?» спросилъ одинъ изъ товарищей.

Политикъ и Философъ 14-го класса снова улыбнулся съ видомъ самонадѣянности, и сказалъ: «Разъ вы не замѣтили, господа,

что любимецъ начальника, нашъ знаменитый Яблонинъ, уже двѣ недѣли не является въ Канцелярію?» При этихъ словахъ раскатики засмѣялся принужденнымъ смѣхомъ, выражающимъ недоброжелательство и зависть, и продолжалъ: «Знаменитый Яблонинъ, лѣвое ушко, правый глазокъ и указательный палецъ начальника! Если бы начальникъ думалъ возвратиться къ мѣсту, то вѣрно поручилъ бы своему любимцу тайное наблюденіе за теченіемъ дѣлъ, то есть за нами. Но вотъ онъ уже двѣ недѣли не показалъ сюда глазъ! Хе, хе, хе! Однако жъ онъ здравствуетъ и не отягченъ *домашними обстоятельствами*, потому, что я видѣлъ его на улицѣ, не дале, какъ вчера. Но, кажется, ему не нужно болѣе замѣчать за нами, чтобъ *выслужаться* передъ начальникомъ нравственно-сатирическимъ рапортомъ о состояніи Канцеляріи, въ его отсутствіе...»

— «Полю, братецъ Ящерицынъ, не обижай напрасно Яблонина!» возразилъ одинъ изъ товарищей: «Онъ человекъ добрый и честной; никому не повредить, а

поможетъ каждому, если есть случай. Начальникъ, право, отличаетъ его по заслугамъ. Онъ работаетъ не вдесятеро, а во сто разъ болѣе всѣхъ насъ, и работаетъ славно, а притомъ тихъ, скромнень, услужливъ...»

Ящерицынъ не могъ долѣе выдержать и, прервавъ рѣчь товарища, сказалъ надменно: «Пожалуйста, братецъ, не суди о способностяхъ! Работаетъ онъ болѣе, зато и получаетъ болѣе награжденій, а между тѣмъ слогъ его тяжелъ, сухъ, надуть. Въ немъ нѣтъ *высшихъ взглядовъ*, нѣтъ зародыша Философін и Политики!...»

Въ это время подошелъ къ толпѣ товарищъ изъ другой комнаты, и сказалъ: «Важная новость, господа!»

Всѣ посмотрѣли на Ящерицына. Онъ стоялъ важно, какъ прорицалище.

— «Яблонинъ, по собственному желанію, переведенъ на Кавказъ, и сегодня же усакалъ!» — примолвилъ новоприбылый товарищъ.

— «Неужели! Возможно ли!» раздалось въ толпѣ.

— «Сей часъ полученъ ордеръ!» сказали товарищъ.

— «Ну что, господа, не правда ли, что я угадалъ?» возразилъ гордо Философъ и Политикъ 14-го класса. «Теперь ждите отставки начальника!»

Товарищи Ящерицына съ удивленіемъ и уваженіемъ смотрѣли на него, дивясь его провицательности и догадливости.

Философъ и Политикъ 14 класса, завистникъ Яблонина, вовсе не угадалъ причины внезапнаго отъезда Яблонина на Кавказъ, и ошибся во всѣхъ своихъ догадкахъ. Такъ точно ошибаются иногда въ своихъ расчетахъ Философы и Политики даже перваго класса, желая предсказывать послѣдствія, и открывать причины событій по нѣкоторымъ предварительнымъ явленіямъ. Вотъ какъ было дѣло!

Отецъ Яблонина занималъ значительное мѣсто, и получалъ большое жалованье, котораго болѣе половины онъ посвящалъ на образованіе двухъ сыновей своихъ, Петра и Павла. Оставшись вдовцемъ, добрый отецъ

почти отказался отъ свѣта и отъ всѣхъ его наслажденій, чтобъ дать дѣтямъ неотъемлемое сокровище—хорошее воспитаніе. Дѣти его готовились уже къ экзамену въ Московскомъ Университетѣ, и онъ съ нетерпѣніемъ ожидалъ радости представить ихъ на службу съ кандидатскими патентами. Но смерть не позволила ему дожидаться этой радости. Онъ ничего не оставилъ дѣтямъ, кромѣ добраго имени и вѣчной благодарности въ ихъ сердцахъ, за попеченіе объ ихъ образованіи, котораго дѣту они уже понимали. Плакавъ отца, и сдавъ отличный экзаменъ, братья обнялись, поплакали и разстались. Старшій, Петръ, отправился въ Петербургъ, искать мѣста въ гражданской службѣ, а младшій вступилъ въ военную и, по истеченіи шести мѣсяцевъ, произведенъ былъ въ офицеры. Однажды Бригадный Генералъ осматривая караулы, зашелъ на гауптвахту, въ офицерскую комнату, чтобъ посмотреть, чѣмъ занимается караульный офицеръ. На столѣ лежала книга и бумага, свѣжо исписанная. Генералъ, посмотрѣвъ на заглавіе книги, и за-

глянуть въ выписки, захотѣлъ познакомиться покороче съ молодымъ Прапорщикомъ. Это былъ Павелъ Яблонинъ. Черезъ мѣсяць онъ назначенъ былъ Адъютантомъ къ Генералу, который полюбилъ его, какъ роднаго сына. Дай Богъ побольше на Руси такихъ Генераловъ и такихъ отцевъ, какъ былъ отецъ Яблонина! Добрый и образованный юноша приноситъ честь родителямъ, а хорошій выборъ дѣлаетъ честь начальнику. Старая правда, которую можно всегда повторять *за новость*.

Петръ не былъ такъ счастливъ при вступленіи въ свѣтъ, какъ меньшой братъ его. Съ величайшимъ трудомъ онъ нашель мѣсто, съ жалованьемъ по тысячи двѣсти рублей въ годъ: на эти деньги ему должно было кормиться, одѣваться чисто и нанимать квартиру. Объ удовольствіяхъ столицы не было и въ поминѣ; надежды на приобрѣтеніе денегъ — ни какой! Все время его посвящено было службѣ, а отъ одного слова *взятки*, Петръ приходилъ въ лихорадочное состояніе. Надлежало отказывать себѣ во многомъ,

къ чему онъ привыкъ въ отцовскомъ домѣ, и Петръ, рассчитавъ жалованье свое, и разложивъ на триста шестдесятъ *шесть* дней, т. е. рассчитывая на високосный годъ, поклялся не сдѣлать долгу ни копейки и жить однимъ жалованьемъ. Онъ отказался отъ чаю, отъ кофе, какъ вещей болѣе вредныхъ, нежели полезныхъ; не курилъ и не нюхалъ табаку, довольствовался однимъ, а много двумя кушаньями, и умѣлъ такъ распорядиться, что каждый мѣсяць бывалъ однажды въ театрѣ, абонировался въ Библиотекѣ для Чтенія, и являлся всегда въ Канцеляріи одѣтый чисто и даже со вкусомъ. Какъ онъ это умѣлъ сдѣлать, не постигаю я, любитель чаю, кофе, табаку и всего вкуснаго и изящнаго въ нравственной и физической Природѣ, да вѣрно не многіе и изъ читателей постигнуть эту тайну. Но что можно такъ жить и быть здоровымъ и веселымъ — въ этомъ я могу поручиться.

Петръ нанималъ квартиру, т. е. комнату, на Пескахъ, въ небольшомъ чистенькомъ деревянномъ домикѣ. Онъ вовсе не

имѣлъ знакомыхъ домовъ, и весьма рѣдко навѣщалъ нѣкоторыхъ изъ товарищей, а все свободное отъ службы время посвящалъ чтенію, музыкѣ и рисованью. Рядомъ съ комнаткою, занимаемою Петромъ, была лучшая квартира въ домѣ, три свѣтлыя комнаты съ кухнею, переднею и людскою. Жильцы этой квартиры были въ это время на *дагъ*, то есть жили въ одной тѣсной избушкѣ въ Тентелевой деревнѣ. мода, или Петербургскій *общай*, повелеваетъ каждому, кто только находится въ нищеты, жить лѣтомъ на дачѣ, чтобъ по утрамъ и вечерамъ наслаждаться сыростью и болотными испареніями; днемъ, вмѣсто того, чтобъ прохладиться въ тѣни, глотать пылъ на мостовой, оббѣгая магазины или рыская по дымамъ, а ночь проводить съ летучими, ползающими и скачущими насѣкомыми, постоянными жителями дачъ 14-го класса и болотистыхъ рощей. Петръ предпочиталъ этимъ наслажденіямъ прогулки по великолѣпнымъ садамъ царскимъ и дачамъ вельможъ, въ хорошую погоду и въ удобное время, и потому отказался при-

нести въ жертву Чухонской Природѣ по десяти рублей въ мѣсяцъ, и не согласился на предложеніе нѣсколькихъ товарищей нанять съ ними *дагу*. Онъ остался на лѣто въ городѣ.

Скоро проходитъ скуное Петербургское лѣто, и Петръ возвратился однажды домой около шести часовъ вечера, въ концѣ Августа, услышалъ за дверьми звуки фортепiana. Онъ догадался, что жильцы, его сосѣди, переехали съ дачи, и старался какъ можно менѣе дѣлать шуму въ своей комнаткѣ. Но какъ ему отказать отъ скрипки, единственной гласной спутницы его одиночества! Онъ выжидалъ, чтобъ сосѣди его вышли со двора, и въ цѣлые два мѣсяца не могъ дожидаться этого. Жильцы всегда были дома. Мученье, да и только!

Сперва онъ не любопытствовалъ узнать, кто живетъ съ нимъ рядомъ, но наконецъ рѣшился спросить дворника. Тотъ сказалъ ему, что здѣсь живетъ женщина среднихъ лѣтъ, съ племянницей своею, молодою дѣвичествою и притомъ красавицей. Сколь ни скро-

мень былъ Петръ, но ему хотѣлось, по свойственному молодымъ людямъ любопытству, увидѣть красавицу, которая такъ искусно играла на фортепiano, и такъ рѣдко выходила со двора, вопреки обычаю Петербургскихъ красавицъ. Онъ, для исполненія своего желанія, не смѣлъ пуститься ни на какой нескромный подвигъ, также вопреки обычаю Петербургскихъ юношей, и дожидаясь счастливаго случая, долго не могъ дожидаться его, ибо случаи представляются тѣмъ только, кто ихъ ищетъ.

Петръ, безъ родни, безъ друзей, даже безъ знакомыхъ, былъ счастливъ, въ своей полубѣдности, былъ счастливъ, потому что онъ былъ Поэтъ и Артистъ. Правда, онъ не писалъ ни поэмъ, ни балладъ, ни посланій, ни эпиграммъ; не игралъ въ квартетахъ у любителей, между жирнымъ обѣдомъ и вкуснымъ ужиномъ, и не украшалъ ни чьихъ альбомовъ своими рисунками. Но онъ былъ Поэтъ выше многихъ Поэтовъ, прославленныхъ въ журналахъ и снискавшихъ безсмертіе въ каталогахъ; былъ Артистъ выше

многихъ Артистовъ, вышедшихъ, какъ говорится, въ люди *дизами* и *гуашами*. Душа Петра вмѣщала въ себя все изящный міръ; умъ его постигалъ все прекрасное; сердце его сильно билось отъ всего высокаго, нѣжнаго, добраго и благороднаго. Тѣло его медленно пресмыкалось на пути жизни, между Песками и Канцеляріей, чахло надъ приказными бумагами, и истлѣвало подъ тяжестью необходимости; но душа его всегда парила подъ небесами, умъ проникалъ въ сокровенныя тайны Природы Искусства, а сердце впитывало въ себя все доброе, какъ цвѣтокъ впитываетъ солнечныя лучи и благодатную росу. Петръ, въ его положеніи, былъ то же, что Рафаэлева картина въ свиткѣ, въ темномъ углу книжника. Недоставало лаку, золотыхъ рамъ и выставки. — Истинный Поэтъ не можетъ быть счастливымъ иначе, какъ въ сочетаніи съ поэтической душою или — въ уединеніи. Поэтъ въ свѣтской жизни, Поэтъ въ позлащенныхъ гостиницахъ, есть то же,

что рыба въ соусъ. Она можетъ быть очень вкусна, но въ пей пѣть — жизни!

Не долго блаженствовалъ Петръ въ своемъ уединеніи! Онъ увидѣлъ наконецъ сосѣдку свою, красавицу, и почувствовалъ, что въ одиночествѣ можно быть не несчастнымъ, но нельзя быть счастливымъ, и что одиночество и уединеніе не есть одно и то же. — Онъ удивлялся, какъ могъ смотрѣть прежде, съ удовольствіемъ на что нибудь, не видавъ лица своей сосѣдки; какъ могъ любить природу, не видавъ лучшаго ея украшенія! Петръ прослезился отъ умиленія, изъ благодарности къ Творцу, помывшись, какое блаженство разлито въ Природѣ любовью, какъ блистателенъ міръ женскою красотою! — Теперь только онъ постигнувъ, что чудная гармонія Природы, это согласное сочетаніе звуковъ, красокъ и формъ, есть не что иное, какъ *любовь*. Всѣ помыслы его, всѣ ощущенія, всѣ понятія слились въ немъ въ одно чувство: въ любовь! — Онъ жилъ, дышалъ любовью и для любви. Любовь, какъ благовоніе, наполняло его атмосферу, какъ

свѣтъ солнечный, разлито было въ воздухъ, и какъ путеводительная звѣзда, являлась въ мракѣ ночи.

Но любовь безъ взаимности, есть то же, что красующаяся Природа для заключеннаго въ темницѣ. А Петръ даже не смѣлъ подумать о томъ, чтобъ открыться въ любви, чтобъ надѣяться на взаимность! Онъ, бѣдный чиновникъ, безъ имени, безъ денегъ, безъ связей и покровительства! Бѣдный Петръ! Дорого платилъ онъ за минутныя наслажденія, доставляемыя ему воображеніемъ.

Онъ узналъ отъ хозяйки дома, Титулярной Совѣтницы и дѣйствительной тайной и явной сплетницы, что тетушка красавицы названа въ паспортѣ дворянкою и дѣвицею. Титулярная Совѣтница прибавила къ этому, вѣроятно, для выказанія своего безпристрастія, что хотя она имѣла въ рукахъ паспортъ, но за вѣрность всего написаннаго въ немъ не ручается, примолвивъ: «не всему писанному вѣрь.» Тетушка называлась Катериною Петровна Цвѣткова, а племянница ея, круг-

лая сирота, Татьяна Михайловна, той же фамилии. Шлемяница, по словам Титулярной Советницы, воспитывалась въ пансіонѣ и знала *разныя гужеземныя языки* и женскія рукодѣлія. Онѣ были заѣзжія или иногородныя, не имѣли ни какого знакомства, и не хотѣли ни съ кѣмъ знакомиться. Тетушка имѣла три тысячи рублей ежегоднаго дохода, получая пятый процентъ съ капитала, находившагося въ рукахъ какого-то барина. После этого, Титулярная Советница исчислила, по пальцамъ, всѣ мебели, всѣ кастрюли, всѣ платья, шляпки и чепцы своихъ жилищъ, распространилась въ догадкахъ на счетъ ихъ уединенной жизни, долго говорила о неумѣстномъ чванствѣ безчиновныхъ людей, и заключила объявленіемъ, что, по сознанію Квартальнаго Надзирателя, дочери ея гораздо лучше чванной ея жилицы. Но Петръ не слышалъ ея прибавленія, къ краткой исторіи ея жилищъ, и даже не замѣтилъ двухъ тощихъ и зрѣлыхъ дѣвъ, которыя, во время расказа ихъ матери, жеманливе, поправляли косычки и, смотря на Петра,

хлопали глазами, какъ ловушками. Петръ взявъ шляпу, и вышелъ въ задумчивости, забывъ даже поклониться Титулярной Советницѣ, которая пришла отъ этого въ бѣшенство, и рѣшилась, при первомъ случаѣ, *посолить*, какъ она говорила, своему жилищу.

Однажды, какъ Петръ сидѣлъ вечеромъ въ своей комнатѣ, поджавъ руки и устремивъ глаза въ потолокъ, вдругъ послышались за стѣною звуки фортепіана. Играли его любимую сонату Моцартову. Петръ схватилъ свою скрипку и сталъ акомпанировать. Звуки фортепіана сперва быстро замолкли — но вдругъ опять раздались, и Петръ продолжалъ акомпанировать. Онъ былъ въ себя, въ восторгъ, въ забвеніи! Ему казалось, что онъ бесѣдуетъ съ красавицей, что онъ говорить ей о любви своей, и слышитъ взаимное призваніе. Музыка продолжалась до полуночи. Петръ провелъ ночь безъ сна, какъ будто въ лихорадкѣ.

Съ этихъ поръ Петръ каждый вечеръ акомпанировалъ чрезъ стѣну своей сосѣдкѣ;

онъ купилъ себѣ всѣ ноты, которыя разыгрывала Татьяна. Но они были незнакомы, и Петръ вѣрилъ даже, что она шкода его не видала. Странность, невѣроятность — скажутъ многіе, знающіе и исполняющіе законы приличія со всѣми ихъ подразделениями. Правда! Но такія странности часто случаются между людьми, живущими внѣ свѣтскаго общества въ томъ кругу, гдѣ еще не умѣютъ противиться влеченію сердца.

Татьяна также слѣдовала влеченію сердца, какъ и Петръ; она видѣла его и даже чаще, нежели онъ ее, видѣла изъ-за зеленыхъ шторъ своего окна, и образъ его глубоко врѣзался въ ея сердце. Тихая, уединенная жизнь юноши, его скромность, примѣтное стараніе не беспокоить жилищъ своимъ сосѣдствомъ, не ушли отъ вниманія опытной тетушки. Татьяна, привыкшая не скрыватьсь передъ тетушкой, говорила всегда съ восторгомъ объ ихъ сосѣдѣ, когда рѣчь шла объ немъ, и тетушка улыбалась, а Татьяна краснѣла. — «Какъ ты можешь, Таня, хвалить его, когда вовсе не знаешь!»

говорила тетушка. «Ахъ, тетушка, онъ такой добрый, такой скромный..... такой прекрасный..... музыкантъ!»..... отвѣчала Таня, потупляя глаза, а тетушка качала головою и повторяла нѣсколько нравственныхъ правилъ на счетъ опасности судить о людяхъ по наружности. Въ этомъ Татьяна не вѣрила тетушкѣ.

Однажды Татьяна отправилась въ многолюдную часть города, въ Англійскій магазинъ. Погода была прекрасная. Тетушка не могла провожать ее: она была нездорова. Кухарка занята была дѣломъ. Татьяна возвращалась пѣшкомъ. Вдругъ привязались къ ней двое повѣсь, навесель: они стали забѣгать ей дорогу, заглядывать подъ шляпку, поговаривать пошлые, глупые и дерзкіе комплименты, и предлагать свои услуги... Татьяна испугалась, не знала, что дѣлать и что говорить: слезы капали изъ глазъ ея. Вдругъ подбѣгаетъ Петръ, и сердце ея успокоилось. Онъ подаль ей руку, за которую она крѣпко ухватилась, и, оборотясь къ шалунамъ, грознымъ и повелительнымъ то-

номъ приказалъ имъ удалиться. Человѣкъ, который въ состояніи оскорбить женщину, нагубить красавицу, кто бы она ни была, не можетъ быть ни благороденъ, ни великодушенъ, следовательно не можетъ быть мужественъ. Шалуны удалились съ отвратительнымъ хохотомъ и трактирными островами.

Петръ довелъ Татьяну до дому. Во всю дорогу она не оставляла его руки. Они не промолвили ни словечка, хотя шли вмѣстѣ нѣсколько верстъ. Татьяна даже не поблагодарила Петра, а только поклонилась, покраснѣла, потупила глаза и бросилась опростетью къ своимъ дверямъ. Она повисла на шеѣ тетушки, и зарыдала.

Петръ не могъ простить себѣ, что упустилъ случай познакомиться и поговорить съ тою, за одно слово, которой онъ готовъ бы былъ разбить свою Кремонскую скрипку, подарокъ покойнаго отца. Онъ проклиналъ свою неловкость и застенчивость.

Это было въ Субботу. На другое утро явилась къ нему кухарка сосѣдокъ, и при-

гласила сто, именемъ своей барыни, къ объѣду. Петръ едва вѣрилъ своему счастью. Онъ будетъ видѣть Татьяну, будетъ говорить съ ней!... Онъ все утро просидѣлъ съ часами въ рукахъ, считая минуты и секунды.

Сердце его сильно билось, когда онъ взялся за ручку замка, чтобъ отворить двери въ квартиру своихъ сосѣдокъ. Но когда онъ переступилъ чрезъ порогъ, то какъ будто какая невидимая сила воскресла въ немъ мужество. Тетушка приняла его, какъ нельзя лучше, поблагодарила въ самыхъ нѣжныхъ выраженіяхъ, и просила навѣщать ихъ. Татьяна сперва оробѣла, но вскорѣ оправилась, и также поблагодарила своего избавителя. Услышавъ, въ первый разъ, голосъ Татьяны и впервые остановивъ на себѣ ея взоры, Петръ не зналъ, что съ нимъ дѣлается. Ему было такъ хорошо и такъ грустно, что онъ хотѣлъ и плакать, и смѣяться. Какое-то неизъяснимое наслажденіе разливалось въ немъ и волновало душу. Онъ предвкушалъ блаженство райа.

До объѣда оставалось около часа вре-

мени. Тетюшка разговорила съ Петромъ объ его положеніи, и когда онъ сталъ разсказывать, со всею откровенностью пѣкной души, о своемъ сиротствѣ и одиночествѣ... у Татьяны покатались слезы, и она вышла въ другую комнату. «И мы сироты!» сказала тетюшка, утирая глаза: «и мы одиноки на свѣтѣ!... Будемъ-те друзьями!» приобняла она, подавая ему руку, которую онъ поцѣловалъ съ жаромъ. Въ это время Татьяна возвратилась изъ другой комнаты. Глаза ея были красны, но на лицѣ сіяла радость.

— «Гдѣ вы служите?» спросила тетюшка, чтобъ переменить разговоръ.

— «Въ Канцеляріи NN., подъ начальствомъ Ксенофонта Михайловича Алмазова.»

— «Ахъ!...» воскликнула Татьяна, смѣялась, покраснѣла, хотѣла что-то сказать и остановилась.

Тетюшка значительно посмотрѣла на нее, и, обратясь къ Петру, сказала: «Одишь нашъ родственникъ служилъ прежде подъ его начальствомъ, и очень много ему обя-

завъ. Мы хотя никогда не видали этого начальника, но сохраняемъ къ нему чувства благодарности.»

— «Онъ человекъ, достойный всякаго уваженія, сказалъ Петръ: уменъ, дѣятеленъ, благороденъ, въжливъ съ подчиненными и безпристрастенъ.»

Щеки Татьяны горѣли. Радость одушевляла прекрасное лице ея. Тетюшка сохраняла свое хладнокровіе. Петръ, чуждый всякихъ подозрѣній, приписывалъ душевное движеніе Татьяны, при похвалахъ начальнику, отзывамъ прежней благодарности.

Онъ хотѣлъ удалиться тотчасъ послѣ обѣда, и не могъ. Онъ былъ прикованъ какимъ-то очарованіемъ къ взорамъ Татьяны. Его заставили принести скрипку, рисунки. Онъ игралъ въ четыре руки съ Татьяной, акомпанировалъ ей, разсматривалъ ея рисунки... Онъ провелъ день въ небесахъ!

На другое утро, за чаемъ, тетюшка, смотря пѣкно на Татьяну, сказала: «Онъ любитъ тебя, Таня!» «Можетъ ли это быть? Почему вы это знаете!» возразила Татъя-

на съ примѣтною радостью и въ замѣшательствѣ. « Я все знаю, » примолвила тетюшка съ улыбкою: « И ты Таня любишь его! » — Татьяна бросилась на шею тетюшкѣ, и заплакала, не отвѣчая ни слова. — « Достойный молодой человекъ! » сказала тетюшка: « Ему одному я бы не устанилась вѣрить твое счастье. Богъ милостивъ! » —

Прошло два мѣсяца. Петръ проводилъ все свободное время у своихъ сосѣдокъ, и съ каждымъ днемъ думалъ, что открываетъ новыя прелести, новыя добродѣтели въ Татьянѣ. Татьяна точно то же думала. Тетюшка не мѣшала имъ наслаждаться ихъ блаженствомъ, и они не отходили другъ отъ друга, сидя то за фортепianoмъ, то за книгой, то за рисунками. Петръ былъ, какъ дома, какъ въ семьѣ. — Онъ уже забылъ о своемъ одиночествѣ.

Въ это время съ нимъ случилась перемѣна. Начальникъ, который прежде не замѣчалъ его и даже не говорилъ съ нимъ ни разу, призывалъ его въ свой кабинетъ, поговорилъ съ нимъ ласково, пораспросилъ о

томъ, чему онъ обучался, и далъ ему обработать весьма важное дѣло. Петръ исполнилъ порученіе начальника превыше его ожиданія, и начальникъ далъ ему вакантное мѣсто Секретаря, съ тремя тысячами рублей награжденія. Петръ успѣшилъ увѣдомить сосѣдокъ объ улучшеніи своей участи, и онѣ радовались столько же, какъ и онъ, и столь же усердно благословляли начальника. Особенно Татьяна не могла скрыть своей признательности къ нему, и безпрестанно повторяла: « Благородный человекъ! Ахъ, какъ мнѣ хотѣлось поблагодарить его! » Петръ цѣловалъ руку Татьяны, благодаря ее за участіе.

Тихая, нѣжная, постоянная, безпорочная любовь незанимательна въ разсказъ, особенно въ наше время, въ которое любовь содѣлалась самою слабою изъ страстей, движущихъ людьми и обществомъ. Я долженъ приступить къ развязкѣ. Петръ, при своемъ жалованьи и при награжденіяхъ, могъ безбѣдно содержать жену. Онъ осмѣлился предложить свою руку, давнымъ дав-

но отдавъ душу и сердце Татьянѣ, и тетущка согласилась выдать за него свою племянницу, а племянница, сказать по совѣсти, только и ждала этого: поплакали отъ радости, поцѣловались, и чрезъ двѣ недѣли обвѣнчались, безъ баловъ, безъ пирушекъ, безъ визитовъ. Все осталось по прежнему; только коммодъ, стоявшій возмѣ дверей, отдѣлявшихъ квартиру Петра отъ квартиры Катерины Петровны, переставили на другое мѣсто, и отперли дверь. Прежняя квартира Петра сдѣлалась кабинетомъ на общей квартирѣ.

Протекло два года въ любви и счастіи. Татьяна родила сына, и сама кормила его грудью. Петръ не могъ наглядѣться на жену свою и на сына: онъ часто проливалъ слезы, въ безмолвіи, отъ избытка счастія и отъ страха — лишиться его. — Не отъ того ли истинно-счастливые не могутъ предаваться шумной радости, что со счастіемъ сопряженъ *страхъ*, какъ съ бѣдствіемъ *надежда*! Будучи одинокъ, Петръ равнодушно помышлялъ о смерти, не желалъ ея, но и не боялся. Теперь мысль о смерти при-

водила его въ трепетъ. Онъ не ропталъ на Провидѣніе; но съ ужасомъ помышлялъ о непреложномъ законѣ, по которому одинъ человекъ долженъ пережить другаго. Онъ завидовалъ эгонстамъ, вѣрующимъ въ парадоксъ Фонтенелля, который, на вопросъ: что надобно для счастія? отвѣчалъ: дурное сердце и хороший желудокъ. Но завидуя эгонстамъ, Петръ презиралъ ихъ, и самъ не хотѣлъ быть эгонстомъ. Въ одиночествѣ своемъ Петръ не вѣрилъ ни какому предразсудку. Теперь онъ сдѣлался почти суевѣренъ, хотя и стыдился сознаться, что бонется сновъ и предчувствій. Самыя мечты, угрожавшія разрушить его блаженство, приводили его въ безпокойство. *Возможность* была ему такъ же страшна, какъ и *дѣйствительность*. Мечъ Дамоклеса есть великая пинтическая идея! — Въ этой идеѣ заключается вся теорія земнаго счастія.

Между тѣмъ счастіе благопріятствовало Петру столько же по службѣ, какъ и въ семейной жизни. Въ два года онъ получилъ, за отличіе, два чина и орденъ, и два

раза денежное награждение. Правда, что онъ и стоилъ этого, работая скоро, неутомимо, какъ говорится, за десятерыхъ. Бумаги Петра не нравились старымъ служакамъ, потому, что были писаны кратко, ясно, языкомъ современнымъ и литературнымъ; но начальникъ чувствовалъ ихъ достоинство, и награждалъ способности своего Секретаря. Однажды начальникъ, призвавъ его къ себѣ, сказалъ ему: «Петръ Александровичъ! Я знаю, что вы счастливы дома, въ семьѣ своей, и что ваше отсутствіе нарушаетъ семейное счастье. Позволяю вамъ работать на дому. Послѣ доклада и полученія моихъ приказаній вы можете ѣхать домой. Я могу обойтись безъ васъ въ Канцеляріи.»

Это снисхожденіе начальника было для Петра превыше всѣхъ наградъ, и онъ воспользовался его позволеніемъ, къ величайшей радости Татьяны, которая никакъ не могла привыкнуть и къ короткой разлукѣ съ милымъ.

Петръ, служа ревностно, будучи от-

личенъ начальникомъ, избѣгая всякихъ сплетней и интригъ, любя истину, и не подчинявая обѣдами своихъ сослуживцевъ, имѣлъ много завистниковъ. Нельзя было не уважать его, но любить было не за что. Умъ и честность его были видны, но сердце сокрыто. Благородное сердце открывается для дружбы, какъ плодовая почка на деревѣ, только отъ вліянія свѣта и теплоты. Сердце Петра цвѣло дома, и сжималось отъ холода между людьми, которые не хотѣли или не умѣли распознать этого сердца. Только люди ничтожные стараются всѣмъ нравиться, *ищутъ* повсюду друзей и приверженцевъ. Истинное достоинство *ждетъ*, пока его найдутъ, и предается не тому, кто хочетъ имъ воспользоваться, но тому, кто умѣетъ его чувствовать.

Начальникъ постигалъ все величіе души и всю глубину ума Петра, равно какъ и Петръ понималъ все благородство и всю возвышенность ума начальника. Они любили другъ друга, какъ братья, но не могли сблизиться. Приличія и свѣтскія отношенія

раздѣляли ихъ, но не возрастъ: начальникъ былъ человекъ молодой, еще въ цвѣтъ лѣтъ, и питалъ въ душѣ своей весь пламень юности. Онъ былъ красавецъ, образованъ, богатъ, принадлежалъ къ хорошей фамилиі, имѣлъ значительный чинъ, пользовался милостью Министра, и въ обществахъ большаго свѣта былъ принимаемъ отлично. Многія тетушки и матушки пытались уловить его на удочку супружества, но онъ избѣгалъ приманки, былъ любезенъ и вѣжливъ со всѣми красавицами, но ко всѣмъ равнодушенъ. Въ свѣтъ пошелъ слухъ, что онъ имѣетъ тайную любовную связь, недѣлающую ему большой чести. Вотъ надобно жъ чѣмъ нибудь отплатить человекѣу, непошимающему намѣковъ сватовства, и равнодушнаго къ прелестямъ невѣсты, ищущихъ жениховъ между особами первыхъ четырехъ классовъ, имѣющихъ пріѣздъ ко Двору! А чѣмъ лучше отплатить, какъ не сплетнямъ! На это по милости Сатаны, въ свѣтъ есть цѣлые легіоны старухъ и красавицъ *на исхоть*, которыя сочиняютъ Романы — что

твой Викторъ Гюго! — Писать и печатать этихъ Романовъ нельзя, потому, что ни въ одномъ Государствѣ не достало бы бумаги, и въ типографіи вмѣстѣ не успѣли бы тискать того, что сочиняется въ свѣтъ въ однѣ сутки.

Начальникъ уѣзжалъ въ Москву, въ отпускъ, и просилъ заступившаго его мѣсто, не обременять Петра ни какимъ дѣломъ и не требовать присутствія его въ Канцеляріи, сказавъ, что онъ поручилъ ему важную работу на дому. Онъ въ самомъ дѣлѣ поручилъ Петру составить годовой отчетъ по управленію Канцеляріею. Петръ занялся дѣломъ.

Однажды Татьяна съ тетушкою поѣхали навѣстить роженицу, жену Начальника Отдѣленія, съ которымъ Петръ былъ хотя не друженъ, но въ пріятельскихъ сношеніяхъ. Петръ остался одинъ дома, и работалъ. Ребенокъ спалъ. Петру понадобилось шелку, сшить бумаги. Онъ вошелъ въ комнату жены своей и сталъ искать. Въ коммодѣ жены своей онъ не имѣлъ привыч-

ки заглядывать, да притомъ же онъ былъ запертъ. Вдругъ онъ видитъ ридикюль жены своей, который она забыла въ торопяхъ. Изъ ридикюля торчатъ ключи отъ коммода. Петръ отперъ ящикъ, и сталъ искать шелку. Что-то твердое, завернутое въ бумагу, попало ему подъ руку. Онъ вынулъ, развернулъ изъ любопытства.... Портретъ и письмо! .. портретъ начальника и письмо, писанное наканунѣ его отъѣзда въ Москву. Петръ едва не упалъ безъ чувствъ. Въ глазахъ у него потемнѣло, въ ушахъ зазвенѣло, сердце сильно забилося. Онъ превозмогъ, однако жъ, силою характера, этотъ переворотъ тѣлесный и душевный, и прочелъ письмо. Вотъ что въ немъ было написано:

«Милая Таня! Мать моя при дверяхъ гроба. Спѣшу, съ растерзанною душою, принять послѣднее ея благословеніе. Въ этомъ ужасномъ несчастіи, одно утѣшеніе для меня, ты, милая Таня! Наконецъ я могу вознаградить несправедливость судьбы, прижать тебя къ моему сердцу, предъ цѣ-

лымъ свѣтомъ, гордиться тобою, и пещись, какъ отецъ о нашемъ Санѣ, котораго мнѣ такъ хочется видѣть! До свиданья! Не печалься, и береги себя.»

Петръ былъ блѣденъ, руки его дрожали, въ глазахъ не было слезъ. Онъ свернулъ письмо, завернулъ портретъ въ бумагу, положилъ все на прежнее мѣсто, одѣлся и вышелъ со двора, за городъ, на взморье..... онъ даже не взглянулъ на спящаго младенца!

Все кончилось! сказалъ онъ про себя. счастье было сонъ, мечта, обманъ! И кто же обманулъ меня? Она!... Онъ! Онъ называетъ *своимъ* моего сына, моего Сашу... О, это ужасно!.... Такъ вотъ причина его милостей ко мнѣ.... О люди, люди! Какъ вы гнусны, какъ вы презрѣны!... Волки терзаютъ насъ, но не обманываютъ; змѣи жалятъ, но не лгутъ.... Теперь понимаю, почему эмблема измѣны и коварства олицетворена въ образъ первой женщины!... проклинаю васъ!.....

Кровавая мысль о мести, о самоубій-

ствѣ мелькнула въ головѣ Петра; но въ душѣ его господствовало чувство религіи, и оно заглушило злой помыселъ. Жить, молчать и страдать: вотъ участь наша въ жизни! сказалъ Петръ, покачавъ головою и смотря пристально на бурное море. Слезы покатились градомъ изъ глазъ его; онъ рыдалъ, и бросаясь на колѣни, простирая руки къ небу — молился!... Ужасно было его положеніе. Умъ, чувствованія, страсти боролись въ немъ съ ожесточеніемъ. Религія все побѣдила. Въ полночь Петръ возвратился домой.

Его ждали. Татьяна, взглянувъ на него, вскрикнула отъ ужаса. Всѣ черты лица его измѣнились; глаза были мутны и красны, смертная блѣдность покрывала лице. Онъ казался десятью годами старѣе. «Боже мой! что съ тобою сдѣлалось, милый Петръ!» восклицала Татьяна, ломая руки. «Я былъ боленъ: теперь здоровъ,» сказалъ Петръ, съ притворнымъ хладнокровіемъ, избѣгая ласкъ жены. «Дай мнѣ уснуть....» Петръ легъ на диванъ, въ своемъ кабинетѣ, и заперъ двери.

Татьяна всю ночь провела безъ сна; но къ утру, измученная бессонницей, она успокоилась. Она поздно проснулась, но Петра уже не было дома. Ей сказали, что онъ одѣлся со свѣтомъ, и вышелъ со двора, съ бумагами.

Петръ побѣжалъ прямо къ Министру. Это былъ день доклада. Министръ слышавъ объ немъ много хорошаго, допустилъ его къ себѣ и выслушалъ. Петръ, со слезами, съ сердечнымъ краснорѣчіемъ, просилъ перевести его на Кавказъ. Министру именно надобно было, въ это время, выслать туда надежнаго чиновника, и онъ только что разсматривалъ списки. Черезъ часъ готово было отправленіе, черезъ другой часъ подорожная, а еще черезъ полчаса онъ уже несся, на тройкѣ, по почтовой дорогѣ.

Петръ не простился съ Татьяной, не взглянулъ на младенца! О какія мученія ощущалъ онъ въ душѣ! Образъ дитяти преслѣдовалъ его, и упрекалъ въ жестокости.

Братъ Петра, Адъютантъ, находился въ это время въ Кавказскомъ Корпусѣ. Петръ

ѣхалъ къ брату, чтобъ излить горестъ свою въ душу его и почерпнуть изъ нея утѣшеніе. Бѣдный! Онъ вѣрилъ въ невозможное, вѣрилъ, что оскорбленное чувство можетъ найти утѣшеніе!

Татьяна, узнавъ о внезапномъ отъѣздѣ мужа, едва пережила этотъ ударъ. Двѣ недѣли она томилась въ горести, превосходившей ея силы, и наконецъ изнемогла. Докторъ, призванный тетушкою, не могъ помочь больной Татьянѣ. Онъ приложилъ руку къ сердцу, взглянулъ на небо и сказалъ: «отъ подобныхъ болѣзней нѣтъ лекарства на землѣ!»

«Маменька!» говорила безпрестанно Татьяна: «если я не увижусь съ нимъ, если я не объяснюсь..... я непременно умру. Я должна съ нимъ видѣться! Поедемъ къ нему!» — Тщетно тетушка уговаривала ее подождать, пока она поправится въ здоровьѣ, пока возвратится изъ Москвы Ксенофонтъ Михайловичъ Алмазовъ.... Татьяна ничего не хотѣла слушать, и повторяла одно и то же, что одно только свиданіе съ Петромъ можетъ спасти ее отъ смерти. Тетушка не

могла долѣе противиться, и онъ отправились на Кавказъ.

Въ Москвѣ, онъ надѣялся увидѣться съ Ксенофонтомъ Михайловичемъ; но имъ сказали, что онъ, похоронивъ мать свою, поспѣшно уѣхалъ въ Петербургъ. Они разѣхались ночью, на дорогѣ. Татьяна написала къ нему письмо, и продолжала свое путешествіе.

Онъ благополучно прибыли въ Тифлисъ. Уже было около полуночи, но Татьяна не имѣла терпѣнія дожидаться до утра. Взявъ проводника, она отправилась, съ сыномъ, въ жилище Петра. Тетушка была нездорова и такъ измучена дорогой, что не могла сопутствовать имъ. Любовь оживила силы въ Татьянѣ.

Она постучалась въ двери. Незнакомый слуга отперъ ихъ, и посмотрѣвъ съ удивленіемъ на Татьяну, спросилъ, кого ей надобно. «Петра Александровича,» отвѣчала Татьяна, дрожа и почти задыхаясь. «Онъ боленъ!» — «Боленъ!» воскликнула она жалостно: «Тѣмъ скорѣе я должна увидѣть его....

Пусти меня!» — «Подождите,» сказалъ хладнокровно слуга и перешелъ въ другую комнату. Вышелъ офицеръ, блѣдный, съ красными, заплаканными глазами, взглянулъ на Татьяну, и отступилъ съ удивленіемъ. Она держала на рукахъ младенца, и плакала. «Я братъ Петра....» сказалъ офицеръ.... Но Татьяна не дала ему кончить: «А я жена его... а вотъ сынъ *вашъ*.... Пустите насъ къ нему!.. Ради Бога пустите!»—«Вы убьете его,» сказалъ Павелъ: «онъ теперь только успокоился послѣ сильнаго припадка горячки. Въ эту ночь мы ожидаемъ кризиса... Боже мой!... Онъ говорилъ о васъ въ бреду... *онъ простилъ васъ!*» примолвилъ офицеръ, тяжело вздохнувъ и потушивъ глаза... «Да простить васъ Богъ!»... офицеръ замолчалъ.

Татьяна съ гордостью посмотрѣла на офицера. «Онъ простилъ меня! Въ чемъ?»...

— «Вы не знаете?» сказалъ офицеръ, съ презрительною улыбкою... «Портретъ и письмо... убили моего брата!»

— «Портретъ и письмо!... О Боже!...»

воскликнула Татьяна, трепеща всѣмъ тѣломъ: «Пустите меня къ нему, пустите!»

— «Я сказалъ вамъ, что онъ лежитъ безъ чувствъ...»

— «И такъ выслушайте вы, братъ его!» примолвила несчастная, и схвативъ за руку офицера, потащила его къ софѣ, посадила возлѣ себя:

— «Знаешь ли онъ, чей это портретъ, чье это письмо!» сказала Татьяна, смотря пристально на офицера, и держа его крѣпко за руку. — Офицеръ не зналъ, что отвѣчать. Ему совѣстно было оскорбить несчастную.

— «Это портретъ моего... брата!» сказала Татьяна.

— «Алмазовъ... вашъ братъ!» воскликнулъ офицеръ, вскочивъ съ мѣста.

— «Родной мой братъ! Слушайте. Отецъ мой жилъ въ несогласіи съ женою своею, матерью Ксенофонта. Любовью.... и.... я должна высказать... быть можетъ и хитростью, отецъ мой приобрѣлъ любовь матери моей, которая, сливѣтъ въ свѣтъ моею

теткой. Я несчастный плод ихъ любви!... Отецъ мой, умирая, завѣщалъ сыну своему, Ксенофону, прижитому съ законною женою, любить меня какъ сестру, но содержать тайнѣ мое существованіе, до смерти его матери. Братъ мой, Ксенофонтъ, высоко поставленный судьбою, не смѣлъ навѣщать меня, боясь повредить моей доброй славы. Мы видались съ нимъ тайно, на удивенныхъ прогулкахъ, и переписывались. Теперь мать его умерла, и онъ признаетъ меня своею сестрою предъ свѣтомъ.... Я не смѣла открыть этой тайны Петру. Клятва связывала меня!...» Татьяна залилась слезами. Офицеръ былъ тронутъ до глубины души. Онъ цѣловалъ руки Татьяны, взявъ на руки ребенка, прижалъ къ сердцу, и прослезился.

Въ это время вошелъ Докторъ. Не обращая вниманія на Татьяну, онъ подошелъ къ офицеру, пожалъ плечами и сказалъ: «Приготовьтесь... плохая надежда!»

Татьяна упала безъ чувствъ. Ребенокъ закричалъ. Въ комнатѣ больного послышался

ся шумъ. Докторъ побѣжалъ туда; офицеръ остался при Татьянѣ.

Больной рвалъ на себѣ перевязки и кричалъ изступленнымъ голосомъ: «Прочь все эти мушки и пластыри!... Я хочу умереть!... Смерть! О какъ сладко это слово!... Наконецъ этотъ проклятый портретъ и это письмо исчезнуть изъ глазъ моихъ!...»

Офицеръ привелъ въ чувство Татьяну, умолялъ ее не входить въ комнату больного, и самъ пошелъ туда. Приблизясь къ кровати, онъ взялъ Петра за руку и сказалъ: «Братъ Петръ, успокойся. Жена твоя не виновата; сынъ твой... кровь твоя! Начальникъ твой — братъ жены твоей, слышишь ли: родной братъ ея!»

Больной поднялся на кровати, уставилъ мутные глаза на брата и сказалъ: «Повтори, что Татьяна безвинна, что сынъ мой — кровь моя!» Офицеръ повторилъ сказанное. — «О какъ мнѣ хорошо!» сказалъ больной: «какъ сладко слышать это!...» Онъ закрылъ глаза и упалъ навзничь.

«Вы убили его!» сказалъ Докторъ. Ст.
Ч. I.

симъ словомъ Татьяна вбѣжала въ комнату, хотѣла обнять Петра, взглянула, и снова лишилась чувствъ. Онъ былъ блѣденъ, какъ трупъ. Ребенокъ упалъ на постель больного отца, и обнимая безчувственное тѣло своими рученками, кричалъ: «Папа! папа!»

Докторъ пощупалъ пульсъ сперва у Петра, потомъ у Татьяны, и сказалъ: «Я не виноватъ въ ихъ смерти.... я сдѣлалъ все, что отъ меня зависѣло!...»

Между тѣмъ ребенокъ цѣловалъ безчувственнаго Петра, обнималъ его, дергалъ и кричалъ: «Папа! папа!»

Офицеръ рыдалъ. Докторъ былъ встревоженъ и старался возбудить жизнь въ Татьяну, которая еще дышала, хотя очень слабо.

Вдругъ Петръ открылъ глаза. «Сынъ мой!» воскликнулъ онъ пронзительно, прижалъ ребенка къ груди, поднялся, и снова опрокинулся на подушки и закрылъ глаза. Кровь его пришла въ движеніе, щеки покрылись легкимъ румянцемъ; онъ началъ дышать сперва тяжело, потомъ легче. Съ

лица его исчезла печать смерти: потъ лился градомъ.

— «Кризисъ!» закричалъ Докторъ, и бросился къ письменному столу, написалъ рецептъ и послалъ за лекарствомъ. Въ это время Татьяна открыла глаза.

«Надежда!» сказала ей Докторъ — и она поднялась. Лице ея оживилось улыбкой. Татьяна стала молиться передъ образомъ. Ребенка наслу оттащили отъ отца, перенесли въ другую комнату и уложили спать. Здѣсь поселилась Татьяна.

— «Докторъ! будетъ ли живъ братъ мой?» спросилъ Павелъ: «смерть его увлечетъ три жертвы въ могилу!» — «Ни за что не отвѣчаю,» сказалъ Докторъ: «медицинскія средства истощены: должно предоставить Природѣ.»

Природа сильно дѣйствуетъ въ тѣлѣ неразстроенномъ сластолюбіемъ, и въ душѣ неистощенной подлыми страстями. Вопль роднаго дѣтища остановилъ улетающую жизнь Петра. Любовь исцѣлила его.

Черезъ мѣсяць, блѣдный и еще безсиль-

ный Петръ, сидѣлъ въ саду между братомъ и милою женою. Дитя рѣзвилось на травѣ. Въ глазахъ Петра были слезы радости и умиленія. Онъ держалъ въ рукахъ портретъ, и — покачавъ головою, сказалъ: «Вѣра и любовь спасли насъ! Если бѣ я увлекся кровавымъ внушеніемъ мести; если бѣ, презрѣвъ Законъ Божій, посягнулъ на самоубійство, если бѣ ты, милая Татьяна, не любила меня столько, чтобъ рѣшиться пгаться за мною.... какихъ бѣдъ надѣлалъ бы этотъ портретъ!...»

— «А вотъ и подлинникъ!» воскликнула Татьяна, бросившись на встрѣчу брату, вошедшему въ это время въ садъ.

Петръ, сохраняя прежнее уваженіе къ начальнику, привсталъ; но Алмазовъ прижалъ его въ объятіяхъ. Они отъ радости не могли вымолвить слова. Наконецъ Петръ, положивъ руку на сердце и смотря на всѣхъ сквозь слезы, сказалъ: «Боже мой, какъ мнѣ страшно! Я опять слишкомъ счастливъ!»

— № IV. —

МУДРЕННЫЯ ПРИКЛЮЧЕНІЯ

КВАРТАЛЬНАГО НАДЗИРАТЕЛЯ.

=

Г Л А В А I.

—

Арестъ.

Нѣсколько человекъ оборванныхъ, пемытыхъ и нечесаныхъ, заснувъ подъ открытымъ небомъ въ объятіяхъ Бахуса, и проснувшись за желѣзною рѣшеткою на лонѣ благочинія, сметали грязь съ мостовой, которой они наканунѣ били челомъ, въ буквальномъ смыслѣ. На тротуарѣ стоялъ го-

родовой унтеръ-офицеръ въ шинели на опашь, въ фуражкѣ на бекрень, и чертилъ тростью по песку. Полицейскій солдатъ расхаживалъ вокругъ работникова и понукалъ ихъ. Почти по срединѣ улицы стоялъ Квартальный Надзиратель, и съ особеннымъ вниманіемъ, хотя укрядкою, поглядывалъ на окна второго яруса. Квартальный Надзиратель былъ статный молодой человекъ, прекрасной наружности. Онъ имѣлъ черные волосы, орлиный носъ, большіе темноголубые глаза съ густыми бровями и длинными рѣсницами, и пѣжныя, полныя, розовыя уста. Ему было не болѣе двадцати пяти лѣтъ отъ роду. Мундиръ былъ на немъ новый съ красивымъ широкимъ штыремъ. Высокая шляпа надѣта была молодецки и придавала ему воинственный видъ. Если бы онъ былъ въ гусарскомъ мундирѣ, то, безъ сомнѣнія, въ окнахъ противолежащихъ домовъ мелькнулъ бы не одинъ чепчикъ... но теперь, ни одно женское личико не показывалось въ окнахъ, на которыя устремлены были взоры Квартального Надзирателя, и только по време-

мя высовывалась изъ форточекъ кубическая голова лакея, сметавшаго пыль съ мебели, который звая вдыхалъ туманные пары, облегающіе Петербургъ въ осеннее утро.

Поклонники Вахуса, выметавшіе улицу, находились въ самомъ отчаянномъ положеніи. Въ домъ, на который такъ пристально смотрѣлъ Квартальный Надзиратель, былъ винной погребокъ, а напротивъ, нѣсколько наискось, питейный домъ. Спиртныя испаренія, медленно поднимаясь осенью въ верхніе слои атмосферы, дѣйствовали сильно на нервы любителей спиртовыхъ жидкостей, раздражая ихъ вкусъ и обоняніе, и они, удвоивъ усилія, скоро вывели одну часть улицы, чтобъ примкнуть къ питейному дому. Квартальный Надзиратель, погруженный въ думу, безпрестанно поглядывая на окна, не замѣчалъ что работнигиں оцутились у него за спиною... Вдругъ раздался стукъ по мостовой. Подъѣхали дрожки, запряженныя парю Вятскіихъ бегуновъ, и остановились. На дрожкахъ сидѣлъ Частный Приставъ,

человѣкъ лѣтъ за сорокъ, съ широкимъ лицомъ, толстый, здоровый, румяный. Онъ поправилъ шинель, распахнулся, и нѣсколько крестиковъ мелькнуло на груди его. Городовой унтеръ-офицеръ подбѣжалъ къ нему и, приложивъ руку къ козырьку своей фуражки, произнесъ громко: «Здравія желаю, Ваше Высокоблагородіе!»

Но Квартальный Надзиратель не слышалъ ни стуку колесъ, ни конскаго топота, ни восклицанія унтеръ-офицера. Онъ стоялъ на мѣстѣ, какъ вкопаной, вздыхалъ, и поглядывалъ на окна.

Частный Приставъ былъ человѣкъ добрый, но строгій, взыскательный по службѣ и, на бѣду, не обучался вѣжливости у Французскихъ гувернеровъ. Онъ былъ изъ духовнаго званія, прослужилъ отлично въ военной службѣ двадцать пять лѣтъ, былъ десять лѣтъ вахмистромъ, привыкъ къ субординаціи, и не заботился о нѣжности выраженій. Будучи произведенъ въ офицеры, онъ дослужился до Капитанскаго чина и за ранами вышелъ въ отставку. Въ штатъ

С. Петербургской Полиціи опредѣлился онъ для того, чтобъ имѣть случай въ столицѣ воспитывать дѣтей и жить близъ родни жены своей, которой отецъ, бывъ Цейгъ-Вахтеромъ во время замужства дочери, теперь, въ чинѣ Титулярнаго Советника, находился въ Провіантскомъ штатѣ и завѣдывалъ нѣсколькими магазинами въ столицѣ. Въ домашнемъ быту Частный Приставъ былъ столь же порядоченъ, какъ исправенъ по службѣ. Онъ не давалъ воли женѣ, строго наблюдалъ за поведеніемъ дѣтей, и жилъ расчетливо, сообразно съ доходомъ. Онъ имѣлъ полное право требовать отъ другихъ точнаго исполненія обязанностей. Его можно было упрекнуть въ одномъ пороцкѣ, въ излишней вспыльчивости, которая была тѣмъ несноснѣе, что (какъ мы уже сказали) онъ не заботился объ отдѣлкѣ слога въ своихъ рѣчахъ и о нѣжности выраженій, и часто употреблялъ коренныя Русскія многозначительныя поговорки, сдѣлавшіяся побочною принадлежностью нашего языка, безъ которыхъ, какъ слышно, даже корабль не по-

воротится. Но почтенный Частный Приставъ не всѣхъ бранилъ и не со всѣми бранился одинаково. Браня его, подобно Поэзии, раздвѣлялась на *высокую* и на *простонародную*. Сперва онъ былъ *классикомъ* въ семь дѣлъ, но въ послѣдствіи Нѣмцы увлекли его въ Романтизмъ. Прележавъ нѣсколько недѣль въ госпиталѣ, въ Ольмицѣ, послѣ Австерлицкаго сраженія, вмѣстѣ съ Австрійскими солдатами, онъ перенялъ у одного фельдфебеля любимую брань его *саперментъ*, и почиталъ, по общему нашему заблужденію, все иностранное пѣжибе Русскаго, употреблялъ это слово тогда только, когда пѣвался на благородныхъ и на высшихъ себя.

Не слѣзая съ дрожекъ и не сказавъ ни слова городовому, Частный Приставъ смотрѣлъ, выпуча глаза, на Квартальнаго Надзирателя, покачалъ значительно головою и вдругъ покраснѣвъ, привсталъ на дрожакахъ, опять присѣлъ, стукнулъ обими ногами по крыльямъ дрожекъ и громко воскликнулъ: «*саперментъ!*»

Городовой упертъ-офицеръ вытянулся въ струнку и смотрѣлъ въ глаза начальнику, чтобъ догадаться чѣмъ онъ недоволенъ.

— «Господинъ офицеръ!» закричалъ грозно Частный Приставъ.

Не тутъ-то было! Господинъ офицеръ не оглядывался. Онъ ничего не слышалъ и не видѣлъ. Тѣло его стояло, стояма, на улицѣ, какъ палисадина, а душа, какъ канарейка, летала вокругъ оконъ противулежащаго дома.

— «Клики.....» сказалъ городовому Частный Приставъ, указывая пальцемъ на Квартальнаго Надзирателя, и примолвилъ про себя нось: «этого болвана, прости Господи!» —

Городовой дернулъ мечтателя за полу и сказалъ: — «Ваше Благородіе! пожалуйте къ Его Высокоблагородію!» —

Квартальный Надзиратель оглянулся и, увидѣвъ Частнаго Пристава, встрепенулся. Душа его, летавшая въ мірѣ фантазій, быстро спустилась на землю и какъ будто попала въ прорубь, попавъ подъ крѣпко за-

стегнутый мундиръ. Бѣдной душечкѣ было и тѣсно и душно, да нечего дѣлать!

Квартальный Надзиратель скорыми шагами подошелъ къ дрожкамъ и, приложивъ руку къ шляпѣ, сказалъ: — «Что прикажете?»

— «Мнѣ нечего вамъ приказывать, когда вы не слушаетесь своего долга!» сказалъ гнѣвно Частный Приставъ: «что вы здѣсь дѣлаете, сударь?»

— «Вы изволите видѣть..... наблюдаю..... за порядкомъ.....» —

Частный Приставъ прервалъ сбивчивую рѣчь своего подчиненнаго. — «Славно наблюдаете!» воскликнулъ онъ насмѣшливо-грознымъ голосомъ: «спиною обернулся къ рабочимъ, а глаза устави на винный погребокъ..... Видно еще не ударилъ адмиральскій часъ!..... или погребщикъ не пронулся!» —

Квартальный офицеръ покраснѣлъ до самыхъ зрачковъ. Кровь въ немъ взволновалась. Онъ хотѣлъ, какъ говорится, осадить Частнаго Пристава, и уже негодованіе вы-

бросило рѣзкій отвѣтъ изъ сердца на языкъ, какъ вдругъ субординація представилась уму его въ видѣ Медузиной головы. Сердце его простыло мгновенно, какъ горячій камень, брошенный въ холодную воду, и рѣзкій отвѣтъ замерзъ на концѣ языка. Онъ молчалъ, сжалъ кулаки и закусилъ губы.

— «Что жъ вы, сударь, не отвѣчаете!...» закричалъ Частный Приставъ.

— «Помилуйте, Сидоръ Аввакумовичъ, за что вы меня обижаете!» сказалъ Квартальный Надзиратель жалостно, почти сквозь слезы: «я кажется моимъ поведеніемъ не подалъ причины презирать меня!.....»

— «Вашимъ поведеніемъ!..... Саперментъ!» воскликнулъ Частный Приставъ. «Мнѣ до вашего домашняго поведенія нѣтъ нужды, были бы вы исправны по службѣ. А вы не служите, господинъ дворяничекъ, а болтаетесь въ службѣ! На дежурствѣ книжка въ рукахъ, а на улицѣ спиной къ дѣлу, а носомъ, въ поле.... При рапортѣ одна пѣсня: *новаго ничего нѣтъ*; а только и прити, когда придется по наряду дежурить въ

театръ или концертъ... да и тутъ не ищите господина дворянчика у подъезда, нѣтъ, онъ изволить тѣшиться въ публикѣ..... Саперментъ!.....» Частный Приставъ запыхался отъ гнѣва и не могъ продолжать упрековъ.

Квартальный Надзиратель хотѣлъ было сказать, что если начальникъ его не доволенъ имъ, то онъ будетъ проситься въ другую часть; но не смѣлъ сказать этого и проглотить обиду: не отъ трусости или уничиженія молчалъ онъ, но отъ другой причины. Сердце его, какъ городской фонарь, привязано было къ сей части города, и все пожарныя трубы въ мѣръ не могли бы потушить пламени, которымъ объята была его душа. Онъ не только хотѣлъ бы быть будничкомъ, чтобъ стоять безсмынно на часахъ противъ дома, на который смотрѣлъ до подъезда Частнаго Пристава, но радъ бы прерратиться въ будку, чтобъ только быть вѣчно противъ сихъ оконъ. Перейдя на службу въ другую часть, онъ лишился случая ежедневно проходить мимо этого дома и стоять

противу него по нѣскольку часовъ. И потому - то Квартальный Надзиратель молчалъ, какъ мы уже выше сказали, но наконецъ вздумалъ пробормотать невнятно:

— «Мнѣ крайне прискорбно.... я всегда старался заслужить вашу благосклонность.... Я думалъ.....»

— «Вотъ то и бѣда, что вы много думаете!» сказалъ Частный Приставъ, требуя отъ Квартальнаго Надзирателя, чтобъ онъ отвѣчалъ, и не давая ему отвѣчать. «Лучше меньше думать, а больше дѣлать! Саперментъ! Да скажите мнѣ, что это значить, что вотъ уже болѣе трехъ недѣль, какъ я застаю васъ все на одномъ мѣстѣ, и что вы только и велите мести улицу передъ этимъ однимъ домомъ!.....»

Квартальный Надзиратель испугался этого замѣчанія, и не звалъ, что отвѣчать. Онъ ворчалъ только потупя глаза: — «Помилуйте-сь, никакъ нѣтъ-сь... я бываю вездѣ-сь.... это такъ-сь, случай-сь!.....»

Частный Приставъ замѣтилъ смущеніе Надзирателя, покачалъ головою и сказалъ

про себя: «Саперментъ!» потомъ, обратясь къ Надзирателю, примолвилъ: «Тутъ есть какія нибудь шашни, которыя я открою... Извольте, сударь, итти подь арестъ, въ дежурство, а ты, Ивановъ, приведи ко мнѣ немедленно дворника изъ этого дома.»

— «Слушаю-сь!» закричалъ городской унтеръ-офицеръ.

— «Пошелъ домой!» сказала Частный Приставъ своему кучеру. Дрожки понеслись, а Квартальный Надзиратель, взглянувъ въ послѣдній разъ на окна дома, вздохнулъ и побрелъ тихо на съезжій дворъ.

=

Г Л А В А II.

—

Однополчане.

Иванъ Петровичъ Еремѣевъ, изъ родовыхъ Русскихъ дворянъ N.N. губерніи, служилъ Капитаномъ въ N.N. пѣхотномъ полку. Наслѣдственное его имѣніе состояло

изъ пятидесяти двухъ душъ и управляемо было его матерью, занимавшеюся воспитаніемъ трехъ малолѣтнихъ дочерей. Мать Еремѣева была хорошая хозяйка, и въ домѣ не было недостатка ни въ чемъ нужномъ. По смерти ея, имѣніе отдано въ управленіе опекунамъ и, въ нѣсколько лѣтъ, не только что хозяйство приняло въ разстройство, но появились долги. Иванъ Петровичъ, живя однимъ жалованьемъ, опасался, чтобъ въ такомъ управленіи его имѣніемъ, сестры не пошли по міру. Взявъ отпускъ, онъ отправился въ свою вотчину, и узнавъ на мѣстѣ о безчинствѣ главнаго опекуна, дальняго родственника, потребовалъ его къ судебной раздѣлкѣ. Процессъ, хозяйство и надзоръ за сестрами требовали его присутствія дома. Онъ принужденъ былъ вытти въ отставку и поселиться въ деревнѣ. Тяжба его была справедлива, и онъ выигралъ ее въ губерніи, при покровительствѣ Военнаго Губернатора, который, промѣнявъ бранный мечъ на мечъ правосудія, притупилъ имъ крючки ябеды. Но сильный противникъ Ивана Петровича

подалъ апелляцію въ Сенатъ, и бѣдный офицеръ, собравъ послѣднія крохи, должепъ былъ отправиться въ Петербургъ, въ надеждѣ на Бога и на Царя. Прибывъ въ столицу на долгихъ, онъ остановился въ Ямской, и на другой же день отправился пѣшкомъ въ Сенатъ, узнать, въ какомъ положеніи находится его дѣло. На тротуаръ Невского Проспекта онъ встрѣтилъ стараго сослуживца, того самаго Квартальнаго Надзирателя, о которомъ говорено было выше сего. Квартальный Надзиратель, выслушавъ рассказъ однополчанина о причинѣ прѣзда его въ столицу, и предполагая, что казна его въ плохомъ состояніи, предложилъ ему остановиться у него на квартирѣ и раздѣлить побратски хлѣбъ-соль. Пожертвованіе было принято съ такимъ же добродушіемъ, какъ и предложено.

Въ ротъ, которою командовалъ Иванъ Еремѣевъ, служилъ Прапорщикъ Князь Каверзовъ, выписанный изъ Гвардіи тѣмъ же чиномъ. Полковой Командиръ былъ чело-вѣкъ строгій и безпристрастный. Онъ не-

обращалъ ни малѣйшаго вниманія ни на богатство, ни на родъ, ни на связи своихъ подчиненныхъ, отличалъ однихъ исправныхъ офицеровъ, и не спускалъ лѣнницамъ и шалунамъ. Полковой Командиръ даже не распечаталъ рекомендательныхъ писемъ, привезенныхъ въ полкъ Княземъ Каверзевымъ, и заглянувъ въ его формуляръ, сталъ наблюдать за нимъ, какъ говорится, въ оба глаза. Формуляръ Князя былъ не очень бѣлъ. На этотъ разъ аттестація была начертана рукою безпристрастнаго судьи, а не личностью. Князь любилъ спать тогда, когда надлежало исполнять обязанности службы, а когда усталые служакки спали, онъ бодрствовалъ за картами, съ акомпаниментомъ бутылки, или въ обществѣ.... Но что тутъ распространяться! Довольно того, что Князь велъ себя душно, и за это весьма часто сидѣлъ подъ арестомъ, дежурилъ не въ очередь и получалъ жестокіе выговоры. Иванъ Петровичъ Еремѣевъ спасалъ его, какъ могъ, отъ гнѣва Полковаго Командира, увѣщевалъ дружески, просилъ

нѣзвѣдѣнъ, спускались къ его слабостямъ, и извиняли его предъ Полковникомъ, приписывая все зло дуриному воспитанію, не взирая на то, что Князь воспитывался въ самомъ дорогомъ Французскомъ пенсіонѣ, а онъ, Еремѣевъ, примѣрный офицеръ, воспитывался въ Полковой канцеляріи, ибо вступилъ въ службу, изъ родительскаго дома, на шестнадцатомъ году отъ рожденія. Наконецъ Князю вздумалось, однажды, послѣ пирушки, нагнубить Полковому Командиру. Нашла гроза не нашутку. Полковой Командиръ велѣлъ изготовить рапортъ и вознамѣрился отдать непослушнаго подъ военный судъ. Но просьбы Еремѣева смягчили Полковника, и дѣло кончилось тѣмъ, что Князь долженъ былъ подать въ отставку, тогда, какъ онъ надѣялся поступить въ адъютанты къ двоюродному брату своего зятя, и быть переведеннымъ снова въ Гвардію, за отличіе. Князь, хотя былъ повѣса и негодяй, но имѣлъ не злое сердце. Онъ былъ человекъ, какихъ мы видимъ множество, то есть: нравственный нуль. Онъ не

дѣлалъ зла изъ страха и отъ лѣни, и потому, что не находилъ наслажденія въ злѣ. Обмануть кредитора онъ не почиталъ зломъ, а потому не упускалъ случаевъ воспользоваться ихъ легковѣріемъ, но избѣгалъ того, что могло вредить другому, не принося ему удовольствія. И за это еще спасибо! Есть люди, которые находятъ душевное наслажденіе въ клеветѣ, лжи, обманѣ, лишеніи чести и собственности. Въ сравненіи съ ними Князь былъ *добрый человекъ*. Добра онъ не дѣлалъ потому, что не постигалъ, какъ можно дѣлать его, и ограничивался тѣмъ, что, выигрывая въ карты бросалъ деньги нищимъ, и подчивалъ пріятелей. Онъ понималъ, что одинъ человекъ можетъ быть пріятнѣе другаго, и что одна женщина нравится болѣе, а другая менѣе; но никакъ не могъ постигнуть, чтобъ можно было любить когонибудь, кромѣ себя, и лишиться себя чего бы ни было въ пользу другаго. На этотъ счетъ онъ не слыхалъ ничего въ пенсіонѣ отъ своихъ учителей, и въ семь отношеніи былъ настоящимъ Караимомъ.

Онъ готовъ былъ изжарить и съѣсть лучшаго своего пріятеля или любовницу, если бы былъ уврѣнъ, что имъ это будетъ не больно. При всемъ томъ онъ чувствовалъ услугу, оказанную ему въ полку Иваномъ Петровичемъ Еремѣевымъ, а потому, встрѣтаясь съ нимъ на улицѣ, въ Петербургѣ, пожалъ ему дружески руку, разцѣловалъ и потащилъ обѣдать во Французскую ресторацію. Князь не постигалъ, чтобъ можно было инымъ образомъ оказать дружбу, какъ уподчивавъ пріятеля по самое нельзя. О пѣжности чувствъ не говорили ничего въ классахъ того пенсіона, гдѣ Князь воспитывался.

Вотъ они за столомъ, уставленнымъ бутылками и блюдами. Еремѣевъ ѣсть, а Князь пьетъ за четверыхъ. Но Князь не умѣлъ ни объ чемъ говорить, какъ только объ актрисахъ, о домашнихъ сметняхъ своихъ знакомыхъ и родныхъ, а Еремѣеву всѣ эти предметы были чужды, и такъ они играли въ молчанку. Наугадъ, чтобъ только сказать что нибудь, Князь пустилъ вопросъ:

— «А гдѣ вы живете, Иванъ Петровичъ?» —

Благородная душа Еремѣева только и ждала случая, чтобъ «излиться». «Помните ли вы, Князь, Подпоручика нашей роты, Алексѣя Петровича Спиридонова, этого красавца, добраго малаго, служаку, который столько разъ дежурилъ за васъ?...»

— «Помню!» отвѣчала Князь разсѣянно, посматривая на сторону и прислушиваясь къ разговору о театрѣ двухъ молодыхъ людей, сидѣвшихъ за другимъ столомъ.

— «Этотъ благородный юноша долженъ былъ выйти въ отставку, чтобъ прокормить мать свою, разбитую параличемъ. Не имѣя ни родни, ни покровителей, онъ чуть не умеръ съ голоду и съ отчаянья въ этой холодной столицѣ избытка и роскоши, если бы самъ Богъ не пособилъ ему. Прогуливаясь, однажды, по берегу Невы, онъ спасъ отъ потопленія ребенка. Отецъ этого дитяти, купецъ, далъ ему квартиру въ своемъ домѣ, и, по связямъ своимъ, доставилъ мѣсто въ штатѣ здѣшней Полиціи... Онъ теперь Квартальнымъ Надзирателемъ...»

— «*Fi donc!*» сказала Князь разъяренно.

— «Нѣтъ, не Фидонъ, а Алексѣй Петровичъ Спиридоновъ, человекъ честный, правдивый, и притомъ умный и воспитанный. Онъ предложилъ мнѣ мѣстечко въ своемъ уголкѣ, и раздѣлилъ побратски скудную свою трапезу, которая дороже и вкуснѣе мнѣ всѣхъ этихъ соусовъ, отъ которыхъ жжетъ въ глоткѣ, какъ отъ раскаленнаго штыка, въ которыхъ утопаютъ благосостояніе бѣднаго Русскаго мужика....»

Князь давно не слушалъ Еремѣева, зѣвалъ, оглядывался, перекачивался на стулѣ; но Еремѣевъ, насытивъ желудокъ, пресыщавъ сердце свое изъявленіемъ благодарности старому своему сослуживцу, и промочивъ горло шампанскимъ, продолжалъ:

«Такіе люди, какъ Спиридоновъ, нынѣ рѣдки! Онъ пожертвовалъ всеми блистательными надеждами, чтобъ поконить болѣзную мать, чтобъ доставить ей облегченіе въ недугѣ! вотъ я уже два мѣсяца живу съ ними, и не видалъ у него ничего, кромѣ

несчастливыхъ, которымъ онъ помогаетъ, побуждая къ благотворенію богатыхъ жителей квартала.... Вы, Князь, имѣете знатную родню, друзей, связи. Ну, чтобъ вамъ вспомнить старинныя услуги и выхлопотать для Спиридонова мѣстечко или повышеніе, обративъ вниманіе начальства на его примѣрное поведеніе, на его усердіе къ службѣ, на его безкорыстіе, самоотверженіе... Еслибъ вы видѣли его на пожарѣ!.. Ну точнехонько Суворовскій гренадеръ на штурмъ....»

Князь Каверзевъ не могъ терпѣть, когда при немъ хвалили чье либо поведеніе, и какъ нѣкоторыя слова изъ длинной рѣчи Еремѣева невольно поражали слухъ его, то онъ наконецъ вздумалъ заставить его молчать, и посмотрѣвъ на него насмѣшливо, сказалъ: — «Извините, Иванъ Петровичъ, но я нахожусь въ такомъ кругу, что меня бы осмѣяли, если бъ я вздумалъ распространяться, подобно вамъ, въ похвалахъ полицейскому офицеру, и назвалъ его старымъ пріателемъ и товарищемъ....»

Еремьевъ, согрѣтый виномъ и дружбою — вспыхнулъ. — «Полицейскому офицеру!» проворчалъ онъ съ досадою. «А чѣмъ же онъ хуже другаго? Развѣ охранять спокойствіе, достояніе и честь гражданъ не столь же важная обязанность, какъ охранять пушку? Предразсудки, Князь, предразсудки!» воскликнулъ онъ, разгораясь болѣе и болѣе. «Конечно, нѣтъ почтеніе военнаго званія; но развѣ мы не видимъ изъ сентенцій военныхъ судовъ, что и въ военное званіе втираются люди, недостойные шпаги и эполетовъ? Все зависитъ отъ характера и поведенія человѣка, а не отъ званія или отъ мѣста, и мнѣ кажется, что честный полицейскій офицеръ гораздо почтеннѣе шпаго...»

Князь быстро вскочилъ съ мѣста, шаркнулъ стуломъ и, сказавъ трактирному служителю: — «Записать на мой счетъ!» пожалъ руку своему собесѣднику, примолвивъ: «Извините, мнѣ нѣкогда, я долженъ проводить сестру въ театръ,» вышелъ изъ комнаты.

Когда Князь надѣвалъ шинель, подо-

шелъ къ нему блѣдный, сухощавый отрокъ въ очкахъ, который только что всталъ изъ за стола, уставленнаго бутылками, и сказалъ: — «Что за оригинала привелъ ты съ собою, Князь? — Фракъ его шить по модѣ семидесятыхъ годовъ, а голова острижена, какъ у рекрута.... Это долженъ быть какой нибудь подъячій. ... Не завели ли ты процессовъ съ твоими дядюшками и тетюшками о долгодѣтіи!»

— «Это, братецъ, армейщина, одинъ изъ членовъ de la mauvaise compagnie, въ которой я осужденъ былъ влечить жизнь, по милости моего бывшаго шефа, que le diable l'emporte! Этотъ еще изъ лучшихъ! Садись въ мою карету, если хочешь.... Моя Маша сего дня въ фигуранткахъ, въ этомъ длинномъ балетѣ... Я подвезу тебя въ театръ.»

— «Пожалуй!» отвѣчалъ истощенный отрокъ: «а послѣ поѣдемъ на игру!»

— «C'est convenu: рѣшено!» сказалъ Князь, и они вышли изъ рестораціи.

Было около шести часовъ. Еремьевъ

выпилъ три стакана холодной воды, посмотрѣвъ кругомъ и побрѣлъ домой, ворча про себя: — «Нѣтъ, изъ этого Князя не будетъ ничего путнаго. Въ другой разъ онъ не заманитъ меня въ эту Французскую харчевню. Лучше кусокъ чернаго хлѣба съ квасомъ, въ бесѣдѣ челоуѣка съ душою, чѣмъ всѣ заморскія сласти съ этими модниками, которые сами не что иное, какъ паштеты, начиненные глупостью, чванствомъ, малодушіемъ и развратомъ. Жалкія Французскія обезьяны! Постой! Дай мнѣ только кончить эту проклятую тяжбу, пристроить сиротъ, и вступить снова въ службу! Отплачу я вамъ! Ужъ попадется мнѣ въ лапы какой нибудь изъ этихъ фертиковъ! Я сдѣлаю его шелковымъ! Жаль, любезный Князекъ, что я не зналъ въ полку, что у тебя вмѣсто сердца трюфель!.... Я бы не сталъ просить за тебя.....» —

Сердцась и браня такимъ образомъ Князя за его холодность къ судьбѣ его друга, Еремѣевъ взошелъ на лѣстницу, ведущую въ четвертый этажъ, гдѣ находилась квар-

тира Квартальнаго Надзирателя. Старая служанка, умѣвшая сохранить въ пріемахъ и обращеніи слѣды минувшаго добраго быту ея господъ, отворила двери. Лице ея было угрюмо и печально. — «Что, каково здоровье Марѣы Матвѣевны?» спросилъ Еремѣевъ, предугадывая что-то непріятное.

— «Барыня все по прежнему,» отвѣчала служанка. «Но съ молодымъ баринномъ случилось несчастье.....»

— «Что такое, говори скорѣе: гдѣ онъ? что съ нимъ?» спросилъ поспѣшно, почти скороговоркою, добрый Еремѣевъ.

— «Онъ подъ арестомъ.»

— «Вѣрно въ первый разъ въ жизни! У пастъ, мать моя, въ полку бывало держи ухо востро... то и знай, что провалишься на гаубахту; спуску никому не было, однакожь Алексѣй Петровичъ ни разу не былъ подъ арестомъ..... Ужъ вѣрно за чужую вину!»

— «Не знаемъ, батюшка, за что.»

— «Вотъ я проведу!» съ нимъ словомъ Еремѣевъ уже былъ на лѣстницѣ.

— « Подождите, Иванъ Петровичъ! » закричала кухарка въ слѣдъ. « Барыня просила, чтобъ вы повидались съ нею, когда придете. Алексѣй Петровичъ прислалъ вамъ записку. » —

Еремьевъ воротился и началъ шагать чрезъ двѣ и три ступени. Сбросивъ съ себя шинель въ кухню, которая служила вмѣстѣ и передней — онъ очутился у постели больной.

=

Г Л А В А III.

—

Семейныя дѣла.

Мать Квартальнаго Надзирателя, Марѳа Матвѣевна Спиридонова, имѣла около 45 лѣтъ отъ роду. Бѣдствія и недуги не могли изгнать съ лица ея слѣдовъ прежней красоты. Образованный умъ ея, кротость, твер-

дость въ несчастяхъ и терпѣнье въ тѣлесныхъ страданіяхъ удивляли и привлекали къ ней добраго Еремьева, который любилъ ее и уважалъ, какъ родную мать.

— « Сядьте ко мнѣ, Иванъ Петровичъ, да потолкуемъ-ка, » сказала она Еремьеву, который отъ потерѣннѣя топазь ногами, сжималъ кулаки, ерошилъ волосы и все поглядывалъ на двери.

— « Мнѣ бы хотѣлось повидаться съ Алексѣемъ Петровичемъ..... Узнать, что такое..... »

— « Присядьте, теперь не пора идти къ нему. Ему будетъ пріятно, когда вы навѣстите его тогда, какъ онъ останется одинъ. Теперь время рапорта..... »

— « Мнѣ бы хотѣлось узнать поскорѣе, что такое случилось! » сказалъ Еремьевъ, который прежде не рѣшался обременять больную распросами, предполагая, что воспоминаніе о несчастіи сына можетъ огорчить мать. Еремьевъ, не учился приличіямъ и не зналъ, что такое *délicatesse de sentiments* (нежность чувствованій), но дѣйстви-

валь по внушению сердца, въ которомъ природа положила огромный запасъ нѣжности. Марѳа Матвѣевна поняла простодушнаго воина, и успокоила его улыбкою.

— «Не бойтесь!» сказала она: «бѣды ни какой нѣтъ. Это просто капризъ нашего Пристава. Сынъ мой ни въ чемъ не провинился.»

— «Но какъ Приставъ смѣетъ?» воскликнула Еремѣевъ, вскочивъ со стула.

— «Вы старый служивый и должны знать лучше меня, что такое субординація. Со старшими не надобно спорить. Глѣвъ его пройдетъ, и онъ самъ почувствуетъ свою несправедливость.» Тутъ она рассказала все, что случилось, какъ слышала отъ городского, и заключила замѣчаніемъ: «Правда, что мой Алеша, съ нѣкотораго времени, разсыпалъ, чаще грустить.... Но какъ я подумаю о нашемъ положеніи, то и не имѣю духу утѣшать его или мучить распросами.....» Большая отерла непримѣтно слезы концемъ рукава.

Еремѣевъ молчалъ, но онъ былъ такъ

сердить, что если бѣ въ эту пору паткнулся на Частнаго Пристава, то вышла бы плохая шутка. Отъ этого - то именно мать Надзирателя и старалась удержать его дома.

— «Вы любите моего Алешу, какъ брата, а я люблю васъ, какъ роднаго сына, но вы до сихъ поръ не знаете исторіи нашей жизни и всей доброты моего Алесѣя. Благо теперь мы одни..... Я вамъ расскажу!.... Вы должны знать насъ покороче.»

Еремѣевъ съ чувствомъ поцѣловалъ руку почтенной женщины и сказалъ, сквозь слезы: — «О, если бѣ я былъ въ состояніи помочь вамъ!»

— «При всей нашей бѣдности, мы выше цѣнимъ истинное участіе въ судьбѣ нашей, нежели презрительную помощь,» возразила Марѳа Матвѣевна. «Было время, что и мы могли помогать несчастнымъ!» примолвила она печально: «Богу угодно было послать намъ тяжкое испытаніе....» Слушайте:

«Я осталась сиротою послѣ родите-

лей и была воспитана богатою теткою въ Москвѣ. Мнѣ было не болѣе 16 лѣтъ отъ роду, когда къ теткѣ моей сталъ ѣздить со- съѣдъся по деревнѣ, Петръ Алексѣевичъ Спиридоновъ. Онъ тогда былъ Капитаномъ въ от- ставкѣ. У него было пять сотъ душъ, безъ долговъ, и потому не мудро, что теткѣ моей хотѣлось выдать за него старшую дочь свою, которая, по несчастію, была не мо- лода, не пригожа и не умна. Петръ Алек- сѣевичъ могъ бы найти въ Москвѣ невѣсту, украшенную всѣми достоинствами; но судь- ба опредѣлила, чтобъ сердце его выбрало меня, бѣдную сироту. Онъ былъ уменъ, добръ, скромнъ, и я полюбила его прежде, нежели знала, какое чувство къ нему питаю. Если хотите имѣть понятіе объ его наруж- ности, взгляните на моего сына. Это живой портретъ отца. . . . Но это дѣло посторон- нее.

«Тетка не могла противиться нашему браку, и волею, неволею благословила меня. Обвѣнчавшись, мы уѣхали въ деревню. Чрезъ годъ я родила Алешу, и мы жили въ дерев-

нѣ до десятилѣтняго его возраста, а потомъ отправились на житье въ Москву. Расходы наши въ деревнѣ были не велики, хозяйство хорошее, и мы скопили столько денегъ въ двѣнадцать лѣтъ, что могли воспитывать сы- на дома, не отдавая его ни въ какое заведе- ніе. Онъ былъ у насъ одинъ; мы не имѣли твердости разстаться съ нимъ!

«Старанія наши не были напрасны. Алеша превзошелъ наши надежды и ожи- данія учителей. Онъ дѣлалъ быстрые успѣ- хи въ наукахъ и удивлялъ всѣхъ своею понятливостью. Онъ прослылъ *маленькимъ ученымъ*. . . .»

«А мы этого вовсе не замѣтили въ N N. пѣхотномъ полку!» воскликнулъ Еремѣ- евъ.

Марѳа Матѣевна невольно улыбнулась и продолжала: «Мы жили весьма тихо и скромно. Тетушка гнѣвалась на меня; у му- жа моего вовсе не было родни въ Москвѣ, и насъ навѣщали только нѣсколько старыхъ сослуживцевъ Петра Алексѣевича. Между ними одинъ болѣе прочихъ былъ дорогъ мо-

ему мужу, а именно отставный Майоръ Федоръ Ивановичъ Ландышевъ, человекъ умный, любезный, краснорѣчивый, пламенный, дѣятельный. Покойный Петръ Алексѣевичъ спасъ ему жизнь въ сраженіи и выручилъ несколько разъ изъ бѣды, которыя онъ навлекъ на себя своею пылкостью. Правъ моего мужа составляла противоположность съ характеромъ Ландышева, но они были дружны, какъ братья. Ландышевъ былъ, какъ говорится, прожекторъ. Онъ безпрестанно хлопоталъ; то вступалъ въ подряды, то покупалъ имѣнья, чтобъ продавать съ барышемъ, то торговалъ хлѣбомъ, скотомъ, виномъ, то пускался въ изобрѣтенія машинъ, устраивалъ заводы и фабрики, однимъ словомъ, непрерывно дѣйствовалъ, оборачивалъ своими и чужими капиталами, иногда терялъ, чаще получалъ большія выгоды, и пользовался большимъ кредитомъ, ибо вель дѣла честно. Мужу моему не нравилась эта вѣчная игра, и онъ часто спорилъ съ Ландышевымъ, убѣждая его ограничиться чѣмънибудь однимъ и не слишкомъ ввѣряться сча-

стью. Но любовь къ сыну и желанье доставить ему блистательное состояніе ослѣпили наконецъ моего мужа, а примѣръ Ландышева и краснорѣчіе его увлекли Петра Алексѣевича попробовать счастья въ оборотахъ. Безъ моего вѣдома, онъ далъ Ландышеву полную и неограниченную довѣренность на распоряженіе своимъ имѣніемъ, при отъѣздѣ его въ Петербургъ, гдѣ онъ взялъ на себя огромные подряды. Три года Ландышевъ дѣлился съ мужемъ монимъ барышамъ, которые были весьма значительны; но въ началѣ четвертаго года вдругъ полученъ указъ описать все наше имѣнье и продать съ публичнаго торга, за неустойку въ подрядахъ и неуплату долговъ Ландышева. Противу довѣренности спорить было нельзя, и мы вдругъ лишились пяти сотъ душъ. Ландышевъ пропалъ безъ вѣсти, и тогда же разнеслись слухи, что онъ лишилъ себя жизни.—

«У насъ было еще около ста тысячъ наличныхъ денегъ. Мужъ мой, желая вознаградить потерянное, пустился снова въ обороты и ввѣрилъ капиталъ свой купцамъ. Но

несчастіе преслѣдовало насъ. Два банкротства лишили насъ послѣдняго имущества и всей надежды.

«Мужъ мой вступилъ въ гражданскую службу и отправился на границу, для наблюденія за карантинными. Я осталась съ сыномъ въ Москвѣ. Черезъ полгода я получила извѣстіе, что мужъ мой умеръ отъ чумы.

«Возвратившійся въ Москву чиновникъ, служившій подъ начальствомъ моего мужа, рассказалъ мнѣ ужасныя подробности объ его смерти. Въ чумномъ госпиталѣ, мужъ мой напелъ Лацдышева, возвращавшагося изъ за границы. Свиданіе двухъ друзей было горестное. Лацдышевъ былъ при послѣднемъ издыханіи, и уже борясь со смертію, просилъ прощенія у моего мужа; сказалъ ему, что онъ возвратился въ Россію съ богатствомъ, съ тѣмъ, чтобъ вознаградить вполне нашу потерю. Несчастный успѣлъ сдѣлать духовное завѣщаніе. Мужъ мой умеръ прежде друга своего нѣсколькими часами. Чиновникъ въ этотъ же день долженъ былъ оставить карантинъ, и не зналъ, что стало съ его

бумагами; онъ слыхалъ, что для пресѣченія сильно распространявшейся чумы приказано было жечь всѣ вещи, удерживающія въ себѣ ядъ, и предполагалъ, что вѣроятно и бумаги по неосторожности сожжены съ какииъ нибудь старымъ платьемъ. Наличныхъ денегъ послѣ Лацдышева осталось весьма мало, а въ чемъ состояло его богатство, гдѣ оно хранится, все это покрыто тайною. Всѣ мои розыски на этотъ счетъ остались безуспѣшными.

«Между тѣмъ ницета угнетала меня. Тетка и кузины не хотѣли даже слышать обо мнѣ, и мы съ сыномъ жили нашими трудами. Ему уже было 16 лѣтъ отъ роду. Я шила, вышивала, вязала чулки; онъ переписывалъ ноты, бумаги, обучалъ грамотѣ бѣдныхъ дѣтей, и мы кос-какъ питались. Но я чувствовала, что сынъ мой не можетъ оставаться въ такомъ положеніи, и сама стала совѣтовать ему вступить въ службу. Онъ давно желалъ этого, но не смѣлъ сказать мнѣ, опасаясь оставить меня безъ помощи. Я разрѣшила всѣ его сомнѣнія. Дворянская

кровь въ немъ закипѣла, и онъ предпочелъ военную службу и опредѣлился въ вашъ полкъ. Вы знаете, какъ онъ велъ себя....»

— «Даю честное слово, что онъ былъ примѣрный офицеръ по службѣ и по поведенію. Никто лучше его не зналъ солдатской выправки, и самъ Полковой Командиръ, который былъ мастеръ своего дѣла, сознавался, что никто лучше Алексѣя Петровича не умѣлъ пригнать ранцевъ и обучить рекрута. Мы хотѣли отправить его въ Учебный полкъ, откуда онъ могъ попасть въ Гвардію.... если бѣ онъ не вышелъ въ отставку!....»

— «Онъ пожертвовалъ всѣмъ для меня, для бѣдной и увѣчной своей матери!» сказала Марѳа Матвѣевна сквозь слезы. «Лишь только онъ былъ произведенъ въ офицеры, то сталъ дѣлиться со мной своимъ жалованьемъ, отказывая себѣ въ первыхъ потребностяхъ жизни. Напрасно просила я его употреблять жалованье на собственные расходы. Онъ только въ этомъ не слушалъ меня. Онъ жилъ однимъ пайкомъ, получа-

емымъ на деньщика, и не выходилъ никуда съ квартиры, кромѣ по службѣ, чтобъ сберечь мундирь. Все это узнала я отъ бывшаго при немъ въ полку прежняго дядьки его, Мирона, брата моей вѣрной Анны... Мой Алеша, выросшій въ довольствѣ и даже въ роскоши, нѣсколько лѣтъ питался однимъ чернымъ хлѣбомъ и солдатской кашней, чтобъ доставить пропитаніе матери, и никто не слышалъ, чтобы онъ когданибудь ропталъ!..... Скажите, много ли такихъ дѣтей!»

— «Богъ наградить его!» примолвилъ Еремѣевъ: «Удивительно однакожъ, что мы въ полку не замѣтили его крайней нужды. Онъ всегда былъ чисто одѣтъ, не оставался ни кому должнымъ, и отказывался отъ званныхъ обѣдовъ...»

— «Отказывался для того, чтобъ не приучать себя къ лучшей нищѣ, и чтобъ не чувствовать сильнѣе своей бѣдности. Такъ онъ говорилъ своему дядькѣ, который совѣтовалъ ему полакомиться чужимъ обѣдомъ. Я никогда не могла заставить сына моего

сознаться въ этомъ. Когда я пытаюсь заговорить объ его полковой жизни, онъ только цѣлуетъ мои руки и говоритъ: «не вспоминайте, маминька; мнѣ было очень хорошо, только грустно безъ васъ!»

— «Господи, услыши молитву мою!» сказалъ Еремѣевъ, крестясь и бормоча что-то про себя.

— «Наконецъ когда Алеша узналъ, что я, переѣхавъ въ Петербургъ, гдѣ надѣялась найти родныхъ, лишилась употребленія ногъ отъ паралича, онъ вышелъ въ отставку, чтобъ самому ухаживать за мной... Вы видите, какъ онъ обходится со мной, какъ старается угождать мнѣ, какъ заботится о моемъ здоровьи, о моихъ нуждахъ...» Марья Матвѣевна залилась слезами.

— «Писано есть: чти отца твоего и матерь твою, да благо ти будетъ и долголетенъ будешь на земли,» примолвилъ Еремѣевъ: «сынъ вашъ еще молодъ и будущая судьба его въ десницѣ Божіей.»

— «И вотъ какъ поступаютъ съ нимъ!» сказала мать, закрывъ платкомъ глаза.

Нѣсколько времени продолжалось молчаніе.

— «Ступайте къ нему, Иванъ Петровичъ! Утѣшите его, но, ради Бога, не навлекайте на него гнѣва начальника. Дайте мнѣ слово, что если вы встретитесь съ Частнымъ Приставомъ, то не станете упрекать его, не станете съ нимъ ссориться...»

— «Нечего дѣлать, даю вамъ слово.... а признаюсь, мнѣ бы хотѣлось высказать ему правду-матку... Но когда вы не великте, буду молчать—какъ ружье въ сошкѣ!»—

Еремѣевъ поцѣловалъ руку Марьи Матвѣевны и вышелъ изъ комнаты.

=

Г Л А В А IV.

—

Иной какъ зетьрь, а добръ!

Одна изъ важнѣйшихъ выгодъ гражданской службы въ столицѣ (разумѣется, исклю-

чая такъ называемыхъ *теплыхъ листовекъ*) есть казенная квартира. Есть квартиры на съезжихъ дворахъ, меблированныя не только великолѣпно, а даже съ отличнымъ вкусомъ; но квартира Сидора Аввакумовича была убрана весьма просто, и содержалась, по возможности, въ чистотѣ. Было около семи часовъ вечера. Самоваръ кипѣлъ на столѣ, вокругъ котораго помѣщалось семейство Частнаго Пристава: почтенная его супруга, женщина лѣтъ пятидесяти, сухощавая и блѣдная; три дюжихъ, здоровыя, полныя и румяныя дочери, изъ коихъ старшей было двадцать пять, а младшей шестнадцать лѣтъ; потомъ три сына, старшій четырнадцати, средній двѣнадцати, а младшій восьми лѣтъ. Старшая дочь наливала чай, а прочія дѣти кушали сухари съ величайшимъ апетитомъ, и молчали, оглядываясь на отца, который сидѣлъ возлѣ столика подѣ зеркаломъ, курилъ трубку, прихлебывая чай изъ стакана, и въ промежутки между куреньемъ и питьемъ чая, насвистывалъ *переправу*, которую перенялъ у пріятеля своего, полковаго штабъ-труба-

ча. — Это была одна только иностранная музыка, которую Сидоръ Аввакумовичъ цѣнилъ почти столько же, какъ и любимую свою пѣсню: *Ивушка*. Дѣти и взрослые члены семейства отпили чай и удалились въ другія комнаты, а въ залѣ остались только отецъ семейства и почтенная его половина.

— «Я не мѣшаюсь въ твои дѣла, Сидоръ Аввакумовичъ» сказала тонкимъ дребезжающимъ голосомъ его супруга: «однако жъ позволю сказать тебѣ, что ты, право, напрасно обижаешь бѣднаго Спиридонова!»

Частный Приставъ не любилъ объясняться съ женою по дѣламъ, и не могъ терпѣть ея совѣтовъ. Чтобъ отдѣлаться отъ привязчиваго ея участія, во всемъ до него касающемся, а до нея не касающемся, Сидоръ Аввакумовичъ обыкновенно напоминалъ ей должную субординацію пословицами или изреченіями изъ *Суворовской тактики*, единственнаго сочиненія, которое онъ читалъ съ удовольствіемъ разъ тысячу, и почти зналъ наизусть. Но почтенная Аграфена Семеновна, зная добрую душу своего мужа и

вспыльчивый его нравъ, умѣла пользоваться его добрыми качествами, выдерживала первую грозу, и всегда ставила на своемъ, когда успѣвала повести дѣло такимъ образомъ, что Сидоръ Аввакумовичъ, соглашался съ нею, думалъ, что поступаетъ по собственному убѣжденію, ибо ему важно было только то, чтобъ не казаться состоящимъ подъ командою жены. Когда Аграфена Семеновна напоминала ему объ арестѣ Квартальнаго Надзирателя, Частный Приставъ не отвѣчалъ ни слова, а только сильнѣе просвистѣлъ *перепрау*, и радъ былъ бы встать съ мѣста, но долженъ былъ остаться, потому, что пятый стаканъ чаю былъ еще не конченъ.

— «Право совѣстно обижать добраго и смирнаго человека,» примолвила Аграфена Семеновна, понохавъ табачку и смотря въ землю.

— *«Пулл дура, штыкъ молодецъ!»* сказалъ въ отвѣтъ Частный Приставъ.

— «У тебя все одно и то же!» возразила жена. «А если бъ ты обходился повѣжливѣе съ молодыми офицерами, то наша

Куля не сидѣла бы до сихъ поръ въ дѣвкахъ. Чѣмъ не женихъ былъ въ полку Прапорщикъ Перепеченко? Дворянинъ, помѣщикъ, малой добрый, здоровякъ!....»

— «Лыбный хохоль, прожора, которому нравились твои пироги, а не наша Кулька,» возразилъ Частный Приставъ.

— «Говори теперъ, что хочешь, а если бъ ты не сажалъ его подъ арестъ и не гонялъ на конюшню, то наша Куля была бы теперъ Прапорщикъ Перепеченкова, дворянка, помѣщица, и жила бы да поживала на хуторъ, въ хлѣбородной Украйнѣ.... Ужъ мнѣ твоя служба!....»

— *«Дѣло мастера боится, а у крестьянина, не улыющаго владѣть сохотою, и хлѣбъ не родится!»* отвѣчалъ хладнокровно Частный Приставъ.

— «Не великъ урожай и у тебя, господинъ мастеръ! Дѣтymi Господь благословилъ, а какъ подумасшь, съ чѣмъ ихъ пустить по свѣту, такъ умъ за разумъ заходить!»

— *«За Богомъ молитеа, а за Ца-*

рель служба не пропадетъ!» сказалъ Частный Приставъ. «Дочки пойдутъ замужъ, сыновья вступать въ службу, а мы съ тобой будемъ, на старости, въ казенный паекъ, да молиться Богу за Православнаго Царя, пока смерть не протрубитъ ретирату.»

— «Легко сказать: дочки пойдутъ замужъ!»

— «*Суженаго попель не объѣдешь!*» возразилъ Частный Приставъ.

— «Твоя буйная головушка разгоняетъ суженыхъ, какъ волкъ овецъ. . . .»

— «*Голова хвоста не ждетъ!*» сказалъ Частный Приставъ, не думая, кстати или не кстати приводить онъ изреченія изъ Суворовской тактики и пословицы.

— «Съ тобою не сговорить!»

— «Такъ лучше замолчать.»

— «Но если бъ мы приласкали Спиридонова, то онъ былъ бы прекрасный женихъ для нашей Кульки. Хотя не богатъ, но дворянинъ, воспитанъ, скромнъ и тихъ. . .»

— «То есть, нюня, мямля, хрипунъ, * франтъ!» сказалъ Частный Приставъ. «Что мнѣ это за Квартальный офицеръ, который не имѣетъ духу наказать дворника, не умѣетъ прикрикнуть порядкомъ на кучера, и котораго не боится ни одинъ лавочникъ, ни одинъ цѣловальникъ въ цѣломъ кварталѣ? Что мнѣ это за воспитаніе! Служишь, такъ держи ухо востро, и гляди козыремъ, чтобъ какъ мигнулъ глазомъ, такъ у виноватаго мурашки пробѣжали бы по кожѣ! — Охота отыскивать хворыхъ и колѣкъ по захоlustьямъ, такъ ступай въ фельдшера, а коли любитсѣ собирать милостыню на убогихъ, маршь въ монастырь! Твой Спиридоновъ суцая баба! — Да ужъ я добьюсь, кой чортъ заставляеть его караулить подъ окнами одного дома, три недѣли сряду! Какъ ни поѣду по части — онъ все на одномъ и томъ же мѣстѣ. Нѣтъ ли тутъ какихъ

* Было время, что въ Арміи называли хрипунами тѣхъ изъ молодыхъ офицеровъ, которые говорили между собою по-французски, любили общества и щегольство. Это почти то же, что сансаронъ.

шашней, *саперментъ!* Вѣдь за все я отвѣтчикъ !....»

— «Перестань, Сидоръ Аввакумовичъ, перестань! Какъ можно за то сердиться на офицера, что ты застаешь его часто на одномъ и томъ же мѣстѣ? Случайность — и только!»

Сидоръ Аввакумовичъ задумался, а жена его продолжала:

— «Дѣло въ томъ, что ты сегодня былъ не въ духѣ, получивъ выговоръ за этого Князя, который жаловался что ты нагрубилъ ему.... а кончилось тѣмъ, что ты выместилъ на Спиридоновѣ, который былъ такъ несчастенъ, что попался тебѣ въ минуту твоего гнѣва.»

Аграфена Семеновна попала въ цѣль. Добрый Сидоръ Аввакумовичъ почувствовалъ, что жена его говорить правду, и чтобъ отвести душу, принялся бранить Князя, за котораго получилъ выговоръ.

«Пусть онъ сто разъ жалуется и пусть меня сто разъ арестуютъ, выгонять изъ

службы, но я не спущу этому Князю ни на волосъ, *саперментъ*, и какъ только люди его опять станутъ играть въ карты и буянить въ трактирахъ, то опять велю всѣхъ тащить на съѣзжую и перепоротъ порядкомъ. Я знаю законъ — и только, *саперментъ!*»

— «А Спиридоновъ чѣмъ же виноватъ? Твоя воля и твой разумъ. Мое дѣло женское, и ты знаешь лучше меня, что должно дѣлать.»

Этими словами Аграфена Семеновна, какъ говорится, доконала своего мужа. Не видя ни упрямства, ни настойчивости со стороны жены, онъ рѣшился исправить тотчасъ свою ошибку.

— «Вина Спиридонова конечно не велика, но все таки не надобно ему глазѣть на улицахъ и не должно стоять спиною къ рабочимъ.... не надобно....» Сидоръ Аввакумовичъ не кончилъ рѣчи, всталъ со стула, и курнувъ раза три сильнѣе обыкновеннаго, сказалъ: «Поди-ка, Груня, да приготовь стаканчикъ чаю, вѣрно горячая вода есть еще на кухнѣ!» Жена вышла, а Частный При-

ставъ, отворивъ дверь въ Канцелярію, закричалъ: «Алексій Петровичъ Спиридоновъ! Пожалуй-ка сюда!»

Квартальный Надзиратель подошелъ къ дверямъ.

— «Войди, братецъ, да сядь!» сказалъ Частный Приставъ, ввелъ за руку Надзирателя въ свои комнаты, посадилъ его на стуль, а самъ сѣлъ на софѣ, возлѣ столика.

— «Дружба дружбой, а служба службой, братецъ, Алексій Петровичъ; арестъ твой кончился. Кто старое вспомянетъ тому глазъ вонъ!» Частный Приставъ употреблялъ мѣстоиміе *ты* съ подчиненными въ такомъ только случаѣ, когда благоволилъ къ нимъ. Браня ихъ самымъ жестокимъ образомъ, и даже забываясь, онъ говорилъ всегда: *вы* и *сударь*. Квартальный Надзиратель, замѣтивъ его благорасположеніе къ себѣ, зная притомъ доброе его сердце, и видя, что онъ чувствуетъ свою несправедливость, не хотѣлъ огорчать его объясненіями. Онъ склонилъ только голову и отвѣчалъ:

— «У меня только на добро хорошая память, и я никогда не забуду, что вы доставили матушкѣ моей искуснаго и добраго врача, и выхлопотали безденежный отпускъ лекарства изъ аптеки....»

— «И, полно объ этомъ! Терпѣть не могу, когда мнѣ припоминаютъ пустяки... Это долгъ нашъ!»

— «А мой долгъ быть благодарнымъ,» примолвилъ Квартальный Надзиратель.

Частный Приставъ смягчился. — «Послушай, любезный Алексій Петровичъ!» сказалъ онъ такъ нѣжно, какъ только могъ: «Я люблю тебя и уважаю. Ты малой честный, трезвый, и, нельзя сказать, чтобъ былъ неисправный.... Но въ нашей службѣ нельзя быть бѣлоручкой, нѣженкой.... надобно быть твердымъ, иногда даже непреклоннымъ, какъ писанный законъ, потому, что мы не судимъ, а только исполняемъ предписанное, и всего чаще имѣемъ дѣло съ людьми, которые хотятъ проскользнуть между закономъ и состраданіемъ. Ты пони-

маешь меня, Алексѣй Петровичъ! Не па-
добно пѣзжиться, падобно быть построже.....»

— «Твердости во мнѣ довольно, Си-
доръ Аввакумовичъ! Я пріобрѣлъ ее въ
борьбѣ съ несчастіемъ. Но, сознаюсь от-
кровенно, что не люблю быть при наказа-
ніяхъ, при допросахъ, при дракахъ, не лю-
блю быть кучеровъ, дворниковъ..... Это
мнѣ противно.....»

Частный Приставъ пожалъ плечами,
покачалъ головою и сказалъ: — «Развѣ ты
думаешь, что мнѣ пріятно смотреть всегда
медвѣдемъ, кричать, бранить, ссориться?....
Но что же дѣлать! Взаясь за гужъ, не гово-
ри, что не дюжъ. Ты безпрестанно смо-
тришь въ книгу, а вѣрно не знаешь, что
такое чернь. Это звѣрь, братецъ, которому
не клади пальца въ зубы! Я прошелъ отъ
Торнео до Парижа. Все одно и то же! Эти
кургузые *мусси* еще хуже нашихъ фабрич-
ныхъ и дворни. Только попусти возки, такъ
забрыкали, да и понесли! Вотъ Бонапартъ,
дай Богъ за то ему здоровье, былъ славный

Полиціймейстеръ и умѣлъ держать своихъ
муссовъ въ ежовыхъ рукавицахъ. Главное дѣ-
ло въ томъ, чтобъ быть справедливымъ и не
прижимистымъ, а съ нѣжностью не должно
выказываться, сохрани Богъ! Тотчасъ про-
слывешь дуракомъ, да и не-хотя попадешь
въ дураки. Я тебѣ скажу по совѣсти, что
ты не созданъ для Полиции, и я хочу поду-
мать, какъ бы тебѣ доставить другое мѣстеч-
ко. Моему тестю такой человекъ, какъ ты,
будетъ кладъ! Тамъ ты будешь мѣрить муку,
да воевать съ жагазейными крысами... Если
хочешь, я постараюсь.....»

— «Я буду вамъ очень благодаренъ;
мнѣ только бы имѣть уголь и кусокъ хлѣба
для моей больной матери, а я не боюсь ни
какой работы.»

Въ это время Аграфена Семеновна вне-
сла чай. Квартальный Надзиратель выпилъ
чашку чаю, поцѣловалъ руку Аграфены Се-
меновны, и вышелъ. Еремѣевъ ждалъ его въ
передней.

— «Я свободенъ!» сказалъ Надзира-
тель.

Еремьевъ бросился обнимать его и воскликнулъ: — «Пойдемъ, обрадуемъ твою матушку.»

Они пошли на квартиру. Было девять часовъ.

=

Г Л А В А V.

—

Сердечная тайна.

Обрадовавъ мать своимъ освобожденіемъ изъ подъ ареста, Квартальный Надзиратель пошелъ во Французскій театръ, чтобъ быть при разъѣздѣ. Еремьевъ взялся проводить его и вышелъ за ворота, сказалъ: — «Вѣдь сегодня не твоя очередь, братецъ, быть въ театрѣ. Писесу смотреть поздно; такъ, по моему, лучше было бы, если бы ты остался при матушкѣ. При ней я не хотѣлъ говорить тебѣ объ этомъ, но, по долгу дружбы, долженъ замѣтить, что матушка твоя чрезвычайно беспокоится, примѣ-

чая, что ты съ каждымъ днемъ становишься грустнѣе, задумчивѣе, и какъ будто избѣгаешь ея присутствія. Бѣдная думаетъ, что она тебѣ въ тягость....»

— «Можетъ ли она думать это!» воскликнулъ жалобно Надзиратель. «Тысячу разъ готовъ я жертвовать жизнью для ея спокойствія..... Но, правда,» примолвилъ онъ, понизивъ голосъ: «она имѣеть причину на меня жаловаться.... Чувствую, что я самъ не свой.... Другъ мой! я долженъ открыться передъ тобою..... Я влюбленъ, и влюбленъ..... безъ надежды!»—

Еремьевъ не отвѣчалъ ни слова, но такъ наморщился, что вѣрно удержалъ бы откровенность своего друга, если бы онъ могъ это замѣтить. По счастью было довольно темно на улицѣ.

— «Пойдемъ, я тебѣ расскажу дорогою исторію моей несчастной любви.»

Они взялись подъ руки, и Надзиратель началъ свой рассказъ. — «Прошлой зимой я былъ командированъ къ подъѣзду дома, въ которомъ былъ балъ. Душа моя томилась

въ атмосферѣ передней, какъ птичка подъ колоколомъ, въ безвоздушномъ пространствѣ. Горестныя мысли сжимали, кололи мой мозгъ. Благородная гордость и чувство собственнаго достоинства уязвляли мое сердце. Я видѣлъ большую часть гостей, какъ они выходили изъ экипажей и проходили чрезъ переднюю. Многихъ зналъ я лично, большую часть по наслышкѣ. Я чувствовалъ свое превосходство предъ многими изъ этихъ истощенныхъ пороками или раздутыхъ развратомъ молодыхъ людей, этихъ бездушныхъ тѣлъ, мумій, драгоценныхъ въ свѣтъ только своею древностью и папирусомъ, въ который они обернуты. Я чувствовалъ — и страдалъ! Страдалъ жестоко, потому, что долженъ былъ молчать. Наконецъ и тѣло мое изнемогло, какъ душа. Я едва держался на ногахъ. Дворецкій, проходя чрезъ переднюю, замѣтилъ мою блѣдность и изнеможеніе. Онъ предложилъ мнѣ подкрѣпиться чѣмъ нибудь, и провелъ въ буфетъ. Выпивъ стаканъ вина, я освѣжился нѣсколько и подошелъ къ стекляннымъ две-

рямъ, ведущимъ въ залу. Блистательная картина бала постепенно развивалась передо мною, и улаждала во мнѣ чувство иззяцнаго. Убранство комнатъ, наряды женщинъ, блескъ и пестрота, легкое, размѣренное (*cadencée*) движеніе группъ, производили во мнѣ самое пріятное впечатлѣніе. Я искалъ, выбиралъ себѣ глазами мѣсто въ этомъ очаровательномъ кругу, разсматривалъ всѣхъ женщинъ и не находилъ той, которой бы я подалъ руку..... Вдругъ мелькнула передо мной пара..... и остановилась близъ стеклянныхъ дверей. Танцовали *погурри*. Кавалеръ подалъ дамѣ стулъ. Она сѣла и обогрота лицомъ къ дверямъ. Мнѣ показалось, что передо мною разверзлись небеса!.... Я смотрѣлъ, смотрѣлъ, не могъ насмотрѣться, и когда кавалеръ увлекъ даму въ быстрый вальсъ, душа моя полетѣла за него, и уже не возвращалась ко мнѣ... Она осталась тамъ, во взорахъ красавицы, на устахъ ея, она стала увиваться возлѣ сердца ея..... и я былъ мертвъ..... безъ мыслей и безъ чувствованій, потому, что всѣ мои помы-

слы, всё ощущенія прикованы были къ ней одной.....» Надзиратель замолчалъ, и, пройдя шаговъ пятьдесятъ въ безмолвіи, продолжалъ рассказъ.

— «Я узналъ, гдѣ она живетъ, кто она. Судьба не дала ей въ удѣлъ богатства. Она сирота, но воспитана въ знатномъ домѣ, окружена блескомъ, и я не могу надѣяться, чтобъ когда нибудь могъ приблизиться къ ней, обратить на себя взоръ ея, услышать ея слово. — Одна отрада — видѣть ее! Я могу видѣть ее только въ окно, у подъезда, на прогулкахъ и въ театрѣ. Подъ видомъ надзора за чистотою тротуаровъ и выметаніемъ улицы, я могу нѣсколько часовъ быть передъ ея окнами, и почти ежедневно ее вижу. Мнѣ извѣстны всѣ дома, всѣ магазины, которые она посѣщаетъ, чаши, въ которые она прогуливается; и я не пропускаю ни одного случая видѣть ее..... Вотъ чистосердечное признаніе моего нерадѣнія къ службѣ и частыхъ отлучекъ изъ дому! Но могу ли я сказать объ этомъ моей матушкѣ, не подвергаясь справедливымъ

упрекамъ въ безразсудности? Я чувствую вполне всю вину мою, все заблужденіе мое, всю несообразность моего поведенія... и не могу преодолѣть себя..... Любовь сильнѣе меня!.....»

Надзиратель замолчалъ, и Еремѣевъ собрался съ духомъ, чтобъ сказать что-то, какъ вдругъ изъ-за перекрестка показались пожарныя трубы, скачущія во весь опоръ. Надзиратель взглянулъ на сосѣднюю каланчу. Сигналы были выставлены. «Пожаръ въ нашей части!» воскликнулъ онъ, и побѣжалъ стремглавъ назадъ. Еремѣевъ остался одинъ на улицѣ.

=

Г Л А В А VI.

—

Сиротская участь. Пожаръ.

Князь Максимъ Никитичъ Каверзевъ, для того повѣсы, о которомъ мы уже говорили, слыль, напротивъ того, въ свѣтъ че-

ловѣкомъ порядочнымъ и почтеннымъ, потому, что не только не промоталъ своего наслѣдства, но умножилъ свое богатство службою и различными спекуляціями. Въ свѣтъ не справляются о средствахъ, а судятъ по послѣдствіямъ, и такъ Князь Максимъ Никитичъ былъ уважаемъ, ибо былъ богатъ, въ чинахъ и слылъ дѣловымъ человекомъ. Онъ былъ опекуномъ тридцати вдовъ и сорока семи сиротъ, участвовалъ во всѣхъ почти Коммисіяхъ о частныхъ долгахъ и во множествѣ конкурсовъ, и имѣлъ сильный голосъ въ дѣлахъ промышленныхъ и мануфактурныхъ. До тридцати-лѣтняго своего возраста онъ велъ жизнь не слишкомъ примѣрную, и какъ другіе гоняются за именами Тюрениа или Мальборуга, такъ онъ гонялся за славою Фобласа и Ловеласа. Но женившись на богатой, устарѣвъ и не имѣя времени на любовныя проказы, онъ довольствовался только двумя безсмысленными любовницами, а потому и думалъ, что обратился на путь истиннаго смиренія. Княгиня, жена его, была женщина, какихъ мы встрѣчаемъ каж-

дый день тысячами на улицахъ и въ гостиныхъ. Она жила приличіями и для приличій, свято исполняла всѣ законы общежитія, одѣвалась по модѣ и по лѣтамъ, дѣлала исправно визиты, была пріятною хозяйкою въ домъ, а о прочемъ не заботилась. Мужъ занимался дѣлами, дворецкій домомъ, губернерь и мадамъ дѣтьми, и все шло своимъ порядкомъ, какъ сегодня, такъ и завтра, и такъ далѣе.....

У Князя былъ повѣренный, Филиппъ Андреевичъ Загвоздкинъ, который служилъ при немъ уже больше двадцати лѣтъ. Это былъ, какъ говорится, *приказная строка*, плуть, въ полномъ смыслѣ слова. Природа заклеемила его всѣми знаками отверженія. Онъ былъ и рыжъ, и косъ, и занка, и колченогъ, и горбать, и кривобокъ. Загвоздкинъ поклонялся *златому тельцу*, какъ Израильтяне въ пустынь, и приносилъ сему божеству въ жертву умъ свой, совѣсть, честь ближняго и общее мнѣніе. Онъ былъ усерденъ въ служеніи Князю, потому, что находилъ въ томъ свои выгоды. Хотя Князь Максимъ Ники-

тичь былъ человекъ не глупый и имѣлъ навыкъ въ дѣлахъ, но по множеству ихъ онъ не могъ самъ заниматься письмомъ, да притомъ же плохо зналъ Русскую грамоту, а потому, съ общаго совѣта, писалъ бумаги повѣренный, и онъ же велъ дѣла и счета, подъ руководствомъ Князя, который хотя зналъ, что Загвоздкинъ обманываетъ его при всякомъ случаѣ, но не могъ разстаться съ нимъ, ибо онъ ему былъ необходимъ.

Однажды Князь велѣлъ швейцару скзывать всѣмъ, что его нѣтъ дома, и занялся, въ кабинетѣ, повѣркою счетовъ по конкурсу своего пріятеля, намѣреваясь обчитать его заимодавцевъ. Было около осьми часовъ вечера. Князь кушалъ чай и повертывалъ листы въ толстой тетради, съ карандашемъ въ рукѣ. Камердинеръ доложилъ, что Загвоздкинъ хочетъ поговорить о весьма важномъ дѣлѣ. Князь велѣлъ впустить, и Филиппъ Андреевичъ вползъ, какъ змѣя согнувшись, въ Княжескій кабинетъ.

— «Что скажешь, Филиппъ Андреевичъ?»

— «Есть кое-о чемъ переговорить, Ваше Сіятельство.»

— «Говори!»

— «Присемъ прошу *последней* милости у Вашего Сіятельства, а именно, чтобъ вы соблагОВОМИЛИ выслушать меня терпѣливо, отъ начала до конца....»

— «Это что-то новое!» сказалъ Князь повернувшись въ креслахъ, и смотря съ удивленіемъ на своего повѣреннаго.

— «Все старое,» отвѣчалъ Загвоздкинъ, не то, чтобъ съ улыбкою, не то, чтобъ съ гримасою, а съ какою-то ужимкою, выразившею рѣшительность. — Князь еще болѣе удивился.

— «Говори же скорѣе,» сказалъ онъ съ нетерпѣніемъ.

— «Но если Ваше Сіятельство станете гнѣваться и перебивать рѣчь мою, то изъ этого ничего не будетъ,» примолвилъ повѣренный, поглаживая свой подбородокъ и уставивъ глаза на Князя.

— «Буду слушать; говори!»

— «Вашему Сіятельству, безъ сомнѣ-

нія, памятно, что когда мы лѣтъ за шестнадцать предъ сѣмь объѣзжали карантинны на Турецкой границѣ, въ одномъ изъ нихъ умерло, почти въ одно время, два человека, Русскіе дворяне: одинъ карантинный чиновникъ, а другой отставной военный, возвращавшійся изъ - за границы въ Россію. Они были сперва друзьями, потомъ въ размолвкѣ, и наконецъ сошлись для мировой, на порогѣ могилы. Карантинный чиновникъ, умершій прежде, оставилъ порученіе пещись о бѣдной его семьѣ, котораго, разумется, мы не исполнили, а отставной военный передалъ намъ въ банковыхъ билетахъ шесть сотъ пятьдесятъ тысячъ рублей на ассигнаціи, и малолѣтнюю дочь, а при этомъ и духовное завѣщаніе, въ которомъ опредѣлено отдать пять сотъ тысячъ рублей его дочери, по совершеннолѣтіи, а полтораста тысячъ семейству его друга, карантиннаго чиновника. Сиротку Ваше Сіятельство изволили прирѣчь по-Христіански, воспитали наравнѣ съ дѣтьми, и обходились съ ней, какъ съ родною дочерью. Объ этомъ ни слова! Но о

пяти стахъ тысячахъ рублей, сколько мнѣ известно, не соизволили извѣстить ее, да и мнѣ приказали молчать, подаривъ за сіе двадцать пять тысячъ рублей. Теперь сирота выросла, разцвѣла, и сдѣлалась красавицей, и я смертельно влюбленъ въ нее. Прошу Вашего Сіятельства, соблаговолите выдать за меня вашу воспитанницу, Елисавету Ѳедоровну, съ родительскими пятью стами тысячъ рублей. Проценты же отъ капитала, за шестнадцать лѣтъ, и полтораста тысячъ, также съ процентами, принадлежащіе семьѣ карантиннаго Надзирателя, останутся на вѣчныя времена при Вашемъ Сіятельствѣ. Если вы, Сіятельный Князь, предполагаете, что всему этому дѣлу слѣдъ простыль, то изволите ошибаться: у меня хранится подлинное завѣщаніе отца Елисаветы Ѳедоровны, подписанное свидѣтелями, въ которомъ означены даже нумера банковыхъ билетовъ и время, въ которое внесены деньги. И такъ всякой споръ былъ бы бесполезенъ. Предъявивъ завѣщаніе, при явочномъ прошеніи, и объяснивъ дѣло, я увѣренъ въ успѣхѣ, а за-

снмъ прошу у Вашего Сіятельства благосклоннаго разрѣшенія и продолженія высокихъ милостей къ вѣрному слугѣ.» Сказавъ сіе, Загвоздкинъ низко поклонился, откланялся и, смотря изъ подлобья на Князя, улыбался подъ рукою, глядя свой подбодокъ.

Князь во время этой рѣчи то блѣднѣлъ, то краснѣлъ, морщился, потиралъ лобъ, оглядывался, не подслушивается ли кто, вѣртался на стулѣ, и когда Загвоздкинъ кончилъ рѣчь, вскочилъ съ мѣста и закричалъ: — «Ахъ, ты мошенникъ, злодѣй, разбойникъ, плутъ, воръ!...»

— «Все это такъ!» возразилъ хладнокровно Загвоздкинъ: «но я имѣю отъ Вашего Сіятельства ежегодные аттестаты, свидѣтельствующіе въ моей вѣрной, усердной и безпорочной службѣ, имѣю притомъ подлинное завѣщаніе покойнаго отца Елисаветы Ѳедоровны, а вы не имѣете ни строки къ своему оправданію и къ уличенію меня въ безчестныхъ поступкахъ...» Присемъ Загвоздкинъ снова поклонился Князю.

Князь былъ внѣ себя отъ бѣшенства, по старался заглушить безсильную свою злобу. Онъ выпилъ стаканъ холодной воды и сталъ быстро расхаживать по комнатѣ, сложивъ руки на груди и опутивъ глаза. Наконецъ онъ остановился передъ Загвоздкинымъ, и сказалъ: — «Но какимъ же образомъ ты сохранилъ это духовное завѣщаніе? Вѣдь я изорвалъ его своими руками!»

— «Въ часъ времени я переписалъ его подъ почеркъ покойника, когда вы обѣдали у Генерала. Вы едва успѣли взглянуть на подлинникъ и даже не читали его, когда положили въ свой портфель, отъ котораго у меня были поддѣльные ключи, и потому не различили съ копіей, въ торопяхъ.... Извините, Ваше Сіятельство, дѣло прошлое!...»

— «Скажи, Филиппъ Андреевичъ, честно ли это?» сказалъ Князь, смягчивъ голосъ.

— «Оно такъ - съ! Но, изволите видѣть, Ваше Сіятельство, какъ бы это сказать.... то есть съ позволенія вашего, осмѣливаюсь доложить, что и чужое завѣщаніе

изорвать въ куски, нельзя назвать богоугоднымъ дѣломъ....»

Князь едва могъ удержать гнѣвъ свой и злобу. Онъ сжималъ кулаки, крѣпко стиснулъ зубы, дрожалъ и страшно смотрѣлъ на Загвоздкина.

— «Злодѣй, гнусный предаватель, Иуда, неблагодарный!....» проговорилъ Князь медленно, задыхался отъ гнѣва.

Загвоздкинъ стоялъ неподвижно, и хладнокровно смотрѣлъ въ глаза Князю. — «Оно такъ-съ! Но все пойдетъ къ дѣлу,» отвѣчалъ Загвоздкинъ, съ коварною улыбкой.

— «Ты знаешь, безсовѣстный, что мой племянникъ, сынъ брата моего, влюбленъ смертельно въ Лизаньку, и проситъ меня, чтобъ я выдалъ ее за него. Ты знаешь, что я былъ опекуномъ племянника, и управлялъ его имѣньемъ; что счета еще не кончены и квитанція не получена. Тебѣ известно, что какіе-то злодѣи подучили племянника требовать отъ меня отчетовъ за управленіе имѣньемъ,» (Загвоздкинъ снова погмадилъ подбородокъ и лукаво улыбнулся

подъ рукою): «и что племянникъ общалъ подписать квитанцію не читал, когда я припуку Лизаньку выйди за него замужъ. Ты же самъ поживился порядкомъ въ этой опеку, и знаешь, чему я подвергнусь, если племянникъ сдѣлаетъ дѣло гласнымъ?.... Опомнись, Филиппъ Андреевичъ! Нельзя ли намъ кончить иначе?»

— «Племянникъ Вашего Сіятельства мотъ и негодяй, и не можетъ быть мужемъ Елисаветы Федоровны,» возразилъ Загвоздкинъ. «Дѣло объ опеку берусь я уладить, миролюбно, въ пользу Вашего Сіятельства, ибо молодой Князь имѣетъ ко мнѣ довѣренность и совѣтуется со мною....»

— «Такъ и это твои же козни! Ахъ, окаянный!» сказалъ Князь, покачавъ головою. Мужество оставило его. Онъ чувствовалъ, что находится во власти Загвоздкина, какъ грѣшная душа въ когтяхъ у дьявола. «Но какъ мнѣ уговорить Лизаньку выйти за тебя замужъ?» сказалъ Князь, стараясь улыбнуться. «Вѣдь ты, братецъ, гадокъ, какъ смертный грѣхъ, и если Лизанька

узнаеть, что она имѣеть полмилліона, то плюнетъ на тебя и выйдетъ за любовь молодца!»

— «Она не должна знать, какъ и прежде, что имѣеть полмилліона,» отвѣчала Загвоздкинъ: «соблаговолите сказать ей, что я имѣю около семи сотъ тысячъ рублей и хочу на ней жениться, и что если она не согласится вытти за меня, то вы лишите ея своихъ милостей и сгоните со двора, какъ неблагодарную...»

— «Злодѣй!» сказалъ Князь, и сталъ спова, въ молчаніи, прохаживаться по комнатѣ.

Спустя нѣсколько времени, онъ позвонилъ въ колокольчикъ. Явился камердиреръ. «Позови Лизаньку!» сказалъ Князь и сѣлъ, по прежнему, въ кресла.

Вскорѣ вошла въ кабинетъ сирота, двѣнадцатилѣтняя, прелестная какъ небожительница кисти Рафаэлевой, и со всею откровенностію чистой души, со всею нѣжностію непорочнаго сердца, поцѣловала въ руку того, котораго почитала своимъ благо-

дѣтелемъ, и спросила: «Что прикажете папа?»

Князь былъ важенъ и серьезенъ, онъ велѣлъ ей сѣсть возлѣ себя и сказалъ: — «Въ первый разъ, въ теченіе шестнадцати лѣтъ, долженъ я напомнить тебѣ объ нашихъ отношеніяхъ. Я спасъ тебя отъ заразы и отъ смерти въ чумномъ госпиталѣ, подвергая жизнь свою опасности; воспиталъ тебя, какъ родное дитя, и любилъ всегда наравнѣ съ собственными дѣтьми. — Теперь пришло время устроить будущую судьбу твою. Ты двѣнца умная и съ характеромъ, а потому почувствуешь истину, когда я скажу тебѣ, что ты не должна искать жениха между молодыми вертопрахами или между устарѣлыми развратниками, которыми ты окружена ежедневно. Если хочешь быть счастлива, возьми мужа пожилаго, но умнаго, дѣловаго человѣка. Главное дѣло въ свѣтъ, милая Лизанька, — деньги! — на нихъ можно купить все блага, а все, чего нельзя достать за деньги, есть мечты, сонъ, мыльные пузыри! Я для тебя нашелъ жениха,

моего стараго пріятеля, который имѣть восемь сотъ тысячъ наличными деньгами! Восемь сотъ тысячъ!!! Подумай, Лизанька! считая пять процентовъ, ты будешь имѣть сорокъ тысячъ рублей ежегоднаго дохода, а твой женихъ можетъ достать на биржѣ и десять процентовъ, и ты будешь проживать восемьдесятъ тысячъ рублей! Сколько на эти деньги можно имѣть шалей, шляпокъ, блондовъ!... Мужъ твой ни въ чемъ не откажетъ тебѣ. Онъ смертельно влюбленъ въ тебя, и если не вѣришь, — спроси — онъ скажетъ тебѣ это!» — Князь, кончивъ рѣчь, указалъ на Загвоздкина.

Сирота смотрѣла съ удивленіемъ на Князя, пока онъ говорилъ; но когда онъ указалъ ей на Загвоздкина, она взглянула на него презрительно и громко захохотала.

— «Не смѣйся, Лизанька! Это дѣло весьма важное...» сказалъ Князь.

— «Вы шутите, папа,» возразила Лизанька: «да я лучше выйду замужъ за обезьяну Книгини, чѣмъ за этого урода...»

— «Не изволь, сударыня, шутить,

когда я говорю дѣло!» — сказала Князь грозно. Въ первый разъ въ жизни сирота испытала строгость Князя. Хотя ее не слишкомъ нѣжили въ домѣ, но и не обижали, а обходились съ нею вѣжливо и ласково. Она была поражена тономъ Князя, поблѣднѣла какъ полотно, встала со стула и сказала также важно: — «И такъ вы не шутите, Князь?...»

— «И не думаю шутить! Напротивъ того, прошу и приказываю согласиться выйти замужъ за Загвоздкина, подъ опасеніемъ лишенія моихъ милостей!»

— «При всей благодарности моей за ваше родительское попеченіе о моей юности, я никогда не выйду замужъ, за кого бы то ни было, когда мое сердце и мой разумъ не согласятся въ выборѣ жениха. Какъ мнѣ ни прискорбно лишиться вашихъ милостей, но я не могу и не должна купить ихъ цѣною моей чести....»

Французская пословица твердитъ: «Въ домѣ повѣщеннаго не должно говорить о веревкѣ.» При словѣ *чести* Князь взбѣсился.

«Что ты осмѣливаешься говорить!» воскликнулъ онъ въ гнѣвъ: «Развѣ я предлагаю тебѣ что нибудь *безгестное!* Ты должна цѣловать мои ноги и руки за то, что я выбралъ для тебя богатаго жениха, а ты еще осмѣливаешься вздорить! Негодница, неблагодарная! Или сей часъ согласишься выйти замужъ за Загвоздкина, или вошь изъ моего дома!»

Несчастная сирота, не привыкшая къ такому обхожденію, вскрикнула и упала на полъ безъ чувствъ....

— «Ну, видишь ли, что я все сдѣлалъ, чего ты отъ меня требовалъ?» сказалъ Князь, обращаясь къ Загвоздкину: «Теперь не пеняй на меня! Ты видишь, что не я виноватъ въ отвращеніи ея къ тебѣ... Гей, кто тамъ! Пошлите за дѣвками, помогите!» Князь сталъ звонить изо всей силы.

Загвоздкинъ, который въ это время стоялъ безмолвно какъ истуканъ, и только изъ подлобья поглядывалъ на Лизаньку, отвѣчалъ хладнокровно: — «Ничего, Ваше Сіятельство, это пройдетъ! Была бы ваша

воля, а дѣвку мы уломаемъ!» Сказавъ это, онъ поклонился Князю и вышелъ. Прибѣжали служанки и вынесли безчувственную Лизу. Вдругъ въ домъ раздались крики: «Пожаръ, пожаръ!»

=

Г Л А В А VII.

—

Ай да молодецъ!

Надъ сынными сараями, въ домъ Князя Каверзева, была большая комната, гдѣ горѣлъ неугасимый огонь на очагѣ, строгимыи дѣвами, не Весталками, а просто прачками. Здѣсь съ утра до ночи, и обратно, раскачивались утюги, для глаженія драгоценнаго бѣлья, пеленавшего и красоту и безобразіе. Огонь, чрезъ треснувшую печь, проникъ къ перекладинамъ и зажегъ сѣно. Вдругъ весь дворъ покрылся дымомъ и пламенемъ. Отъ многочисленной дворни Князя

было болѣе помѣхи, нежели пользы. Вся суетились, и никто ничего не дѣлалъ. Прискакали пожарныя трубы, выстроились, и брызнули фонтанами воды, которая, однако жъ, не могла залить распространившагося пожара. Пожарная команда вломилась въ комнаты, необъятыя пламенемъ, и стала спасать мебели и имущество, выкидывая черезъ окна шкафы и зеркала. Между тѣмъ другіе срывали крышу, расторгали связь между перекладинами. Трескъ пламени, стукъ и звукъ падающихъ мебели, крики и вопли, все смѣшивалось въ ревъ сильнаго вѣтра, который дулъ себѣ на просторъ, какъ будто его - то здѣсь и надобно было. Вдругъ въ окнѣ третьяго этажа, надъ тою комнатою, гдѣ начался пожаръ, сквозь пламя, выходя изъ оконъ втораго этажа и уже достигающее третьяго, показалась жепица, выглянула, вскрикнула и скрылась. Вся чувствовали, что несчастная находится на краю гибели, но какъ спасти ее! Надобно устремиться сквозь пламя, по лѣстницѣ, которая вспыхнетъ въ одну минуту. Вдругъ

изъ толпы выбѣгаетъ полицейскій офицеръ. «Ставь лѣстницу!» закричалъ онъ пожарнымъ солдатамъ: «Братцы! дайте мнѣ двакителя и обмочите ихъ сперва въ водѣ,» примолвилъ онъ. Два солдата, сняли съ себя кители, окунули въ чанъ съ водою, и подали офицеру. Онъ сбросилъ съ себя шляпу и шпагу, перекрестился, обернувъ голову мокрымъ китемъ, бросился вверхъ по лѣстницѣ, сквозь пламя и дымъ, и вскочилъ въ окно. Между тѣмъ лѣстницу обхватило огнемъ, и она запылала. «Пропалъ, погибъ!» закричали въ толпѣ любопытныхъ. «Нѣтъ не пропалъ!» воскликнулъ Брантмейстеръ: «казенное ни въ огнѣ не горитъ, ни въ водѣ не тонетъ! Подавай парусину!» — Подъ окномъ растянули парусину. Полицейскій офицеръ выглянулъ изъ окна, посмотрѣлъ на лѣстницу, вымѣрилъ глазами высоту, взглянулъ на парусину и снова скрылся. Вдругъ онъ сталъ на окнѣ, съ ношею въ рукахъ, и закричалъ: «Держи крѣпче!» и бросился сквозь огонь, съ третьяго яруса, на растянутую парусину, которую крѣп-

ко держали человекъ десять солдатъ. «Лихо!» воскликнулъ Браунмейстеръ. «Ай да молодецъ!» раздалось въ толпѣ.

Полицейскій офицеръ, соскочившій съ третьяго этажа, былъ силенъ, какъ Геркулесъ. Онъ держалъ надъ головою спасенную имъ женщину, закутанную имъ въ мокрое кителя. Она не почувствовала сильнаго сотрясенія, и все была въ обморокъ. Офицеръ схватилъ ее на руки, какъ груднаго младенца, и быстро побѣжалъ за ворота, пробиваясь сквозь толпу народа, который кричалъ ему въ слѣдъ: «ай да молодецъ!»

Этотъ храбрый офицеръ былъ Квартальный Надзиратель, герой этой справедливой повѣсти, Алексѣй Петровичъ Сприоновъ, а спасенная имъ женщина, Елисавета Федоровна, та самая, которую онъ любилъ столь пламенно и безнадежно. Вообразите себѣ его радость! Квартира его была во стѣ шагахъ. Прямо съ пожара онъ бросился домой, положилъ драгоценную пошу на свою кровать, велѣлъ вѣрной Марѣ раздѣть больную, и побѣжалъ за Док-

торомъ. По счастью, Докторъ былъ дома, и такъ, взявъ съ собою спирты и шнеперъ, онъ поспѣшилъ на помощь больной. Все это случилось въ четверть часа времени, а въ другія четверть часа Елисавета Федоровна уже открыла глаза, пришла въ чувство и была совершенно здорова. Надзиратель стоялъ за дверьми ни живой, ни мертвый, пока приводили въ чувство ангела души его. Сердце въ немъ сильно билось, сперва отъ страха, послѣ отъ радости. Наконецъ она заговорила. Надзиратель представилъ ухо.

— «Гдѣ я!» спросила Елисавета Федоровна у Доктора.

— «Въ квартирѣ Квартальнаго Надзирателя, человека честнаго, благороднаго, благовоспитаннаго, который живетъ съ своею больною матерью.....» отвѣчалъ Докторъ. — «Я знаю его,» возразила Елисавета Федоровна.

Сердечко у Надзирателя такъ сильно ёкнуло, что чуть не распалось на части. «Она знаетъ меня!» прошепталъ онъ.

— «А гдѣ онъ?» спросила она.

— «Здѣсь», отвѣчалъ Докторъ.

— «И такъ, позвольте мнѣ одѣться; я хочу переговорить съ нимъ», сказала она.

Докторъ вышелъ изъ комнаты; а Марья пособила ей надѣть платье, которое въ это время высохло на печи. Красавица, подбирая и связывая волосы передъ разбитымъ, восьмигривеннымъ, зеркальцомъ, висѣвшимъ надъ столикомъ, не могла не улыбнуться. Одѣвшись, она вышла изъ комнаты, и пошла къ больной матери своего избавителя, гдѣ находились Докторъ, самъ Надзиратель и другъ его, Еремѣевъ. Мать плакала отъ страха и отъ радости, слушая рассказъ Еремѣева о великодушномъ подвигѣ сына.

Красавица подошла къ кровати, поцѣловала руку больной и, обратясь къ Квартальному Надзирателю, который стоялъ у изголовья, потупя взоръ, не смѣя взглянуть на ту, которую хотѣлъ бы поглотить взорами, она сказала: «Я не могу изъяснить вамъ моей благодарности, Алексѣй Петровичъ, потому,

что не нахожу словъ, чтобъ выразить все то, что чувствую, но мы давно знакомы,» примолвила она съ нѣжнымъ, легкою улыбкой. «Я знаю, что вы меня любите!»

— «Вы знаете это!» воскликнулъ Надзиратель.

— «Вы не скрывались въ этомъ, ница меня повсюду, проводя часть дня подъ моими окнами, не спуская глазъ съ меня въ театрѣ, являясь передо мною на гульбищахъ, у всѣхъ подъѣздовъ. Вѣрьте, Алексѣй Петровичъ, что мы, женщины, не ошибаемся въ этомъ! Вы любите меня, и я знаю васъ давно, знаю чрезъ людей — и люблю васъ взаимно....»

При сихъ словахъ Надзиратель чуть не упалъ безъ чувствъ на землю. Онъ держался одною рукою за кровать, и дрожалъ всѣмъ тѣломъ.

— «Я люблю васъ,» продолжала красавица: «потому, что вы человекъ благородный и нѣжный сынъ, а добрый сынъ не можетъ быть дурнымъ человекомъ. Я бѣдна, такъ же какъ вы, и вы имѣете передо мною

большое преимущество: у васъ есть мать,— а я сирота! Но если матушка ваша благословитъ насъ и захочетъ имѣть меня своею дочерью, то я не боюсь съ вами бѣдности. Я знаю женскія рукодѣля, могу преподавать уроки въ рисованьи, въ музыкѣ, въ языкахъ, и не буду вамъ въ тягость, а напротивъ, попеченіями мои буду стараться облегчить горестное положеніе нашей маменьки, усладить ея уединеніе.... Теперь я ни отъ кого не завишу. — Князь, сегодня вечеромъ, передъ пожаромъ, выгналъ меня изъ своего дома, за то, что я не согласилась выйти замужъ за глупаго его повѣреннаго..... Маменька, рѣшите участь нашу!.....»

Мать Надзирателя рыдала. Она подпалась на постель, простерла объятія и, заключивъ въ нихъ добрую, благородную Лизу, обливала ее слезами, лепеча сквозь всхлипываніе: — «Благослови васъ, Боже! Ангель мой, милое дитя!»

Наконецъ Надзиратель пришелъ въ себя и бросился къ ногамъ Елисаветы Федо-

ровны, воскликнувъ: — «Повтори мнѣ, что ты меня любишь..... Дай услышать еще разъ эти небесные звуки!.....»

Елисавета Федоровна подпала его и бросилась къ нему, со слезами, на шею. Зналъ, что скромность и несчастное положеніе ея возлюбленнаго никогда не доведутъ его до объясненія, она сдѣлала чрезвычайное усиліе надъ собою, чтобъ побѣдить свою застычивость и самой развязать этотъ узелъ. — Но это усиліе мужества и эта побѣда надъ двичьей скромностью истощили ее. Она залилась слезами и почти безъ чувствъ повисла на шею своего возлюбленнаго. Всѣ были счастливы и всѣ плакали. — Еремьевъ прижалъ къ сердцу своего друга и поцѣловалъ руку его невесты. Даже Докторъ нашелъ запоздалую слезу въ своемъ добромъ сердцѣ, иссушенномъ непрерывнымъ зрѣлищемъ бѣдствій человечества. Онъ вышелъ, пожавъ руку Надзирателя.

Когда первый восторгъ прошелъ, и души отдохнули отъ сильныхъ ощущеній, Елисавета Федоровна сказала: — «Мамень-

ка, я останусь съ вами! У меня нѣтъ пріюта.....»

Надзиратель указаль на свое сердце.

Елисавета Ѳедоровна улыбнулась нѣжно, и подала ему руку, которую онъ прижалъ къ устамъ.

Съ перваго слова между любовниками водворилась искренность, понятная и доступная только возвышеннымъ душамъ. — После перваго объясненія, они уже говорили другъ другу.

Вдругъ вошелъ городской.

=

Г Л А В А VIII.

—

Шкатулка.

Городовой унтеръ-офицеръ поставилъ на столъ шкатулку и сказалъ: — «Какіе-то бездѣльники украли, изъ погорѣлаго дома, шкатулку и разбили за угломъ. Но въ это

время я наткнулся на нихъ и ухватилъ одного за воротъ. Онъ вывернулся, и мошеники хотѣли было сбить меня съ ногъ — да я, вспомнивъ старину, выхватилъ тесакъ, и давай крошить. — Они бѣжали, а шкатулка осталась мнѣ въ добычу. Извольте посмотреть, что тутъ есть.»

Крышка уже была разбита. Надзиратель заглянулъ въ нее, и увидѣлъ, что она набита бумагами. — «Надобно сдѣлать, тотчасъ, опись бумагамъ, при городовомъ,» сказалъ Алексѣй Петровичъ: «и представить при рапортѣ. Дѣло не терпитъ отлагательства. Еремьевъ! пособи братецъ!»

— «Я также буду пособлять тебѣ, Алеша!» сказала Елисавета Ѳедоровна. «Съ этой поры я должна раздѣлять всѣ труды, твои.....»

— «Очень радъ! работа будетъ игроушкой съ тобою, мой ангель,» возразилъ Надзиратель, взглянувъ нѣжно на Лизу.

Городовой смотрѣлъ съ удивленіемъ, и не понималъ, откуда появилась такая красавица въ квартирѣ Надзирателя, да еще и

хозяйничаетъ при матери. Онъ надулъ усы и покачалъ головою. Принесли столъ, поставили его возлѣ постели больной—и сѣли за работу. Лиза взяла перо и приготовилась писать подъ диктовку, а Надзиратель и Еремьевъ стали разбирать бумаги.

— «Ба! да это дьяволья бумаги Князя Каверзева и повѣреннаго его, твоего милого женишка, Загвоздкина!» сказалъ, улыбаясь Надзиратель: «штатушка принадлежить ему, потому, что его собственныя бумаги не попали бы къ Князю. Вексель порядочное число!»

— «А это что за бумага!» сказалъ Еремьевъ. «Господи воля твоя, хорошо ли я вижу.... Да здѣсь упомянуты ваши имена, твое Алексѣй и ваше Елисавета Федоровна!.....»

— «Что такое, покажите!» воскликнула Елисавета Федоровна, и выхватила бумагу. «Боже мой! да это рука покойнаго отца моего! вотъ его подпись! У меня сохранились письма его къ покойной маменькѣ..... Что это значитъ!»

— «Духовное завѣщаніе!» сказалъ Еремьевъ.

— «А я до сихъ поръ не слыхала, что послѣ него осталось духовное завѣщаніе.... Читайте вслухъ, ради Бога!»

— «Маменька!» сказалъ Надзиратель: «вообразите себѣ, что моя Лиза; дочь Федора Ивановича Ландышева, друга панепькни!»

— «Неужели! Да онъ былъ холостъ, когда пропалъ безъ вѣсти!»

— «Панепька женился въ Константинополь, на Гречанкѣ,» сказала Лиза. «Мать моя померла послѣ родовъ, и на другой годъ отецъ мой вознамѣрился возвратиться въ отечество.... Смерть постигла его въ карантинѣ.... Этому минуло шестнадцать лѣтъ!»

— «Въ эту самую пору умеръ въ карантинѣ же и мужъ мой,» сказала мать Надзирателя, утирая слезы.

— «Они встрѣтились въ карантинѣ, примирились и вотъ доказательство честности отца моей Лизы,» примолвилъ Надзиратель, смотря въ бумагу. «Духовнымъ завѣщаніемъ

онъ отдасть намъ взятыхъ у насъ деньги, съ процентами, всего полтораста тысячъ, а дочери своей, моей Лизъ оставляетъ пять сотъ тысячъ и проситъ, чтобъ она любила меня какъ брата, если не можетъ любить какъ мужа....»

— «Боже мой, да это чудеса!» сказали Еремьевъ, крестясь.

— «Мудреное дѣло, Ваше Благородіе!» примолвилъ городской, который изъ всего этаго понялъ только *сотни тысячъ*.

— «Но гдѣ жъ деньги?» спросилъ Еремьевъ.

— «Вотъ здѣсь написаны номера билетовъ—а гдѣ они—это знаетъ Князь и его повѣренный,» возразилъ Надзиратель: «и должны сказать передъ судомъ.»

— «Разумѣется, а между тѣмъ поздравляю!» примолвилъ Еремьевъ.

Опять наступила радость, но радость тихая, безслезная, радость, которая бы свела съ ума чловѣка съ душою обыкновенною, если бы онъ изъ нищаго сдѣлался внезапно богатымъ. Радость эта не тронула

глубоко душъ высокихъ, а родилась и улеглась въ умъ, не задѣвъ сердца.

Между тѣмъ надобно было кончить дѣло. Бумаги описали, завѣщаніе поставили въ описи, но удержали у себя, а прочія бумаги отослали чрезъ городского, при рапортѣ, къ Частному Приставу. Внесли кровать для Лизы въ комнату матери, и всѣ улеглись спать. Но сонъ не смыкалъ глазъ счастливецъ. Всѣ крайности сходятся, и счастье во многомъ походить на несчастье.

=

Г Л А В А IX.

—

Б т ъ д а.

На другой день Еремьевъ одѣлся въ мундиръ, и пошелъ къ Князю Каверзеву съ письмомъ отъ Лизы и Надзирателя, въ которомъ они извѣщали его, что завѣщаніе

находится въ ихъ рукахъ, просили кончить дѣло миролюбиво и объявляли: что они уже помолвлены, въ исполненіе воли покойнаго родителя Лизы. — Князь не принялъ Еремѣева; но велѣлъ взять у него письмо, и приказавъ сказать ему, что чрезъ недѣлю посланіе его получать отвѣтъ.

Общимъ совѣтомъ положено было пождать.

Пять дней Надзиратель блаженствовалъ въ упоеніи любви, въ надеждахъ; на шестой день вечеромъ его позвали къ Частному Приставу, который встрѣтилъ его съ печальнымъ лицомъ.

— «Саперментъ, сто тысячъ разъ саперментъ!» сказалъ Частный Приставъ: «тебя, братъ, Алексѣй Петровичъ, обвиняютъ въ ужасныхъ преступленіяхъ. Съ перваго слова объявляю тебѣ, что я ничему не вѣрю, зная твою честность, за которую ручался передъ начальствомъ. Но меня не послушали! Нечего дѣлать — поѣдемъ въ тюрьму.....»

— «Я..... въ тюрьму!» воскликнулъ удивленный Надзиратель.

— «Да, братецъ, тебя вѣрно посадить въ тюрьму, и притомъ подъ строжайшимъ надзоромъ..... Поѣдемъ братецъ: я долженъ рапортовать объ исполненіи указа, при вечернемъ рапортѣ.»

— «Помилюйте, но въ чемъ же меня обвиняютъ!»

— «Это, братецъ, тайна. Но я люблю тебя искренно и сожалею о тебѣ душевно, и если ты дашь мнѣ слово, что будешь молчать, я открою, въ чемъ тебя обвиняютъ, чтобъ ты могъ сообразиться....»

— «Даю честное слово и клянусь Богомъ, что не скажу никому того, что услышу отъ васъ.....»

— «И такъ тебя обвиняютъ, будто ты украдъ на пожарѣ шкапулку, похитилъ изъ нея сто пятьдесятъ тысячъ рублей наличными деньгами, и, соблазнивъ воспитанницу Князя Каверзева, составилъ фальшивое духовное завѣщаніе въ ея и въ свою пользу, когда всѣмъ извѣстно, что отецъ ея былъ

банкрутъ и бѣжалъ отъ тюрьмы за границу.....»

— «Но городской можетъ засвидѣтельствовать.....»

— «Городовой человекъ безграмотный, онъ не знаетъ, было ли то написано, что вы читали.... да притомъ же онъ вчера получилъ отставку и скрылся, не извѣстно куда..... Повторяю, что я не вѣрю ничему въ этой сказкѣ, и сильно подозреваю Князя..... Но, братецъ,..... плетью обуха не перешибешь..... а съ сильнымъ не борись,..... съ богатымъ не тянись..... Саперментъ!..... бѣда!»

— «Сущая бѣда,» сказалъ Надзиратель. «Но есть Богъ на небеси, а Царь на земли — не боюсь ничего съ чистою совѣстью! — Поѣдемъ! — Прошу объ одномъ — успокойте моихъ домашнихъ.....»

— «Пріятеля твоего Еремѣева вѣрно выслать за городъ, по подозрѣнью въ соучастіи и не вѣрно принимать отъ него ни какихъ показаній!.....»

— «Ужасно!» прошепталъ Надзиратель.

Они отправились въ тюрьму. Надзирателя посадили въ особую комнату и дверь, замкнули снаружи.

— «О чемъ ты плачешь?» спросилъ Сократъ юнаго ученика своего, будучи заключенъ въ темницѣ. — «О томъ, что ты осужденъ безвинно,» отвѣчалъ Критіасъ. «Неужели ты хочешь, чтобъ я былъ виновенъ!» возразилъ Сократъ.

Прекрасно сказано! Не кара, не заключеніе, не осужденіе, но порокъ и преступленіе унижаютъ человека. Это правда. Но все ли могутъ разсуждать такъ хладнокровно, въ подобномъ положеніи, какъ разсуждалъ Сократъ, которому было тогда семьдесятъ лѣтъ отъ роду, и у котораго жена была — Ксантіпа, по несчастію не послѣдняя въ родѣ! — Бѣдный Надзиратель жестоко страдалъ душою, раздумывая о своей несчастной матери, о своей возлюбленной и о другѣ своемъ, добромъ Еремѣевѣ. Онъ провелъ ночь безъ сна, то расхаживая, въ потьмахъ,

по своей тюрьмѣ, то сидя на скамьѣ, въ глубокой думѣ. Наконецъ настала день, столь нетерпѣливо ожидаемый несчастнымъ, который надѣялся предстать передъ судьей, и уличить злобу и клевету. Дверь отворилась: тюремщикъ ввелъ человѣка незнакомаго Надзирателю — и удался.

— «Имѣю честь рекомендоваться, Алексѣй Петровичъ! Я Филиппъ Андреевъ сынъ Загвоздкинъ, отставной Титулярный Совѣтникъ и повѣренный. . . .»

Надзиратель сперва принялъ незнакомаго за какого нибудь Секретаря, пришедшаго сдѣлать ему допросъ; но когда услышалъ ненавистное имя, то посмотрѣвъ на Загвоздкина съ презрѣніемъ и отвортился.

— «Вы находитесь въ неприятомъ положеніи,» примолвилъ Загвоздкинъ: «и дѣльце ваше принахиваетъ Сибирью. Вся мѣра принята, чтобъ пресѣчь вамъ средства къ оправданію, и только отъ васъ самихъ зависитъ избавиться отъ бѣдствія и быть счастливымъ.»

Надзиратель не говорилъ ни слова, но

только взглянулъ на Загвоздкина. Онъ продолжалъ: — «Откажитесь отъ руки Елисаветы Федоровны, уговорите ее, чтобъ она вышла за меня замужъ — и вы свободны, а сверхъ того получите сто тысячъ рублей!»

Надзиратель захохоталъ, но такимъ смѣхомъ, который раздался, какъ грохотъ грома въ ушахъ Загвоздкина. Лице Надзирателя приняло грозное выраженіе; онъ приступилъ на шагъ къ Загвоздкину, который отъ страха пятился къ дверямъ.

— «Подлецъ!» сказала Надзиратель, и хотѣлъ плюнуть въ лицо своему гнусному сопернику, но удержался, думая, что этимъ сдѣлаетъ ему честь.

— «Оно такъ-съ! Но не извольте гордиться — а пораздумайте,» сказала Загвоздкинъ. — «Я совѣтую вамъ, какъ другъ. . . .»

— «Вошь отсюда, злодѣй!» закричалъ Надзиратель и, схвативъ приказнаго за воротъ, перевернулъ его въ воздухъ, толкнулъ ногой, и Загвоздкинъ отперъ дверь лбомъ, и повалился въ корридоръ, восклицая: «въ Сибирь, на каторгу!»

Надзиратель призвалъ тюремщика и сказалъ ему, что если онъ еще разъ осмѣлится впустить къ нему этого урода, то онъ будетъ жаловаться вышнему начальству. Тюремщикъ пособилъ Загвоздкину встать, заперъ двери темницы, и Надзиратель выпилъ за одинъ разъ суточную порцію воды, чтобъ прохладить возмущенную кровь.

Прошла недѣля; никто не являлся къ Надзирателю, и онъ не имѣлъ ни какого извѣстія отъ матери и Лизы. Онъ близокъ былъ къ отчаянію.

=

Г Л А В А X.

—

Правосудіе.

Любовь и ненависть суть сильнѣйшія чувствованія, которыя покоряютъ и умъ и душу, и управляютъ волею, какъ руль кораблемъ. Любовь породила мужество въ ду-

шю Елисаветы Оедоровны и заставила ее рѣшиться, во что бы ни стало, освободить своего друга и очистить его отъ клеветы. Живя у Князя Каверзева, она принята была весьма хорошо во многихъ знатныхъ домахъ. Пожилые люди любовались ею, молодые волочились за ней, женщины любили ее за скромность и за пріятныя дарованія, которыми она угождала имъ. Лиза повхала по всемъ домамъ, прося защиты и покровительства. Между Русскими знатыми людьми столь же много добрыхъ, сострадательныхъ и справедливыхъ людей, какъ мало бережливыхъ и любителей отечественнаго слова. Каверзевы рѣдки, слава Богу! Вся знатные люди приняли сторону угнетенныхъ сиротъ, и нѣсколько изъ нихъ вознамѣрились уговорить Князя Каверзева кончить дѣло миролюбиво, угрожая, въ противномъ случаѣ, правосудіемъ, которое есть спасительное орудіе въ рукахъ сильнаго, если онъ хочетъ быть добрымъ, орудіе, истребляющее и излечающее заразительныя язвы челоуѣчества. Князь Каверзевъ думалъ проглотить Надзирателя, какъ

устрицу, но когда увидѣлъ, что онъ имѣеть сильныхъ покровителей, то испугался. Впрочемъ ему было все равно, отдать ли деньги Загвоздкину или Лизѣ и Надзирателю. Разница состояла въ процентахъ, за шестнадцать лѣтъ и въ полтораста тысячахъ рублей, принадлежащихъ Надзирателю, которые уступалъ ему Загвоздкинъ. Объ этомъ Князь вошелъ въ переговоры съ Лизой и Надзирателемъ, чрезъ одного Стряпчяго, избраннаго самимъ Надзирателемъ. Стряпчій рассчиталъ на счетахъ, что если тяжба продолжится десять лѣтъ, (среднее число по теоріи вѣроятностей) то издержки будутъ стоить едва ли не болѣе процентовъ, а полагая, что все это время надобно будетъ жить въ долгъ, на счетъ будущихъ благъ, имѣть въ виду тюрьму и платить проценты ростовщикамъ, то выйдетъ другія столько. «Я слыхалъ отъ здѣшнихъ Польскихъ ходатаевъ по дѣламъ Латинскую юридическую пословицу: *beatus, qui tenet*, то есть, блаженъ, кто имѣеть въ рукахъ спорное,» сказалъ Стряпчій Надзирателю: «а потому совѣтую вамъ помирить-

ся.» Въ Стряпчїе, приказные и ходатаи никакъ не хотѣли вѣрить, чтобъ нашелся между ими такой сумасшедшій, который бы совѣтовалъ мировую въ дѣль миллионномъ, но Лиза и Надзиратель повѣрили ему и помирились. Князь Каверзевъ выплатилъ Лизѣ наличными пять сотъ тысячъ рублей, а Надзирателю полтораста тысячъ — *безъ процентовъ*, взявъ съ нихъ квитанцію въ томъ, что выплатилъ съ *процентами*, и на другой день послѣ мировой, бросилъ визитную карточку въ квартиру Надзирателя. Следственное дѣло уничтожено, по просьбѣ Князя, объявившаго, что все сіе произошло отъ недоразумѣнія и происками его повѣреннаго Загвоздкина, котораго онъ, для виду и изъ благопристойности, согналъ со двора, но не удалилъ отъ себя, потому, что онъ былъ ему *нуженъ*.

Надзирателя немедленно выпустили изъ тюрьмы. Описывать радость его при свиданіи съ матерью и Лизой, есть то же, что переливать изъ пустаго въ порожнее. Каждый догадается, что тутъ были и слезы и

поцѣлуй и обнимающа и все, что бываетъ въ счастьи и въ несчастіи. Надзиратель подалъ въ отставку, и переехалъ на другую квартиру, не богатую, но пристойную.

Для чести фамиліи разгласили въ свѣтъ, что Князь Каверзевъ скрывалъ предъ своею воспитанницею ея богатство для того только, чтобъ не возродить въ ней гордости и своенравія. Многіе похваляли благоразуміе Князя. О заключеніи Надзирателя въ темницу и о взведенной на него клеветѣ вообще не говорили, а только намекали о плутѣ-повѣренномъ, который причинилъ Князю неприятели и хлопоты своимъ кознями.

Загвоздкинъ явился-было къ Надзирателю съ предложеніемъ своихъ услугъ, утверждая, что можно уничтожить мировую и выискать съ Князя проценты, потому, что въ квитанціи, писанной имъ самимъ, нарочно сдѣланы двѣ ошибки, превращающія смыслъ рѣчи; — но Надзиратель вмѣсто отвѣта вытолкнулъ за двери плута, — который отъ безнадежной любви и отъ злости нанялся пьянъ и съ тѣхъ поръ не просыпался,

сдѣлавшись горькимъ пьяницею. Онъ умеръ скоропостижно, на съѣзжемъ дворѣ, чрезъ два мѣсяца послѣ этого происшествія.

==

Г Л А В А XI.

—

ЗАКЛЮЧЕНІЕ,

или

Каждому свое.

Только ждали пріѣзда Еремѣева, чтобъ праздновать свадьбу. Наконецъ онъ пріѣхалъ, и день свадьбы назначенъ. Князь Каверзевъ предложилъ себя въ посаженные отцы, но Надзиратель отказался отъ сей чести и съ своей стороны взялъ въ посаженные отцы добраго Частнаго Пристава, а со стороны Лизы Еремѣева. Жена Частнаго Пристава была посаженою матерью у

Лизы. Въ день свадьбы Надзиратель получилъ благосклонное разрѣшеніе на просьбу, объ увольненіи изъ Штата Полиціи. Племянникъ Князя Каверзева, бывшій сослуживецъ Алексѣя Петровича Спиридонова и Еремѣева, написалъ къ Лизѣ самое отчаянное письмо, въ которомъ обѣщалъ застрѣлиться, если любовь его будетъ презрѣна, а въ припискѣ просилъ *въ займы денегъ*, на самое короткое время. Любовь его презрѣли — и онъ не застрѣлился, а денегъ хотѣли ему дать, изъ сожалѣнія, но Еремѣевъ не засталъ его дома, потому что онъ, того же вечера, высланъ былъ за городъ, за дурное поведѣніе.

Бывшій Надзиратель принудилъ Еремѣева взять значительную сумму денегъ въ займы, на двадцать пять лѣтъ, безъ процентовъ, для поправленія домашнихъ его дѣлъ. Въ слѣдствіе полученія Еремѣевымъ этихъ денегъ, и тѣжба его съ опекунами кончилась въ его пользу.

Свадьба была тихая, безъ постороннихъ свидѣтелей. Ужинали при постелѣ боль-

ной матери, и къ концу ужина Еремѣевъ и Частный Приставъ, отъ радости, подгуляли порядочно.

— «Ну, братъ Алексѣй Петровичъ, извини!» сказалъ Частный Приставъ, протягивая руку къ новобрачному. «Если бъ я зналъ прежде, для чего ты безпрестанно скоблишь мостовую и тротуары передъ домомъ Князя Каверзева, то не ненялъ бы тебя за это... Ты, братъ, счастливецъ Езопова пѣтуха! Ты нашелъ не жемчужину, а настоящей алмазь! А все таки я стою на своемъ, что ты не способенъ къ полицейской службѣ.... Извини, братъ! По моему: хлѣбъ соль ѣшь, а правду рѣжь!»

— «Да я и не спорю съ вами, Сидоръ Аввакумовичъ, о моихъ способностяхъ по этой части,» возразилъ Алексѣй, улыбаясь.

— «А эта способность не помѣшала бы тебѣ теперь, Алексѣй Петровичъ!» приговорилъ Частный Приставъ. «Порядокъ, благочиніе, чистота вездѣ нужны и въ семьѣ и городѣ, и если бъ каждый *обыватель*, каждый отецъ семейства управлялъ

семьей и подвластными ему людьми и имением по точному смыслу *Городового Положения* и *Полицейскаго Устава*, то у нас не было бы столько банкротовъ, плутовъ и развратной дворни, заражающей примѣромъ своимъ баричей, которые послѣ попадаютъ сами въ негодяи.»

— «И въ этомъ я согласенъ съ вами, Сидоръ Абезкумовичъ,» примолвилъ бывшій Надзиратель.

— «Справедливо!» сказалъ Еремѣевъ, допивая стаканъ: «Дисциплина — душа порядка, а ученье, то есть занятіе, лучшее средство для удержанія людей отъ разврата. Если бы наша молодежь получше знала *Рекрутскую школу*, то между ними было бы меньше такихъ молодежь, какъ нашъ Каверзевъ!....»

Дамы улыбались. — «А какими же законами прикажете управлять нашимъ поломъ?» спросила, въ шутку, Елисавета Ое-доровна.

— «Для старухъ — *Городовое Положеніе*,» отвѣчалъ Частный Приставъ.

— «А для молодыхъ — *Рекрутская школа*,» примолвилъ Еремѣевъ.

— «Составленная любовью,» прибавилъ молодой супругъ.

— «Къмъ угодно!» сказалъ Еремѣевъ: «Лишь бы не забыли субординаціи, ученья и выправки, безъ которыхъ мужчина медвѣдь, а женщина — коза!»

— «Прошу тебя объ одномъ, Алексѣй Петровичъ!» сказалъ Частный Приставъ. «Ты теперь богатъ и вѣрно накупилъ деревень. Пожалуйста, братецъ, не забудь о чистотѣ улицъ и о пожарномъ инструментѣ! Порядочному чело^вѣку должно быть стыдно, когда провзкій визнетъ въ грязи въ его деревнѣ, и когда при несчастіи тушатъ пожаръ подойинками!»

— «Исполню вашъ совѣтъ!» сказалъ бывшій Надзиратель.

— «Да не забудь, по силѣ *Городового Положенія*, завести запасные хлѣбные магазины въ своихъ деревняхъ,» примолвилъ Частный Приставъ. «Вѣдь не только стыд-

но намъ, Русскимъ, но даже грѣшно, когда, при каждомъ неурожаѣ, у насъ бываетъ недостатокъ въ хлѣбѣ, котораго у насъ столько родится, слава Богу, что въ одинъ урожайный годъ можно бы запастись на пять лѣтъ, безъ всякаго ущерба въ доходахъ.....»

— «И это исполню,» сказалъ бывшій Надзиратель.

— «Только пожалуйста, для надзора за магазинами умѣй выбрать такихъ людей, которые бы не сваливали напраслины на крысъ.....» возразилъ Еремѣевъ: «О, я знаю этихъ магазинныхъ Смотрителей! Я былъ три года полковымъ Квартирмейстеромъ!»

— «А скоро ли ты намѣренъ поселиться въ деревнѣ?» спросилъ Частный Приставъ. «Я тебѣ зарекомендую мастера для пожарнаго инструмента и прикащика, изъ отставныхъ моихъ сослуживцевъ..... Малый славный, не большой грамотѣй, но человекъ трезвый и исправный.... У него держи ухо востро!...»

«Съ этимъ вы можете подождать, Сидоръ Аввакумовичъ! Во-первыхъ, у меня еще нѣтъ деревень, а во-вторыхъ — я хочу еще послужить,» отвѣчалъ Спиридоновъ.

— «Какъ служить — съ деньгами!» воскликнулъ Частный Приставъ.

— «Съ деньгами-то и служить,» примолвилъ бывшій Надзиратель. «Я хочу жить не службою, а для службы, то есть, служить во славу Царя и на пользу Отечества, исполняя свято, по совѣсти и по крайнему разумѣнію волю Царскую и законы, для блага моихъ согражданъ. Если богатому человеку не быть честнымъ и полезнымъ, такъ чѣмъ же и быть ему!...»

Елисавета Ѳеодоровна поцѣловала мужа.

— «Справедливо!» сказали въ одинъ голосъ Частный Приставъ и Еремѣевъ.

Между тѣмъ жена Частнаго Пристава задремала на стулѣ. Мать также опустила голову на грудь.

— «Баста!» сказалъ Еремѣевъ. «Мы заболтались и убаюкали дамъ. Пора спать!»

— «Не всѣмъ,» подхватилъ Частный

Приставъ , ударивъ дружески по плечу бывшего Надзирателя , и лукаво улыбнувшись .

Елисавета Федоровна покраснѣла .

— «Доброй ночи!» сказала Частный Приставъ , вложивъ шпагу въ португезю , и взявъ шляпу . «Слава Богу , все кончилось благополучно я пенять тебѣ не лзя на людей , Алексѣй Петровичъ! Еще можно жить на Руси! Вотъ какія *мудренныя приключенія* случились съ тобою , и на трехъ злыхъ ты нашелъ полсотни добрыхъ людей! Право , между людьми болѣе дураковъ , нежели злодѣевъ . — Это я замѣтилъ , служа въ Польцѣ.»

— N^o V. —

СТАРЫЙ ЗНАКОМЕЦЪ.

(*Фантастическая Повесть*).

«Ne dites donc pas que je mens , mes seigneurs; car à l'instant même où votre bouche me dit: tu mens! vous savez bien que je ne mens pas.

Jules Janin.

Въ нѣкоторомъ царствѣ , въ нѣкоторомъ государствѣ , молодой человекъ привлекательной наружности сидѣлъ въ театрѣ , и смотрѣлъ на сцену со всеми признаками недовольствія . Возлѣ него сидѣлъ пожилой человекъ , который безпрестанно хлопалъ въ ладоши , улыбался или хохоталъ отъ души ;

повторяя: «Браво, брависсимо! Точно такъ! правда! прекрасно! нельзя лучше!» Молодой человекъ съ удивленіемъ и досадою поглядывалъ на своего сосѣда, изъясляющаго столь противоположныя чувствованія. Лице и всѣ ухватки пожилаго человекъ были необыкновенны. Небольшіе черные глаза его сверкали, какъ пламенющіе уголья. Малыя, чуть примѣтныя губы странно искривлялись, когда онъ смѣялся. Широкія ноздри его длиннаго ластребиннаго носа пыхтѣли, какъ у хищнаго звѣря. Выдавшіяся щеки трепетали отъ судорожныхъ движеній. Въ оживленной его физиономіи отражались колкая насмѣшка, проищательность, коварство; но при всемъ томъ лице его не было отвратительно, и, напротивъ того, приковывало къ себѣ любопытный взглядъ. Занавѣсъ послѣ четвертаго акта опустился, и пожилой человекъ, прохлопавъ въ ладоши, простучавъ ногами и воскликнувъ брависсимо, развалился въ креслахъ, и посмотрѣлъ на молодаго человекъ, который потупилъ голову и задумался.

— «Вы не любите Бомарше?» ска-

заль пожилой человекъ, обращаясь къ юному своему сосѣду. «Это единственный Комикъ, который поймалъ натуру въ дѣйствиіи, и послѣ Тартюфа, *Жизньба Фигаро* первая и единственная Комедія въ мірѣ. Все прочее въ этомъ родѣ — ложь, мелочь, вздоръ, плоскости, надутости, риторство — словомъ, искаженіе натуры.» — «Я не раздѣляю вашего мнѣнія,» отвѣчалъ юноша. — «Потому, что вы молоды — и Поэтъ!» — «А почему вы знаете, что я Поэтъ?» — «Какъ мнѣ не знать? О! я знаю весьма много такого, чего другіе не знаютъ,» возразилъ пожилой человекъ, съ лукавою усмѣшкою. «Вы Поэтъ, и мы старые знакомцы...» — «А съ кѣмъ имѣю честь говорить?...» — «Вы это послѣ узнаете, а на первой случай скажу вамъ только, что если вы Поэтъ, то я Поэзія, вдохновеніе, хотя и не во всѣхъ родахъ, но напримѣръ... въ родѣ Гете, Байрона, Данта, иногда и въ родѣ Клоштока...» — «Не много ли берете на себя?» возразилъ юноша насмѣшливо. — «Я не говорю вамъ, что упряжняюсь въ сочиненіяхъ; я

только внушаю вдохновения. Вы можете спросить объ этомъ у Поэтовъ, пишущихъ въ этомъ родѣ.» — «Родъ возвышенный, божественный!» воскликнулъ юноша. — «Не всегда!» сказала пожилой человекъ съ значительною улыбкой. «Но вы послѣ узнаете меня покороче, а теперь позвольте обратиться къ прежнему предмету. Почему вамъ не правится Комедія Бомарше?» — «Потому, что онъ смотрѣлъ на свѣтъ въ черное стекло, закоптяное въ адскомъ дымѣ...» — «Браво! Вотъ что правда, то правда!» примолвилъ пожилой человекъ, прервавъ рѣчь юноши. Поэтъ продолжалъ: «Что вы видите въ этой Комедіи? Мужъ обманываетъ жену, жена мужа, баринъ слугу, слуга барина, женихъ невѣсту, невѣста жениха, любовникъ любовницу и обратно. Судьи кривятъ душой изъ платы и угожденія знатности, знатность унижается до гнуснаго сладострастія и смѣшныхъ мелочей; всѣ дружатся, любятъ, обнимаются, цѣлуются, а всѣ они презираютъ другъ друга, всѣ любятъ одну корысть, всѣ ищутъ чувственныхъ наслажденій... Это

ужасно, гнусно, возмущаетъ душу!» — «А между тѣмъ правда!» возразилъ пожилой человекъ, улыбаясь и потирая руки. «Я зналъ Бомарше, былъ его искреннимъ другомъ и самъ собиралъ матеріалы для его Комедіи. Бомарше былъ *земной человекъ*, и смотрѣлъ на людей съ земли, т. е. съ настоящей точки зрѣнія. Вы Поэтъ, не знаете земли и носитесь надъ землею, между небомъ и адомъ, не избравъ еще ни точки зрѣнія, ни осьдлости для своей Музы. Вы справедливо сказали, что Бомарше въ своемъ лорнетѣ имѣлъ стеклышко, закопченное въ адскомъ дымѣ; но вы впади въ другую крайность. Вы смотрите на свѣтъ сквозь радужное стекло фантазій, вылитое въ *несуществующемъ* мірѣ. Бомарше не доставало того, чѣмъ вы пренеполнены, т. е. Поэзіи, а вамъ недостаетъ того, чѣмъ прензобиловалъ Бомарше, т. е. *земнаго густва*. Но Бомарше имѣетъ предъ вами то преимущество, что онъ зналъ свой предметъ совершенно, а вы никогда не постигнете своего, и никогда не произведете ничего замѣчательнаго, знамени-

таго, пока не смѣшаете своихъ пѣтическихъ, небесныхъ вдохновеній и видѣній съ земнымъ чувствомъ Бомарше, ибо предметомъ Поэзіи и всякаго Искусства долженъ быть человекъ, а онъ созданъ изъ земли, для земли, и долженъ обратиться въ землю. Только одна частица его существованія можетъ парить и возноситься къ небу; но эта частица такъ скована земными узами, что Поэтъ, желая проникнуть къ ней, долженъ непременно обладать земнымъ чувствомъ. Приобрѣсть это чувство иначе нельзя, какъ живя съ людьми, и плывя вмѣстѣ съ ними въ океанѣ страстей, на задъ дурачества, т. е. находясь въ такъ называемомъ большомъ свѣтѣ, и участвуя во всѣхъ глупостяхъ и заблужденіяхъ человечества. Въ безсмертномъ твореніи Поэзіи должны быть вмѣстѣ небо, адъ и земля, и отъ того велики и славы Байрона, Гете и Дантъ!» — Пожилой человекъ замолчалъ и посмотрѣлъ лукаво на юношу, который сидѣлъ въ задумчивости, потупя глаза въ землю, и казалось, еще направлялъ вниманіе, чтобъ слушать. «Что жъ

вы не возражаете на мои замѣчанія?» сказалъ пожилой человекъ. — «Я... я... почти... согласенъ съ вами!» отвѣчалъ юноша: «по какимъ образомъ приобрести это земное чувство для слитія его съ Поэзіей?» — «Опытностью и размыслиеніемъ,» отвѣчалъ пожилой человекъ. «Для приобретения опытности надобно много времени и случаевъ,» продолжалъ онъ. «Время передъ вами, но случанъ не въ вашей власти. Вы расточаете въ стихахъ своихъ рубины и алмазы, но въ сущности вы богаты только талантомъ. Вы съ родни Музамъ и Аполлону, но эта знатная фамилія на Парнасъ стоитъ въ свѣтской родословной ниже разбогатѣвшихъ откупщиковъ и цѣловальниковъ, породнившихся съ увидшими Князьями и промотавшимися Князьками. Безъ денегъ и безъ фамильныхъ связей вамъ мудрено, почти невозможно попасть въ такъ называемый свѣтъ, потому что благородство души вашей сдѣлало спинную кость вашу несгибаемою, а отъ пѣтическаго лепета языкъ вашъ затвердѣлъ для лести. Но вы любите Гете и Байрона,

а я родня первому и искренній другъ послѣдняго, притомъ же — старый вашъ знакомецъ. Я хочу помочь вамъ, и въ одинъ вечеръ доставлю вамъ опытность долгой жизни въ свѣтъ. Подождемъ до конца представленія.»

Представленіе кончилось, и пожилой человѣкъ предложилъ Поэту сѣсть въ его карету. Юноша чувствовалъ какую-то непреодолимую силу въ словахъ и взглядахъ незнакомца, и не смѣлъ противиться. Когда карета тронулась съ мѣста, пожилой человѣкъ сказалъ: «Я повезу васъ къ одному знатному человѣку, у котораго сегодня балъ и собраніе, какъ говорится, *цѣлый городъ*, т. е. человѣкъ триста, считающихъ себя единственными обитателями города, въ которомъ до полумилліона жителей. Здѣсь вы узнаете, откуда Бомарше почерпалъ матеріалы для своей Комедіи. Но прежде выслушайте меня внимательно. Человѣкъ, отдаваясь въ теченіе вѣковъ отъ природы, утратилъ многіе дары щедрой матери природы. У васъ для того два глаза и два уха, чтобъ

однимъ глазомъ видѣть вещи *ленья*, а другимъ *сокрытыя*, и однимъ ухомъ слышать *речи*, а другимъ подслушивать *мысль*...» — «Вы шутите надо мною!» прервалъ юноша. «Ни мало! Я вамъ докажу это на опытъ,» — отвѣчалъ пожилой человѣкъ. «Если вы смотрите теперь на предметъ въ оба глаза, и слушаете обоими ушами, то это только отъ дурной привычки, такъ точно, какъ большая часть людей, по привычкѣ, дали преимущество правой рукѣ, почти не дѣйствуютъ лѣвою и жууютъ одной стороною, лишая сами себя половины силы. Я самъ одаренъ этою способностью, видѣть скрытыя вещи и подслушивать мысли, и могу сообщить ее вамъ. Но предувѣдомляю васъ, что съ этою способностью надобно имѣть дьявольское терпѣніе, не оскорбляться тѣмъ, что вы услышите на свой счетъ, ни на что не сердиться, не гнѣваться, и смотрѣть на людей, точно какъ на актеровъ на сценѣ, или лучше сказать, какъ на куколъ.» — «Вы удивляете меня!» сказалъ въ недоумѣніи юноша. — «Удивленіе ваше скоро превратится въ другое

чувство; будьте только терпеливы. Но вот мы уже у крыльца. Позвольте мнѣ обнять себя. Этотъ братскій поцѣлуй сообщитъ вамъ мою способность видѣть и слышать то, что люди скрываютъ другъ отъ друга.» Пожилой человекъ обнялъ юношу и примолвилъ важно: «Во имя мое прозри и услыши!» Сердце въ юношѣ сильно билось. Какой-то внезапный страхъ овладѣлъ имъ. Пожилой человекъ дружескимъ пожатіемъ руки успокоилъ его.

По лестницѣ, убранной цвѣтами, они взонгли въ великолѣпныя комнаты, наполненныя гостями. Въ двухъ залахъ играла музыка, въ кабинетѣ разложены были на столахъ эстампы и альбомы, которые гости небрежно разсматривали. Въ боковыхъ комнатахъ играли въ вистъ, въ кребсъ, въ экарте и въ другія, такъ называемыя *коллимергескія* игры. Группы расхаживали по комнатамъ, или остановясь, разговаривали. т. е. мѣнялись пустыми вопросами и еще пустѣйшими комплиментами. Поэтъ въ первый разъ въ жизни попалъ въ высшее общество. Съ

подобострастіемъ и некоторымъ благоговѣніемъ онъ смотрѣлъ на шитые золотомъ кафтаны, испещренные орденами, лентами разныхъ цвѣтовъ, звѣздами. Сердце его трепетало при видѣ толпы красавицъ, въ одеждѣ конхъ сосредоточивались все вымыслы и все произведенія промышленности, вкуса и моды. Ловкость во всехъ пріемахъ и движеніяхъ, какая-то пѣжкость и утонченность въ обхожденіи очаровывали юношу, и онъ думалъ: вотъ крайняя степень образованности и просвѣщенія! вотъ, къ чему долженъ стремиться родъ человѣчскій! Теперь я понимаю, что человекъ есть царь земли! — Мы, люди бѣдные, мы только одной чертой отдѣлены отъ черни, а чернь одной же чертой отдѣлена отъ бессловесныхъ. Но здѣсь, въ большомъ свѣтѣ, храмъ человѣческаго совершенства, здѣсь жертвенникъ, на которомъ рабствующая земля приносить дань властелину своему, человеку! — здѣсь сущность всехъ Наукъ и Искусствъ, здѣсь сама Поэзія! Это не земля, но элизіумъ, обитаемый высшими существами! — Легкій толчекъ

вывелъ его изъ размышленія. «Слѣдуйте за мною, смотрите и слушайте!» сказалъ пожилой человѣкъ, привезшій его изъ театра: «при первомъ пожатіи руки, вы получите способность, о которой я говорилъ вамъ. Пойдемте!»

Проходя чрезъ рядъ комнатъ, юноша замѣтилъ, что всѣ пожилые мужчины и дамы весьма благосклонно пріѣтствовали его товарища, какъ стараго знакома; молодые люди фамильярно здоровались съ нимъ, а дѣвицы поглядывали на него иѣжно, какъ бы испрашивая покровительства. Юноша получилъ высокое понятіе о своемъ товарищѣ. Всѣ знали его, всѣ обходились съ нимъ дружески, и онъ былъ въ гостяхъ, какъ хозяинъ въ домѣ.

— «Имѣю честь представить вамъ моего родственника, Поэта,» сказалъ пожилой человѣкъ хозяйкѣ: «прошу любить его и жаловать.» Хозяйка, сороколѣтняя дама, бывшая нѣкогда красавицею, съ потерей красоты сохранила всѣ притязанія на оную, и съ помощію косметическаго искусства умѣла скрывать, при свѣчахъ, десятокъ го-

довъ. Сказавъ обыкновенную въжливость на Французскомъ языкѣ, она измѣрила глазами высокаго, статнаго и красиваго лицомъ юношу, и улыбнулась весьма пріятно. Въ это время пожилой человѣкъ пожалъ руку Поэту, и онъ услышалъ лѣвымъ ухомъ легкой шепотъ мысли въ головѣ хозяйки. «Мой пріятель, Мусье Грандбетъ, возвращается въ Парижъ. Этотъ юноша, съ своей простодушной фizioноміей, могъ бы заступитъ мѣсто домашняго друга: онъ, кажется, довольно глупъ и вѣрно бѣденъ.» — Поэтъ покраснѣлъ, а хозяйка пригласила его бывать почаще въ домѣ, особенно по вечерамъ, когда она остается одна, потому, что она любитъ бесѣду съ умными людьми, охотница говорить о Словесности, и даже сама занимается, тайно, сочиненіемъ Романа. Въ эту минуту подошла къ хозяйкѣ дама съ двумя дѣвицами, и всѣ онѣ начали лобызаться съ изъявленіемъ нѣжнѣйшей дружбы. «Ахъ, ma cousine!» сказала хозяйка: «какъ я рада, что наконецъ залучила васъ къ себѣ. Васъ такъ долго не видѣли! Ужъ не раз-

сердились ли вы на свѣтъ за излишнюю и привлзчивую его любовь къ вамъ? — Ахъ, какъ вы милы, какъ вы прелестны сегодня, *mes cousines!*» примолвила она, цѣлуя дѣвицъ. Это было сказано громко, но Поэтъ слышалъ другое лѣввымъ ухомъ. Мысль хозяйки шептала: «Проклятая кокетка, гнусная сплетница, какъ бы я рада была, чтобъ ты провалилась сквозь зѣмлю и съ твоими уродами, дочками! Если бъ не интригантъ, мужъ твой, который умѣлъ сдѣлаться нужнымъ между людьми, какъ плевательная чашка между мебелями, то я бы велѣла швейцару прищелкнуть дверьми твой длинный, набѣленный носъ.» — «*Ma bonne cousine!*» отвѣчала гостя громко: «не повѣрите, какъ я страдала, не выдавъ васъ долго, и это даже усиливало мою первую бользнь. Я только тогда спокойна и счастлива, когда съ вами, милая кузина!» — Мысль госты шептала: «Вѣрно она имѣетъ нужду въ моемъ мужѣ, или подцѣпила новаго любовника, что такъ привѣтлива и нѣжна со мною эта гордая и злая баба. Если бъ мнѣ не надобно

было вывозить въ свѣтъ дочерей монахъ, на показъ женихамъ, то я бы никогда не заглянула къ тебѣ, хотя бъ даже отъ одного моего взгляда зависѣла жизнь твоя.» Дамы снова начали обниматься и цѣловаться, а Поэтъ дернулъ за кафтанъ своего товарища, и отошелъ въ сторону. Пожилой человекъ ничего не говорилъ, только посматривалъ на Поэта и лукаво улыбался. Они подошли къ хозяину, которому пожилой человекъ рекомендовалъ Поэта въ самыхъ нѣжныхъ выраженіяхъ. Хозяинъ дружески пожалъ руку юноши, и сказалъ ему съ видомъ просто-сердечія: «Я давно слышалъ о васъ, восхищался вашимъ талантомъ и желалъ съ вами познакомиться, ибо я истинный патриотъ и чту отечественныя дарованья. Старый мой пріятель оказалъ мнѣ большую услугу, познакомивъ насъ безъ дальнихъ церемоній. Будьте у меня, какъ дома, какъ у родныхъ. Я во всякое время радъ буду видѣть васъ у себя.» — Восхищенный Поэтъ собирался благодарить, но вдругъ въ лѣвомъ его ухѣ раздался звукъ мысли хозяина. «Старый

мой пріатель имѣеть страсть вводить въ домъ мой оригиналовъ и разныхъ бродягъ! Но что нужды! Однимъ дуракомъ менѣ или болѣе — не мѣшаетъ! Этотъ Поэтъ можетъ иногда послужить забавой для нужныхъ мнѣ людей, если имъ прійдетъ охота потѣшиться. Эти Поэты, скоморохи чувствительности, иногда весьма забавны, а теперь же имѣть ни вантрилоковъ, ни гримасниковъ, для разсѣянія въ длинные вечера!» — Поэтъ вспыхнулъ отъ негодованія и едва не забылся; но взглядъ товарища удержалъ его, и юноша, поклонясь принужденно, вышелъ одинъ въ другую комнату. — Въ досадѣ, онъ хотѣлъ уйти домой, но паружная прелесть невиданнаго имъ дотоль зрѣлица удержала его. Чтобъ отдохнуть и собраться съ духомъ онъ вышелъ въ боковую комнату, и съевъ возлѣ мраморнаго столика, облокотился и задумался. По другую сторону стола сидѣлъ старикъ, съ почетными знаками на груди. Старикъ погруженъ былъ также въ размышленіе и тихіе звуки его мысли доходили до лѣваго уха Поэта. «Наконецъ послѣ со-

рокапятильней службы и я попалъ въ золотообрѣзную *колоду*, и теперь самъ *фигура*. Одному изъ сѣятельныхъ монаховъ подчиненныхъ вздумалось жениться на моей дочери, и вотъ я въ роднѣ съ тѣми, которые, за сорокъ лѣтъ предъ симъ, казались мнѣ созданными не изъ глины, какъ мы грѣшныя, но по крайней мѣрѣ изъ фарфора. Суета суетъ и всяческая суета! Глина и фарфоръ та же тѣлность, и для голоднаго лучше глиняная чаша съ яствою, чѣмъ пустая фарфоровая. Еще бѣ была половина бѣды, еслибъ фарфоровая чаша была пуста; но когда она наполнена ядомъ или помоями, тогда и глиняная плошка лучше ея! Талантъ, питающій душу мыслящихъ существъ, презрѣнъ потому, что не можетъ упитывать желудковъ праздныхъ обжоръ. Голова, въ которой вмѣщается вселенная, должна склоняться предъ позлащенными истуканами, потому только, что не въ состояніи располагать блистательнымъ уголкомъ на землѣ, для прыганья и болтанья! Благодарю Тебя, Боже, что Ты, возвысивъ меня изъ

праха, не позволилъ лукавому ослѣпить меня пустымъ блескомъ, который, подобно летучему огню, часто заводитъ въ болото, заблудшаго страшика! Какое право имѣть хозяинъ этого праздника на уваженіе свѣта, на милости, снисхожденія? Что заставляетъ его гордиться, презирать талантъ и заслугу? — Онъ имѣетъ великолѣпный домъ, наполненный картинами, бронзою, серебромъ, золотомъ, драгоценными камнями и даже — книгами. Онъ умѣетъ прекрасно распорядиться блистательными балами и прельщаетъ гостей отборными яствами. Но онъ, доживъ до сѣдыхъ волосъ, не приобрѣлъ трудами даже столько, чтобъ починить одну печь въ домъ! Онъ не нарисуетъ правильно не только головки, но даже глазика, и судить о живописи *ужимъ* толкомъ! Въ этихъ люстрахъ и канделябрахъ, въ пламени восковыхъ свѣчъ, сгораютъ лѣсные дачи и тать наследіе предковъ! Онъ отъ его роду не видалъ въ книгѣ ничего, кромѣ переплета и заглавія! Любовь, дружбу, супружеское счастье, родительскую и дѣтскую

привязанность онъ знаетъ только по слуху изъ Французскихъ комедій и водевилей. Заслуга его — искусный поваръ, умъ — сотни три вытверженныхъ фразъ, оборачивающихся въ головѣ, какъ въ калейдоскопъ; душа его бездонная бочка, въ которой ни какое *чувствованіе* не остается, а одни только *ощущенія* оседаютъ по краямъ. Однако жъ есть глупцы, которые его уважаютъ, завидуютъ ему, и даже есть такіе, которые ему поклоняются!» — Поэтъ не хотѣлъ слушать далѣе, всталъ и пошелъ въ танцевальную залу.

Въ дверяхъ онъ долженъ былъ остановиться. Онъ увидѣлъ молодыхъ супруговъ, разговаривающихъ нѣжно между собою. Мужъ, прекрасный собою молодой человекъ съ порядочнымъ состояніемъ, поставленный судьбою на *видномъ мѣстѣ* въ свѣтъ, — жена молодая, ловкая, миловидная и богатая до излишества, обращали на себя вниманіе цѣлаго города, и Поэтъ зналъ ихъ съ виду и по слуху. Мужчины и женщины завидовали счастью юной четы, одаренной всеми благами фортуны. « Не слишкомъ ли

много ты танцуешь, милая?» сказалъ мужъ: «я беспокоюсь за твое здоровье!» — «Ахъ, другъ мой!» отвѣчала жена. «Я живу, дышу для одного тебя и отказалась бы отъ всѣхъ удовольствій, если бъ знала, что причиняю тебѣ безпокойство. Но не бойся, я не чувствую ни малѣйшей усталости!» — Мысль мужа молчала и въ головѣ его раздавалось эхо, какъ въ пустой пещерѣ; но мысль жены проворчала: «Скорѣй бы ты отвязался, несносный теленокъ! Эта глупая физиономія терзаетъ меня! До сихъ поръ глупецъ не догадается, что я вышла замужъ за него только для имени, и что онъ долженъ имѣть притязаніе только на мои деньги, а не на сердце.» — Жена сказала громко: «Поди, другъ мой, въ залу, а я хочу освѣжиться.» — Мужъ едва отворотился, какъ вдругъ подбѣжалъ къ женѣ молодой вертопрахъ, на лицѣ котораго начертаны были наглость, самохвальство и развратъ — онъ подаль ей конфеточную обертку и сказалъ громко: «Посмотрите, угадаете ли вы эту шараду?» Поэтъ видѣлъ лъбыми глазами, что верто-

прахъ пожалъ руку молодой дамы, что она отвѣтствовала тѣмъ же, и что на оберткѣ написано было карандашемъ: *пора*. Мысль вертопраха шептала: «эту вѣтреницу надобно также вписать въ мой Донъ-Жуановскій списокъ и отблагодарить мужу за дружбу, угождая волю жены.» Мысль послѣ сихъ словъ прохотала. — Дама скрылась во внутреннихъ хозяйскихъ комнатахъ, и вертопрахъ послѣдовалъ за ней. Поэтъ покачалъ головою и сказалъ про себя: а я, дуракъ, завидовалъ мужу!

Въ комнатѣ передъ танцевальной залой чувствительная сцена обратила на себя вниманіе Поэта. Два высшіе чиновника, слышшіе въ свѣтъ друзьями, Орестомъ и Пиладомъ, разговаривали между собою съ нѣжностью, и пожимали другъ другу руки съ видомъ живѣйшаго участія. — «Дѣла службы разлучаютъ насъ, любезный другъ,» сказалъ одинъ: «и почетное званіе мнѣ въ тягость, потому что лишаетъ насладеній дружбы. Я только счастливъ въ мечтахъ, вспоминая то блаженное время, которое мы проводили

вмѣстѣ, и утѣшалась мыслию, что твои достоинства оцѣнены и награждены прилично.» — «А я счастливѣ тѣмъ только, что могу быть тебѣ полезнымъ,» отвѣчалъ другой. «Ты, можешь быть, не знаешь, сколько имѣешь завистниковъ и враговъ! Они перетолковываютъ всѣ твои дѣла и даже мысли, и хотятъ погубить тебя клеветою. Я одинъ защищаю тебя.» — Поэтъ между тѣмъ прислушивался лѣвымъ ухомъ. Мысль перваго говорила: «Гнусный лжецъ! Я знаю, ты опаснѣйшій врагъ мой, потому что, прикрывая свою злобу и зависть дружбою, клеветалъ на меня, принимаясь извинять приписываемые мнѣ недостатки. Отъ всего сердца желаю твоей гибели!» — Мысль втораго проворчала: «Ты мнѣ опаснѣйшій соперникъ, мой старый пріятель, ибо ты уменъ и съ твердымъ характеромъ. Но я погублю тебя непременно одними шуточками на твой счетъ. Довольно ты погордился на своемъ мѣстѣ; пора долой, пріятель!» — Такъ вотъ дружба, о которой мнѣ рассказывали чудеса! подумалъ Поэтъ, и съ горькою улыбкою перешелъ въ

танцевальную залу. — Онъ остановился возлѣ толпы мужчинъ, чтобъ слышать ихъ разговоръ. Всѣ поздравляли жениха и восхищались невѣстою, которая въ это время танцевала Французскую кадрили съ молодымъ офицеромъ. Женихъ былъ красивый мужчина лѣтъ тридцати пяти. Онъ принималъ поздравленія съ улыбкою, и весело посматривалъ на ловкую и прелестную свою невѣсту. «Ты счастливѣйшій человекъ въ мірѣ, mon cousin,» сказалъ жениху стоявшій возлѣ него человекъ, среднихъ лѣтъ, въ шитомъ кафтанѣ. «Красота, знатность, родство, связи, случай и богатство — все соединено въ твоей невѣстѣ. Но главное: ваша взаимная любовь! Примѣчаешь ли, какъ нетерпѣливо она посматриваетъ на тебя? Кажется, что она считаетъ потерянными тѣ минуты, которыя должна проводить съ другимъ, а не съ тобою. Вотъ истинное счастье!» — Поэтъ посмотрѣлъ лѣвымъ глазомъ на невѣсту, и увидѣлъ, что она пожимаетъ руку молодого офицера, своего танцора. Въ это время мысль жениха прошептала: «Глушцы! Они завиду-

дуютъ небывальщины! Мой будущій тесть кандидатъ въ банкроты, и держится только своимъ значеніемъ, а я жешось на этой кокеткѣ только для связей и для возвышенія. Она не стоитъ башмака моей Катюши! Одно утѣшеніе въ этомъ глупомъ бракѣ есть увѣренность, что она оставитъ меня въ покоѣ наслаждаться жизнью, и занимаясь кокетствомъ и парядами, не будетъ мучить своею ревностью.» Танцы кончились, и невѣста подошла къ жениху. «Я принесла для васъ жертву другъ мой,» сказала она: «но вы должны вознаградить меня за это и не оставлять цѣлый вечеръ.» Она подала ему руку, которую женихъ поцѣловалъ съ восторгомъ. Мысль невѣсты прошептала: «Ахъ, скорѣй бы дѣло это кончилось свадьбой! Тогда я буду свободна, и могу наградить за любовь моего милаго Марса! Этотъ будущій муженекъ несносенъ! Холоденъ какъ ледъ, занять собою, эгонствъ и годится только на *вывѣсту мужа.*»—Поэтъ не могъ удержаться отъ смѣха, вспомнивъ, что онъ слышалъ объ этомъ бракѣ, и сколько было завистни-

ковъ счастью будущихъ супруговъ! — «Ну, что, любезнѣйшій,» сказалъ одинъ молодой человекъ своему товарищу: «какъ идутъ твои дѣла? Ты хотѣлъ вѣхать въ Парижъ, и кажется, что если кто можетъ насладиться вполне жизнью, такъ это—ты! Богатъ, одинъ сынъ у отца, который любитъ тебя безъ памяти; тебѣ недостаетъ ничего къ полному счастью.» — Въ это время отецъ, почтенный старикъ, подошелъ къ юношѣ и сказалъ ласково: «Что жъ ты не веселишься? Я нарочно бросилъ карты, чтобъ посмотреть на твои танцы, а ты сидишь въ углу, угрюмъ и скученъ. Пожалуйста, развесясь! Твоя радость составляетъ счастье послѣднихъ дней моей жизни.» — Сынъ не отвѣчалъ ничего, но мысль его прошептала: «Неспособая, мучительная пѣзкость! Какая мнѣ польза отъ твоей привязанности, добрый старикъ? Она тягостна мнѣ, какъ оковы, въ которыхъ ты держишь меня при себѣ, заставляя жить по твоей, а не по моей воли. Стараніе твое о повышеіи моемъ въ чинахъ есть удовлетвореніе твоего собственна-

го честолюбѣ, и для того-то ты не пускаешь меня въ чужіе края! Лучше бѣ было, если бѣ ты поменьше нѣжился, а давалъ побольше денегъ и свободы.» — Поэтъ съ негодованіемъ удалился отъ неблагодарнаго, котораго однако жѣ поставляли въ свѣтъ въ примѣръ дѣтямъ, какъ нѣжнаго, послушнаго и почительнаго сына. — «Изъ этого шалуна ничего не будетъ,» думалъ отецъ: «если я не потороплюсь женить его на какойнибудь умной женщинѣ, которая, любя его самолюбно, умѣла бы возбудить въ немъ страсть къ почестямъ. Онъ только и помышляетъ объ удовольствіяхъ, а я долженъ платить долги его! Проклятый повѣса! если бѣ я не надѣялся, что онъ поддержитъ упадающее мое значеніе, я бы выпналъ его изъ дому и отдалъ все имѣніе моимъ милымъ воспитанницамъ, которыхъ онъ ненавидитъ, подозрѣвая близкое свое родство съ ними!» — «Довольно этого!» воскликнулъ Поэтъ. «Все напрасно, все презрѣно, любовь, дружба, супружество, родство! Прочь отсюда, прочь!» — Съ этими словами онъ

выбѣжалъ на лѣстницу, и пока ожидалъ лакея, который пошелъ къ каретѣ за шинелью, тихій разговоръ въ темномъ углу сѣней поразилъ его слухъ. «Сегодняшній балъ дополнимъ мой капиталецъ,» сказала двоюродная пригожей дѣвушкѣ: «Я опасаюсь оставаться долѣе въ этомъ домѣ, потому, что банкротство барина весьма близко. И такъ, милая Маша, не упрямясь и дай руку! Черезъ мѣсяць ты будешь моею женой!» — «Тише, тише, я боюсь, чтобъ насъ не подслушали, и не донесли барину,» отвѣчала горничная: «Ты знаешь, какъ онъ ревнивъ! Но я тебѣ совѣтую подождать съ полгода, пока привезутъ оброкъ изъ деревень. Баринъ обѣщаль мнѣ десять тысячъ рублей, и даже далъ росписку, а барыня также у меня въ должку за доставку записочекъ Мусье Грандбету.» — «Вотъ и вѣрные слуги!» подумалъ Поэтъ: «только этого не доставало.» — Лакей принесъ шинель, и Поэтъ хотѣлъ идти домой, не дожидаясь своего театральнаго знакомца; но вышедъ за двери, онъ увидѣлъ, что карета у подъѣзда,

и знакомецъ сидить уже въ ней и ждать его. «Садитесь!» сказалъ пожилой человѣкъ. Поэтъ сѣлъ, и карета покатила по мостовой. — «Ну, что вы теперь скажете?» спросилъ пожилой человѣкъ: «правъ ли Бомарше?» Поэтъ, вмѣсто отвѣта, ахнулъ и задумался. — «Вы поторопились оставить общество,» сказалъ пожилой человѣкъ: «и не видали и не слышали сотой доли...» — «Довольно! съ меня довольно!» возразилъ Поэтъ. «Но вы дали мнѣ слово объявить, кто вы таковы. Не мучьте меня, ради Бога! Я непременно хочу знать!» — «Вы тотчасъ узнаете это,» отвѣчалъ пожилой человѣкъ, улыбаясь: «Я вамъ сказалъ, что я *старый вайвъ знакомецъ*. Вы читали Гете?» — «Я знаю его наизусть!» — «Помните ли Фауста?» — «Какъ не помнить: это лучшее поэтическое произведеніе нашего вѣка.» — «И такъ знаете,» примолвилъ пожилой человѣкъ: «что я — Мефистофелесъ — а по-Русски: *Чортъ!*» — «Вы Мефистоф.....» Но Поэтъ не успѣлъ кончить, и очарованье уже исчезло. Онъ очутился въ своей комнаткѣ, на софѣ,

погруженный въ думу. Свѣчка догорала: было 12 часовъ ночи. Поэтъ не могъ вспомнить, спалъ ли онъ или мечталъ, и не зналъ, чему приписать видѣнное имъ, сновидѣнію ли, или просто вымыслу, произведенію согрѣтаго воображенія. Пришедъ въ себя, онъ подумалъ: «О, нѣтъ, это сонъ, а не существенность! Люди такъ добры, а большой свѣтъ есть средоточіе всѣхъ добродѣтелей и всѣхъ достоинствъ. Эти мечтанія въ головѣ моей — не что иное, какъ наитіе злаго духа, Мефистофеля. Съ нами крестная сила!» Поэтъ бросился на постель и заснулъ спокойно, не страшась ни воровъ, ни кредиторовъ, потому, что не имѣлъ ни денегъ, ни кредита.

— N° VI. —

РУССКІЙ СОЛДАТЬ.

(Сцена изъ военной жизни).

(Полкъ на походъ. Два молодые Офицера разговариваютъ между собою.)

1-й Офицеръ. Что за погода! Мокрый снѣгъ бьетъ въ лице, холодный вѣтеръ проникаетъ насквозь, а грязь по колыни!

2-й Офицеръ. Вымѣщу я все это на непріятель! Собрѣмъ мы его порядкомъ за то, что онъ заставилъ насъ мерзнуть, и упокоимъ за наши безпокойства.

1-й Офицеръ. Да вотъ плохо то, что солдаты наши крѣпко устали. (Оборачиваясь

къ старому солдату.) Что, Петровъ, тяжело путь!

Старый солдатъ. Славная дороженька, Ваше Благородіе: по ней непріятель не уйдетъ далеко. Дастъ Богъ, скоро догонимъ окаяннаго, такъ ужъ потышимся!

1-й Офицеръ. Да молодымъ-то солдатамъ каково!

Старый солдатъ. Имъ-то и переносить болѣе. Наши старыя кости пообтерлись въ походахъ, такъ и спина не такъ крѣпка подъ ранцемъ, а молодому парню что за горе! Вѣдь Русскій солдатъ, Ваше Благородіе, не съ пуховиковъ идетъ подъ ляжку, а ружье не тяжеле сохи. Посмотрите-ка, Ваше Благородіе, какъ наша молодежь поигрываетъ, да пошучиваетъ! позвольте затянуть пиясовую, такъ увидите, какъ ребята запрыгають!

2-й Офицеръ. Пѣть не вѣльно, чтобъ непріятель не зналъ о нашемъ приближеніи.

Старый солдатъ. Пусть бы хоть и зналъ, все будетъ одно и то же. Вѣдь отъ

этого онъ не выростеть, а какъ дойдетъ до схватки, такъ и безъ того сосчитаемъ, сколько у него народу, особливо какъ станемъ отбивать штыками, кому стоять, кому ложиться.

Молодой солдатъ. (*Товарищу*). Ваня! возми-ка мой ранецъ да ружье, а я сниму сапоги. Что-то надираетъ ногу, такъ пойду босикомъ. Легче будетъ.

(Товарищъ беретъ на себя ранецъ и ружье, и продолжаетъ путь, а молодой солдатъ съезъ на камнѣ, разулся и побѣжалъ догонять товарища.)

Молодой солдатъ. (*Взявъ свой ранецъ и ружье, прыгаетъ.*) Вотъ эдакъ — такъ легохонько!

Молодой Прапорщикъ. Зачѣмъ ты снялъ сапоги, Иванъ Михайловъ? Ведь ты можешь заболѣть...

Молодой солдатъ. Ужли отъ этого заболѣешь? — Бывало, въ крестьянскомъ быту, дня три сряду ходишь босикомъ по болоту, да и спишь на сырой землѣ, а не

знаешь, что такое болѣзнь. А какъ выйдешь на рыбную ловлю, или примешься лѣдъ колотъ, такъ не просыхаешь недѣли по двѣ, а все какъ съ гуся вода! — Объ этомъ не извольте беспокоиться, Ваше Благородіе! Ведь старики не даромъ говорятъ, что Русскій солдатъ ничего не боится, кромѣ гнива Божія да немилости начальниковъ.

Молодой Прапорщикъ (*другимъ офицерамъ*). Что бы сказали объ этомъ наши западные соперники!

1-й Офицеръ. Они знаютъ насъ довольно. Русскій солдатъ отрекомендовался уже и во Франціи, и въ Италиі, и столь же спокойно спалъ послѣ побѣдъ на снѣгахъ Альповъ, какъ и на льдахъ Кавказа.

2-й Офицеръ. Петровъ! ты всегда съ запасомъ. Нѣтъ ли у тебя сухаря?

Старый солдатъ. Никакъ нѣтъ, Ваше Благородіе, роздалъ моимъ ребятамъ; фуры не подоспѣли по дурной погодѣ, такъ молодежь проголодалась; да это лучше: легче и охотнѣе идти впередъ, когда надежда на обѣдъ впереди. У неприятеля-то чай манер-

ки полны, и сухарики свѣженькіе, такъ вотъ скоро мы пообѣдаемъ на ихъ счетъ, а ихъ поподуемъ нашимъ свинцовымъ горошкомъ, да штыковой кулебякой. Ёшь не хочу, а остановится въ горлѣ, не наша вина! За чѣмъ звалъ, за тѣмъ мы и пришли.

Молодой солдатъ. Мужики сказывали, что непріятель забралъ у нихъ весь скоть, и погналъ передъ собой, уходя отъ насъ. Какъ разобьемъ въ пухъ бусурмана, такъ все будетъ наше!

(За горой слышна канонада.)

Солдаты въ рядахъ. По мѣстамъ, ребята! Ага, пошла потѣха! Слава Богу, дождались! Поколотимъ, да и отдохнемъ! Впередъ, впередъ!

Офицеры. Ребята! осмотрѣть ружья, натянуть ранцы, оправиться; скоро пойдемъ въ дѣло!

Солдаты. Мы готовы! дай Богъ скорѣй!

(Первое ядро попадаетъ въ ряды, нѣсколько человекъ убито.)

Старый солдатъ. Ну вотъ этимъ привалъ! Братцы! возьмите у нихъ патроны: имъ ужъ ничего ни нужно, а мы за нихъ поработаемъ.

(Пули начинаютъ свистѣть.)

Старый солдатъ. Вотъ это каша наша! Ну слава-те, Господи, скоро прійдетъ и до штыковой раздѣлки! Скорѣй бы посогрѣться!

(Адъютантъ прискакалъ на лошади, и говорить съ Полковникомъ.)

Полковникъ. Съ права въ колонну стройся! (*колонна построилась.*) Охотники впередъ! (*Цѣлый полкъ движется впередъ.*) — Нѣтъ, братцы! не надобно всѣхъ васъ впереди. Господа Капитаны! вышлите по десятку съ роты.

Солдаты (*шепчутъ*). Ахъ, когда бы мнѣ досталось въ охотники! Дай Богъ, чтобъ на меня пришла очередь!

Адъютантъ (*подъѣзжаетъ къ Полковнику*). Генераль приказалъ вамъ вытѣснить непріятеля штыками изъ этой деревушки.

Полковникъ. Поблагодарите Генерала за эту честь! скорымъ шагомъ, маршъ!

(Застрѣльщики бѣгутъ впередъ, и перестрѣливаются съ непріятельскою цѣпью, которая отступаетъ. Непріятельскія колонны выходятъ изъ деревни, и начипаютъ батальный огонь. Русскій Полковникъ, подошедъ на близкое разстояніе, остановилъ свою колонну.)

Полковникъ. Ружье на руку! Скорымъ шагомъ, маршъ, маршъ! Бьгомъ, впередъ! Ура! (*Барабанъ бьетъ походъ.*)

Солдаты. Ура! ура! ура!

(Схватка. Крикъ, шумъ, звукъ оружія, рѣкіе выстрѣлы.)

Офицеры. Дружій, дружій! Впередъ, ребята!

Полковникъ. За Царя и за матушку Россію!

Солдаты. Ура! ура!

(Непріятель подается впередъ.)

Полковникъ. Не отставай, ребята! Бей, коли, гони! впередъ, впередъ!

(Непріятель обращаетъ тылъ.)

Солдаты. Наша взяла! впередъ, впередъ!

Полковникъ. Ура, Русскому Царю! впередъ, впередъ!

(Непріятель бѣжитъ, Русскіе солдаты бѣгутъ за нимъ вслѣдъ, по трупамъ, бьютъ и колотъ. Крикъ, стоны, вопли, выстрѣлы. Колонна скрывается въ деревнѣ, изъ которой непріятель бѣжитъ опрометью въ лѣсъ. Барабанщики бьютъ отбой. Колонны снова строятся за деревней.)

Полковникъ (*разгнѣвая по фронту.*)
Славно, братцы, славно! Петровъ, ты весь въ крови!

Старый солдатъ. Ничего, Ваше Высокоблагородіе, штыкомъ задѣли неосторожно, раза три.

Полковникъ. Такъ ступай на перевязку.

Старый солдатъ. Тамъ есть потяжеле раненые, а мнѣ не что дѣлается, еще держусь на ногахъ.

Полковникъ. Ты раненъ и въ грудь!

Старый солдатъ. Не крѣпко, Ваше Высокоблагородіе! Спасла Турецкая медаль. Штыкъ скользнулъ по ней, и прошель подь кожей.

Полковникъ. Ступай же на перевязку!

Старый солдатъ. Позвольте остаться во фронтъ, Ваше Высокоблагородіе! Хочетъ ся отплатить за угощеніе!

Полковникъ (*офицералю*). Что за созданье, Русскій солдатъ! Голодь, холодъ, нужда, раны, смерть — для него трънь-трава! А есть еще безумцы, которые безпрестанно дразнятъ Россію!

Адъютантъ. За то и пошачиваются дорого!

— № VII. —

КИНЖАЛЪ и НАГАЙКА.

(Извлеченіе изъ рукописи, приготовленной
въ печати.)

..... Крѣпости Италіи сокрушались подь мечемъ Суворова. Русскія знамена развѣвались на Альпійскихъ вершинахъ. Донскіе кони паслись на душистыхъ лугахъ, орошаемыхъ По и Адиджемъ. Исполнскими шагами шествовало воинство Русское путемъ побѣдъ къ великой цѣли успокоенія Европы. — Все предвѣщало скорое освобожденіе Италіи отъ Французовъ. Съ сухаго пути тѣснилъ ихъ Суворовъ. Съ моря угрожали со-

единственные флоты Русский, Турецкий и Английский. Адмирал Пустошкинъ дѣйствовалъ на берегахъ Адриатическихъ, Адмиралъ Ушаковъ приблизился къ Неаполю.

Раздоры и междоусобіе раздѣляли народы Италіи. Соблазнительная кокетка, мечтательная свобода, дочь Французской эфемерной Республики, свела съ ума легковѣрныхъ, обещая райское блаженство за пожертвованіе крови, золота и спокойствія. — Друзья Франціи и нововведеній рѣзались съ приверженцами прежняго порядка, вѣрными клятвамъ и престоламъ. Знаменитый Кардиналъ Руффо, поборникъ Церкви и защитникъ Государей Италіи, съ вѣрными долгу своему Италіянами, ободренный приближеніемъ Русскаго и Английскаго флотовъ, устремился къ овладѣнію Неаполемъ. Съ Русскихъ кораблей высадили шесть сотъ чело-вѣкъ опытныхъ воиновъ, въ Отранто, которые присоединились къ нестройнымъ полкамъ Кардинала Руффо, чтобъ быть ихъ путеводителями къ побѣдѣ и образцемъ въ битвахъ.

Пусть рѣзецъ Исторіи изображаетъ ве-

ликіе подвиги и славу Русскихъ въ Италіи. Слабое перо мое представить вамъ только очерки частныхъ приключеній нашихъ воиновъ, въ далѣкихъ странахъ отъ отечества.

Алексій Ярославскій, Подпоручикъ *** гренадерскаго полка, находясь съ своею ротой въ числѣ высаженныхъ войскъ, былъ раненъ пулею въ лѣвое плечо, при взятіи предмѣстья Неаполя.

Когда Неаполь сдался, и Кардиналъ Руффо двинулся къ Риму, обозы и госпитали остались въ Аверсо, небольшомъ городишкѣ, въ разстояніи одной почтовой гоньбы отъ Неаполя, служащемъ какъ бы предмѣстіемъ столицѣ. Дорога отъ Аверсо до Неаполя есть то же, что дорога отъ Петербурга до Петергофа, рядъ великолѣпныхъ загородныхъ домовъ и садовъ. Разница въ климатѣ и въ архитектурѣ. Роскошная Природа и совершенство въ произведеніяхъ Искусствъ породили пословицу: взглянуть на Неаполь, и умереть!

Русскій Подпоручикъ жидъ въ великолѣпномъ домѣ. Стѣны его спальни были оби-

ты шелковыми тканями, на мозаиковомъ полу разостланы были богатые ковры. Бронза и мраморъ блистали на карнизахъ и окнахъ; онъ лежалъ небрежно на мягкой софѣ, подъ окномъ, надъ которымъ висѣли виноградныя лозы и фиговья и гранатовья вѣтви. Отъ лимонныхъ и померанцовыхъ аллей вѣяло ароматомъ. Русскій офицеръ, съ нѣгою въ сердцѣ, смотрѣлъ на темную лазурь неба, и впивалъ душистый воздухъ. Вдругъ онъ тяжело вздохнулъ.

Возль каминна сидѣлъ, скорчась на пяткахъ, вѣстовой, и на слабомъ огнѣ согрѣвалъ припарку. Когда офицеръ вздохнулъ, вѣстовой безпокойно взглянулъ.

Подпоручикъ былъ изъ дворянъ, следовательно молодъ, ибо у насъ нѣтъ стариковъ Подпоручиковъ изъ дворянскаго сословія, когда дворянинъ хорошаго поведения, а Алексѣй Ярославскій велъ себя примѣрно, былъ любимъ товарищами и подчиненными, и уважаемъ начальниками. — Онъ былъ красавецъ собой, не потому что всѣ герои Повѣстей и Романовъ должны быть красавца-

ми, а потому что такъ случилось. — Онъ былъ, такъ сказать, образецъ Славянина, чистой крови, безъ чуждой примѣси: блондинъ, круглолицый, румяный, съ веселыми темноглубыми глазами, съ собольими бровями и рѣсницами, съ темнорусыми волосами, высокій, стройный, широкоплечій, сильный, поворотливый. Нрава онъ былъ веселаго и шутиваго, любилъ все изящное и все вкусное, красивое зданіе, хорошую картину, хорошую пищу, хорошее вино, а превыше всего — красавиць. Отличительная черта чистой Славянской крови!

Вѣстовой его, хотя также коренной Русскій, но былъ другой породы, смуглый, съ выдавшимися скулами, съ небольшими черными сверкающими глазами, черноволосый, низкаго роста, плотный, широкоплечій. Поднятые вверхъ и нафабранные усы придавали ему звѣрскій видъ, хотя онъ былъ добръ и тихъ до тѣхъ поръ, пока не раздавались командныя слова: руби, коли! — Онъ бывалъ въ походахъ съ Суворовымъ въ Турцію и Польшѣ, находился въ охотникахъ при

штурмъ Измаила и Праги; имѣлъ за отличіе и въ знакъ отличія медаль и два рубля на лбу. Святыней его были: Русской Богъ, Русской Царь, матушка Россія, Суворовъ и Русскій штыкъ, а жилъ онъ по-Русска: *ни авось* съ приговоркой: жизнь конѣйка, голова ничего. Онъ не заботился ни о чемъ на свѣтъ, какъ объ исправности своего ружья и о чистотѣ амуниціи, сналъ такъ же крѣпко въ дождь, на голой землѣ, какъ и въ Нѣмецкихъ перинахъ, и хотя, подобно всякой Божьей твари, предпочиталъ хорошую пшцу дурной, но такъ же охотно ѣлъ черствый сухарь, какъ жирное мясо, не зналъ, что такое ропотъ. — Первая забота, которая представилась ему въ жизни, было попеченіе о здоровьи Подпоручика. Онъ былъ при немъ въ сраженіи въ первой линіи стрѣлковъ, первый бросился въ штыки, по командѣ Подпоручика, и вынесъ его раненаго на рукахъ своихъ съ мѣста сраженія подъ градомъ пуль. Ласковость Подпоручика еще сильнѣе привязала къ нему стараго солдата. Русскій человекъ отъ природы разговорчивъ,

и любить, когда господа дарятъ его ласковымъ словомъ, особенно когда удостоиваютъ разговоромъ. Дальнее разстояніе отъ отечества вообще сближаетъ земляковъ, и Подпоручикъ, сверхъ душевнаго побужденія, припужденъ былъ бесѣдовать съ своимъ вѣстовымъ, чтобъ не отучиться вовсе говорить. Подпоручикъ довольно изрядно говорилъ по-Италянски, выучившись этому языку въ родительскомъ домѣ, отъ Италианца, который сперва водилъ по Россіи обезьянъ, а по смерти своихъ кормилицъ сдѣлался дистилаторомъ, и жилъ на винокуренномъ заводѣ у отца его. — Но какъ большая часть жителей Аверсо разбѣжалась, разбѣжалась или не пріѣзжала въ свои загородные дома, то въ мѣстечкѣ вовсе не было общества, и Подпоручикъ навѣщалъ только садовника того дворца (palazzo), въ которомъ отведенъ ему квартира, чтобъ совершенствоваться въ Италянскомъ языкѣ въ разговорахъ съ двумя прелестными дочерьми садовника, который, будучи приверженцемъ Короля и врагомъ Французовъ, весьма ласково при-

нималъ Русскаго офицера, пролившаго кровь за освобожденіе Италіи. Еще ласковѣе принимала его старшая дочь садовника, прелестная Маргарита, которая находила особенное удовольствіе поправлять ошибки въ произношеніи Русскаго офицера, потому что онъ говорилъ ей, хотя неправильно, такіа милыя вещи, что сердце красавицы прыгало отъ радости, и щеки покрывались румянцемъ. — Сказываютъ, будто Русскіе офицеры чрезвычайно плутоваты съ чужеземными красавицами, и нарочно притворяются полудикими, чтобъ позволять себѣ болѣе вольностей. Подпоручикъ въ двѣ недѣли такъ искусно повелъ трапезу къ сердцу Маргариты, что она уже называла его, разумѣется безъ свидѣтелей, саго Alessio, вѣрила, что ея поцѣлуи унимаютъ боль его раны, и павѣщала его, когда луна свѣтила на небѣ, чтобъ разсыть грусть его въ одиночествѣ, въ отдаленіи отъ родины.

Не извѣстно, отъ чего вздохнулъ Подпоручикъ, отъ воспоминанія ли о родинѣ, или отъ воспоминанія объ Маргаритѣ. Но

взатовой съ нетерпѣніемъ посмотрѣлъ на него, думая, что боль отъ раны мучитъ его, и что онъ требуетъ его помощи.

— «Славная сторонка, Савельевъ!» сказала Подпоручикъ.

— «Нешто, ваше благородіе!» отвѣчалъ Савельевъ, поморщась.

— «То ли дѣло, когда бѣ у насъ, на Руси, было такъ хорошо, какъ здѣсь!» примолвилъ Подпоручикъ, протягивая руку къ спѣлому персику, который, высунувшись изъ шпалера, повисъ на окнѣ.

— «Не дай-то Богъ, ваше благородіе!»

— «Что ты это говоришь, Савельевъ! Чего не далъ Богъ здышней сторонѣ! Всего вдоволь, всего чрезъ край!»

— «Нѣтъ ни ржаного хлѣба, ни квасу, ни Русской квашеной капусты, ни соленыхъ огурчиковъ.» Савельевъ облизнулся при этихъ словахъ, и проглотилъ двойную порцію воздуха.

— «А эти виноградныя кисти, а эти золотыя яблоки . . .»

— «Лакомство, ваше благородіе! Подмастишь слюнку, а въ животикъ пусто.»

— «Развѣ ты бывалъ здѣсь голодень, Савельевъ?»

«Не то, чтобъ голодень, а до сыта не наѣдался, ваше благородіе! Провалъ ихъ возьми, прости Господи, съ ихъ мочалочной лапшою (масагоні), съ ихъ воночнымъ сырромъ и съ ихъ калачами! Отдавай бы всѣ ихъ сласти за миску Русскихъ добрыхъ щей, съ кускомъ ржаного хлѣба! . . .»

— «А вино здѣшнее развѣ тебѣ не правится, Савельевъ? Ты, кажется, порядочно его потягиваешь!»

— «Куда здѣшнему вину до нашего пѣнника, ваше благородіе! Здѣшняго вина сколько ни пей, а души не веселить. Не то медовый квасъ, не то наливка, ни въ голову не лѣзетъ, ни горла не деретъ. А нашего пѣннику какъхватишь залпомъ красоулю, нинь глаза выкатятся, да чуть духъ переведешь . . . Какъ будто кто даль затрещину, только держись на ногахъ! Вода будь водой, а хмѣльное хмѣльнымъ!»

— «Развѣ ты не слыхалъ, Савельевъ, что здѣсь нѣтъ ни зимы, ни морозовъ? . . .»

— «Тѣмъ хуже, ваше благородіе! То ли дѣло Русскій трескучій морозъ! Какъ сожметъ тебя, такъ кровь выжимаетъ . . . только держись! Тутъ звать нѣкогда, какъ зѣваютъ здѣшніе разини, валяясь въ тѣни какъ боровъ, или жарясь на солнцѣ какъ бараны на вертелѣ. Морозъ не свой братъ забрыкаешь всѣми четырьмя! А какъ съ морозу-то да въ баню, ваше благородіе! А какъ разопрѣвъ въ банѣ, да въ снѣгъ, или въ воду, подѣ ледъ! Вѣдь этаго приволья чай нигдѣ нѣтъ, кромѣ какъ въ Россіи А какъ полетишь на удамой тройкѣ по ухабамъ, а тамъ за столъ, за горшокъ щей, а послѣ на печь! . . . Сердце занываетъ, ваше благородіе, какъ вспомнишь о матушкѣ Россіи! . . .» — Савельевъ утеръ кулакомъ слезу, и примолвилъ. «Ей, ей тошно на чужой сторонѣ!»

— «Оно такъ, Савельевъ! Россія мать наша, и все Русское намъ дорого, но, порой не худо побывать и на чужбинѣ. А развѣ дѣвушки-то здѣшнія не пригожи? А, Савельевъ? Напримѣръ дочь нашего садовника!»

— «Нешто, ваше благородіе, годится! А наряди ее въ Русской сарафанъ да повяжи ей повязку, такъ была бы вдесятеро лучше. Прощенья просимъ, ваше благородіе, а и у насъ, на Руси, красны дѣвицы заглядныя, полныя, *плотныя*, какъ кровь съ молокомъ! А какъ заляются въ хороводъ, какъ пристукнуть каблучками, какъ выступать лебедками, такъ ретивое радо бы выскочить, такъ глаза и разбѣгаются! . . . Одна другой красивѣе, одна другой удалѣе! Просимъ извинить ваше благородіе, а куда этимъ лапшефдамъ сравняться съ нами, Русскими! Наше и солнышко мудренѣе здѣшняго. Здѣшнѣе знай жарить да печеть, а наше то по свѣтить, то погрѣеть, то поморозить, то помочить, такъ за то оно намъ и дорого, какъ добрый, да строгой командиръ»

Вдругъ подъ окномъ послышался шепель, а за нимъ женскій голосокъ: «Signore Alessio! мнѣ надобно поговорить съ вами!»

— «Войди, милая Джульета! ты не помѣшаешь мнѣ!» отвѣчалъ Подпоручикъ, прекративъ разговоръ свой съ Савельевымъ.

Джульета была меньшая сестра Маргариты, дѣвушка лѣтъ двѣнадцати или тринадцати, съ огненными глазами и съ плутовскою въчпоулыбающеюся физиономіей, точно переодѣтый въ женское платье амуръ. Она вошла въ комнату, но Подпоручикъ къ удивленію своему, не замѣтилъ на этотъ разъ улыбки на ея розовыхъ губкахъ. Она была печальна, и на рѣсницахъ ея видны были росинки слезъ.

— «Что съ тобой сдѣлалось, милая Джульета? Что сдѣлалось съ Маргаритою! сядь здѣсь, и Расскажи мнѣ поскорѣе, ради Бога!»

Джульета сѣла на стулъ, возлѣ софы Подпоручика, взглянула на него, потомъ на небо, и вздохнула.

«Говори же, милая Джульета, что за бѣда постигла васъ?»

— «Всѣхъ насъ . . . и тебя, *signore Alessio*, тебя болѣе нежели насъ!»

— «Говори жъ, что такое?»

— «Слушай! прежде нежели вы, Русскіе и Англичане, пришли сюда, за годъ

передъ этимъ, ходилъ къ намъ въ домъ капуциновъ, патерь Гервасіо. Тогда еще была жива наша маменька. Она ласково принимала патера Гервасіо, котораго мать была ея крестною матерью. Патерь носилъ намъ подарки, дарилъ билеты въ театръ, и угождалъ папенькѣ и маменькѣ. Только мы съ Маргаритой не могли привыкнуть къ его обхожденію. Онъ такъ страшно поглядывалъ на сестру, такъ крѣпко пожималъ ей руку, когда прогуливался съ нею по саду, что она старалась избѣгать встрѣчи съ нимъ, и пряталась, когда онъ приходилъ къ намъ. Послѣ смерти маменьки онъ еще чаще сталъ навѣщать насъ, и подѣ предлогомъ утѣшенія насъ, оставался съ нами по цѣлымъ днямъ. Папенька, занимаясь въ саду съ утра до ночи, радъ былъ, что мы находимся подѣ покровительствомъ патера, почитая его другомъ нашимъ. Гервасіо притворялся набожнымъ и скромнымъ, особенно въ присутствіи папеньки. Когда жъ пришли сюда Французы, выгнали нашего добраго Короля, и посадили какое-то дерево свободы, котораго

папенька не нашелъ въ своихъ садовыхъ книгахъ, и когда они уничтожили Веру и монастыри, объявивъ, что все монахи и монашенки свободны отъ клятвъ, патерь Гервасіо тотчасъ сбросилъ съ себя рясу, и присталъ къ богоотступникамъ. Его сдѣлали Капитаномъ національной гвардіи, и онъ, въ богатомъ мундирѣ, явился къ намъ и требовалъ отъ папеньки руки Маргариты... Папенька проклиналъ его и чуть не приблизъ, а Маргарита объявила, что не будетъ никогда женою разстриги. Онъ поклялся отомстить! Долго мы не слыхали объ немъ, но вдругъ сегодня, когда Маргарита возвращалась съ рынка, Гервасіо заступилъ ей дорогу; онъ сказалъ ей, что уже нѣсколько дней скрывается здѣсь, воротившись изъ горъ, гдѣ находится его шайка, и что въ это время онъ присматривалъ за ней, и видѣлъ, какъ она въ саду.... цѣловала тебя!... Гервасіо объявилъ, что если Маргарита не согласится идти съ нимъ въ горы, и тамъ обвѣнчаться, то онъ убьетъ ее... и тебя!... Гервасіо ужасный человекъ, сущій звѣрь!

Онъ уже зарѣзалъ, въ домахъ, множество приверженцевъ нашего добраго Короля и святаго Папы; сказываютъ, что онъ продалъ душу свою чорту, и что ни пуля, ни сабля не беретъ его.... Маргарита въ отчаяннн... она проситъ тебя, чтобъ ты бѣжалъ отсюда!»

— «Бѣжалъ! мнѣ бѣжать, когда она въ опасности! Джульета! скажи Маргаритѣ, что я родомъ оттуда, гдѣ люди бѣгомъ догоняютъ непріятели, а не бѣгаютъ отъ опасности. Но гдѣ же Маргарита? зачѣмъ она не пришла сама?»

— «Она плачетъ!....»

— «Пойдемъ къ ней!»

Подпоручикъ пошелъ къ Маргаритѣ, утѣшилъ ее, успокоилъ и возвратился въ свои комнаты къ вечеру. Перевязавъ рану и легши въ постель, онъ сказалъ Савельеву:

— «Какой-то разстрига здѣшннй пререживалъ меня къ Маргаритѣ, и хотеть убить меня и ее.....»

— «Ахъ, онъ окаянннй!» воскликнулъ Савельевъ.

— «Слушай! Здѣшннє молодцы не любятъ смотрѣть въ глаза своему врагу. Ихъ дѣло убить челоувѣка изъ за угла, зарѣзать во снѣ или опонть ядомъ.»

— «Вотъ и выходитъ на мое, ваше благородіе! Чортъ ихъ побери и съ ихъ виноградомъ! Дай Богъ скорѣе на святую Русь!»

— «Надобно быть осторожннє, Савельевъ! Не страшень врагъ, опасна измѣна. Наша жизнь принадлежитъ Царю и Отечеству, и разбойникъ не долженъ тѣшиться, что убилъ въ распахъ Русскаго. — Заряди свое ружье и мои пистолеты. Запри ставни, и лягъ здѣсь, при дверяхъ.»

— «Слушаю-сь, ваше благородіе! Только бѣ этотъ не разбойникъ выстрѣлилъ изъ за угла, а коли угодно со мной перевѣдаться на чистоту, такъ просимъ не одного, а цѣлую дюжину. Меня ужъ давно охота береть почесать кулаки на зубахъ этихъ лапшеводовъ!»

— «Постели здѣсь бурку и ложись!»

Офицеры, садясь на корабли, знали, что они будутъ дѣйствовать на сухомъ пути,

и запаслись седлами и вьюками. Подпоручикъ имѣлъ при себѣ весь казачій приборъ. Въ Аверсо онъ купилъ лошадь. Савельевъ, растянувшись при дверяхъ, не забылъ положить при себѣ нагайку, которая висѣла на одномъ гвоздѣ съ буркой. Подпоручикъ вскорѣ заснулъ глубокимъ сномъ и захрапѣлъ. Савельевъ не сводилъ глазъ.

Вдругъ онъ слышалъ глухой шумъ, какъ будто что-то обтиралось объ стѣну. Савельевъ нагнулъ ухо. Со стороны сада, гдѣ было окно, все тихо. Шумъ у противоположащей стѣны, гдѣ каминъ. Слабый лунный свѣтъ проникалъ чрезъ скважины ставней. Савельевъ присѣлъ и сталъ всматриваться. Шумъ приближался, и вдругъ изъ трубы высунулись ноги въ каминъ. Савельевъ привсталъ потихоньку, и взялъ въ руку нагайку. Ноги опустились на пенелнице, и человекъ сталъ вылезать тыломъ изъ каминна. Лишь только онъ высунулъ въ комнату сторбившуюся спину, Савельевъ, со всего размаху отвѣсилъ ему ударъ нагайкой по спинѣ. Ночной разбойникъ вскрикнулъ и

покатился на полъ. Въ паденіи своемъ онъ оборвалъ веревочную лѣстницу, за которую еще держался, и изъ трубы упалъ другой разбойникъ. Савельевъ проворно схватилъ его за волосы, вытащилъ изъ каминна, и двумя ударами нагайки повалилъ безъ чувствъ на полъ, закричавъ: «къ ружью, ваше благородіе!»

Подпоручикъ вскочилъ съ постели, бросился къ окну, открылъ ставни, и схватилъ пистолеты, поспѣшилъ на помощь къ Савельеву, который между тѣмъ огрѣвалъ нагайкой двухъ разбойниковъ, валяющихся по полу, и издающихъ ужасные вопли. Савельевъ успѣлъ выхватить у нихъ книжалы, заткнутые за поясомъ. Избитые, такъ сказать, на мякоть, покрытые синими пятнами отъ жестокихъ ударовъ нагайки, отъ которой нѣжное тѣло Италіянцевъ, непривыкшихъ къ побоямъ, страдало болѣе нежели отъ ударовъ сабли, разбойники, почти безъ дыханія, дали связать себя. Савельевъ взялъ ружье и сталъ при нихъ на часахъ, до утра.

Одинъ изъ пльнныхъ былъ разстрига Гервасіо; другой товарищъ изъ его разбойничей шайки, которую онъ собралъ въ горахъ.

Садовникъ, отецъ Маргариты, чрезвычайно обрадовался этому происшествію. Узнавъ, что пойманъ злодѣй, который хотѣлъ умертвить дочь его и Русскаго офицера, садовникъ запрягъ лошадь въ телѣгу, уложилъ на нее избитыхъ разбойниковъ, и повезъ ихъ въ ратушу. Савельевъ привязалъ два отнятые у разбойниковъ кинжала на конецъ нагайки, закинулъ ее на плечо, и съѣлъ торжественно за телѣгою. Кинжалы надлежало представить въ Судъ, а нагайку показать, какъ оружіе, которымъ нанесены тяжкіе удары разбойникамъ.

Въ одно мгновеніе это происшествіе сдѣлалось извѣстнымъ всемъ жителямъ Аверсо. Они выбѣгали изъ домовъ, и толпой провожали телѣгу, восклицая: «Да здравствуютъ Русскіе!»

Всѣ рѣшили, что Русская нагайка крѣпче измѣническаго кинжала.

Разбойниковъ, разумеется, повѣсили. А что сталося съ Маргаритой? — Обыкновенно, что бываетъ съ дѣвушками, которые влюбляются въ своихъ постояльцевъ не равного съ ними состоянія. Поплакали, поцѣловались — и разстались... И умно сдѣлали!

— № VIII. —

КАБАЛИСТИКЪ.

(Предисловіе.)

Вообще жалуется на Журналистовъ, что они много обещаютъ, а мало даютъ. — Эй полно! одни ли Журналисты поступаютъ такимъ образомъ! Какъ бы то ни было, но я беру на себя отвѣтственность за всѣхъ своихъ собратій, и теперь же намѣренъ заплатить весь нашъ общій долгъ. Если вамъ казалось, любезные читатели, что Журналы не удовлетворяютъ вашимъ ожиданіямъ, то вотъ я однимъ разомъ удовлетворю васъ за

прошлое и будущее. Я открою вамъ *тайну*, за которую гонялись всѣ мудрецы древности и всѣ современные глупцы, тайну, скрывавшуюся нѣкогда въ подземельяхъ Египетскихъ храмовъ, въ книгахъ Сивиллы и подъ треножникомъ храма Дельфійскаго, а нынѣ кроющуюся въ кофейныхъ и въ колоды картъ. Вы догадываетесь, что я хочу вамъ открыть средство *знать будущее*. — Точно такъ. Довольны ли вы? — Раздумайте хорошенько. Я увѣренъ, что многіе будутъ весьма довольны. Вообразите, что за радость знать, когда именно старый и ревнивый мужъ возвратится домой; знать, когда преполнится чаша мздовозданія, и придетъ сладостное время: *блаженствовать въ отставку подъ судомъ**; знать, что станется съ нами, съ нашею женою, дѣтьми, родными, пріятелями; какой конецъ примутъ наши дѣла и начинанія; знать, какая будетъ погода, и читая газеты разгадывать всѣ запутанно-

* Безсмертный, характеристическій стихъ покойнаго А. Е. Измайлова, живой отрывокъ современной Исторіи: блаженствуетъ въ отставку, подъ судомъ. —

сти политики. А если вамъ угодно будетъ позабавиться, то вы можете знать всё сплетни и всё домашнія тайны всѣхъ вашихъ знакомыхъ. Вотъ какую тайну открою я вамъ, любезные читатели, но только *съ условіемъ и не даромъ*. Вы знаете, что кромѣ напастей и клеветы, ничто въ свѣтъ не приходитъ даромъ. Вы должны прежде выслушать одно изъ моихъ похощеній, и если послѣ этого захотите знать будущее, прошу извѣстить меня. Тайна будетъ объявлена немедленно. И такъ просимъ прислушать.

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ ПАМЯТНЫХЪ ЗАПИСОКЪ.

.... «Въ полку нашемъ служилъ Поручикомъ Князь Иванъ Н., прекрасный молодой человекъ, съ доброю душою, съ умомъ пылкимъ и образованнымъ. Мы были друзьями. — Семейный процессъ и предполагаемая женитьба призывали его въ Петербургъ. Меня манила туда любовь. Отправившись въ отпускъ, мы поѣхали вмѣстѣ, на почтовыхъ, въ экипажѣ Князя.

Содержатели почтовыхъ станцій въ Остѣ-

Зейскихъ провинціяхъ подчинили безусловно своей волѣ проѣжающихъ по собственной надобности. — Станціонный Смотритель или хозяинъ подаютъ вамъ, съ улыбкою, *чертуго пилеу*, если вамъ вздумается излить гнѣвъ вашъ въ жалобахъ; а если вамъ захочется погорячиться на словахъ, то они закурятъ трубку, прождутъ хладнокровно вашъ пароксизмъ, и, наконецъ, поставятъ на своемъ. Такимъ образомъ, не взвѣря на наши увѣренія, что коляска наша легка, что дорога впереди хороша, хозяинъ станціи велѣлъ впрячь шестерку лошадей, и не согласился дать намъ форрейтера. Поставленный по ряду съ мызы работникъ на станцію, произведенный наканунѣ изъ пастуховъ въ ямщики, кое-какъ взобрался на козлы, взявъ въ одну руку вожжи отъ шести лошадей, махнулъ длиннымъ бичемъ, и лошади пошли съ мѣста рысцою. До половины дороги ямщикъ долженъ былъ пощипать лошадей, но когда пришло спускаться съ крутой горы, то имъ вздумалось потѣшиться и поскákatъ. Переднія лошади запутались въ по-

стромкахъ и остановились; но накатившаяся коляска ударила дышловыхъ, тѣ дернули въ сторону; переднія, испугавшись, бросились въ другую; ямщикъ кинулъ вожжи и соскочилъ съ козелъ, и, въ одну секунду, коляска наша попала въ роуль, опрокинулась на всемъ конскомъ скаку, и мы вылетѣли изъ нее, какъ пробка изъ шампанскихъ бутылокъ. Я уткнулся головой въ песокъ и чуть не сломилъ шею, а мой товарищъ, Князь, ударился о камень, повредилъ кисть правой руки, и больно зашибъ ногу. — Опомнившись, я бросился помогать ему, но не имѣлъ ни какихъ къ тому средствъ въ чистомъ полѣ. Слуга нашъ также больно ушибся, и едва могъ стоять на ногахъ. Я хотѣлъ отпрячь лошадей и скакать въ ближнее селеніе, чтобъ перевезти Князя на телегъ на станцію, какъ вдругъ показался изъ-за горы экипажъ. Въ прекрасномъ ландо, запряженномъ четырьмя отличными лошадьми, сидѣла дама съ двумя дѣтьми и съ молодымъ человѣкомъ, гувернеромъ, какъ послѣ оказалось. Увидѣвъ нашу коляску во рву, дама приказала своему ку-

черу остановиться, и вышла изъ своего экипажа. Едва я успѣлъ ей объяснить наше происшествіе, она велѣла своимъ людямъ положить Князя, бережно, въ свой экипажъ, сѣла рядомъ съ нимъ, оставила дѣтей съ гувернеромъ при мнѣ, и уѣхала на свою мызу, прося меня подождать нѣсколько. Черезъ полчаса тотъ же экипажъ возвратился за нами, а за нашей коляской прислали лошадей. Проѣхавъ съ версту по большой дорогѣ, мы своротили въ сторону, и чрезъ нѣсколько минутъ очутились у воротъ великолѣпной и обширной мызы. — Я нашелъ Князя въ постель и уже перевязаннаго. Домашній докторъ сидѣлъ у изголовья его постели, и приготавливалъ питье. Больной требовалъ успокоенія; мнѣ отвели особую комнату.

Чрезъ часъ меня позвали къ чаю. Въ залѣ встрѣтилъ меня хозяинъ дома, Баронъ N. N., мужъ той прекрасной дамы, которая такъ великодушно предложила намъ помощь и гостепріимство. Меня подразо морозомъ по кожѣ, когда я взглянулъ на него. Онъ былъ лѣтъ сорока пяти, высокій, тощій,

блѣдный, съ прозрачными, неподвижными глазами съ пасмурною физиономіей. Взглядъ его обдавалъ холодомъ; слова, которыя онъ произносилъ, будто выходили изъ ледянаго грѣба. Улыбка, по видимому, никогда не оживляла лица его. Принявъ равнодушно изъясненіе моея благодарности, онъ предложилъ мнѣ мѣсто возлѣ жены своей, и, сѣвъ въ кресла, спустилъ голову на грудь, и задумался. Нѣсколько разъ любезная хозяйка старалась вмѣшаться въ общій разговоръ, чтобъ разсѣять его задумчивость, но отвѣты его всегда были коротки и односложны. Ни ласки дѣтей, ни вниманіе жены, ни присутствіе гостя не могли извлечь его изъ мрачной задумчивости и согрѣть душу. Онъ былъ какъ мраморный.

Выздоровленіе Князя шло медленно, а между тѣмъ я подружился со всѣми въ домѣ, и приобрѣлъ благосклонность доброй нашей хозяйки. Въ двѣ педѣли я не замѣтилъ, чтобъ Баронъ хотя однажды улыбнулся, или обратилъ на что либо вниманіе. Онъ ѣлъ, пилъ, ходилъ, говорилъ—какъ машина, какъ

автоматъ. Я душевно сожалѣлъ о доброй, умной и миловидной Баронессѣ, осужденной влачить печальную жизнь съ этимъ трупомъ; сожалѣлъ о милыхъ дѣтяхъ, лишенныхъ отцовскихъ ласкъ и нѣжности.

Я пытался разспросить доктора и гувернера о причинѣ этой мрачной меланхоліи, которою одержимъ былъ Баронъ, слывшій, впрочемъ, человѣкомъ умнымъ, сострадательнымъ и благодѣтельнымъ. Докторъ и гувернеръ пожимали плечами, и молчали. Однажды я осмѣлился даже спросить Баронессу. Она заплакала и не отвѣчала. Баронъ появлялся въ семьѣ своей тогда только, когда она собиралась къ обѣду и къ ужину, и все время проводилъ въ уединеніи, или запершись въ своей комнатѣ, или бродя по саду, по парку и по полямъ.

Въ домѣ все означало порядокъ, довольство и благосостояніе. Казалось, всѣ были счастливы кромѣ хозяина и хозяйки, терзавшейся страданіями мужа.

Наконецъ здоровье Князя поправилось. Онъ могъ уже выходить изъ комнаты, и мы

стали собираться въ путь. Докторъ совѣтовалъ Князю остаться еще на нѣсколько дней, пока пройдетъ опухоль, и самъ хозяинъ упросилъ Князя не торопиться.

Наканунъ нашего отъѣзда мы прогуливались съ Княземъ въ паркѣ. Ночь была тихая и теплая. Мы сѣли на скамью, въ бесѣдкѣ изъ акацій, и стали разговаривать о нашихъ дѣлахъ, планахъ и надеждахъ въ будущемъ.

Князь былъ склоненъ къ мечтательности. Изложивъ предо мною всѣ свои сомнѣнія всѣ опасенія и всѣ надежды на счетъ будущей своей участи, онъ сказалъ: «Я бы далъ десять лѣтъ жизни, чтобъ прозрѣть въ будущее; чтобъ узнать, что ожидаетъ меня впереди, и чѣмъ кончатся всѣ мои предпріятыя. Если я выиграю процессъ — я буду богатъ; если же шось по выбору моей матери и моему собственному, буду вдвое богаче, и притомъ счастливъ тогда я вступлю на дипломатическое поприще, или поселюсь въ столицѣ, и стану жить для Наукъ, Искусствъ . . . Какъ жаль, что въ наше время нѣтъ ни

Астрологовъ, ни прорицателей! Я бы отдалъ половину имѣнія, чтобъ узнать будущее . . .» Вдругъ листья зашесвелились и предъ нимъ предсталъ Баронъ, какъ привидѣнiе. Мы такъ были поражены внезапнымъ его появленiемъ, что не тронулись съ мѣста, смотрѣли на него съ какимъ-то страхомъ, и не могли произнести ни слова.

— «Вы хотите знать будущее, Князь!» сказала Баронъ: «Да избавить васъ Богъ отъ этого! — Это величайшее несчастiе, какое только можетъ постигнуть человека, потому что познанiе будущаго лишаетъ его единственныхъ благъ въ жизни: *мечтанiй* и *надеждъ*. Я знаю будущее, и отдалъ бы три четверти жизни и все мое имѣнiе, чтобы не знать его! . . .»

Мы съ удивленiемъ посмотрѣли другъ на друга и на Барона, который стоялъ передъ нами неподвижно, устремивъ взоръ на небо. Слезы катились по блѣдному его лицу. Изъ груди вырывались тяжкiе вздохи.

Онъ сѣлъ между нами и сказалъ: «Вы-

слушайте несчастную мою историю, и да послужитъ она вамъ урокомъ!

«Три года предъ снмъ я былъ счастливѣйшимъ человекомъ въ мѣрѣ: здоровъ, богатъ, чистъ совѣстью, мужъ милой и доброй жены, отецъ прелестныхъ и умныхъ дѣтокъ... Избытокъ счастья мучить меня и заставлялъ искать того, что мнѣ было нужно. Я полюбилъ мистическія гаданія и изысканія. Случай свелъ меня съ однимъ жидомъ, который постигъ древною Кабалистику, и смотрѣлъ въ будущее, какъ въ зеркало. Онъ умеръ въ моемъ домѣ, и при дверяхъ гроба открылъ мнѣ свою тайну. Я только однажды заглянулъ въ будущее, и съ тѣхъ поръ счастье мое рушилось навѣки!

«Вы вѣрно удивлялись холодности моей съ женою и съ дѣтьми. Могу ли я быть иначе съ ними, когда я знаю, что чрезъ два года она измѣнитъ мнѣ, оставитъ дѣтей и уйдетъ съ любовникомъ! Могу ли наслаждаться невинными ласками дѣтей, когда знаю, что одинъ изъ сыновей моихъ кончитъ жизнь на висѣлицѣ, другой промотаетъ все мое на-

сѣдіе и съ отчаянія бросится въ пучину разврата. Можетъ ли радовать меня что-либо въ домѣ, когда я знаю, что чрезъ сто лѣтъ здѣсь не останется камня на камнѣ. На самомъ этомъ мѣстѣ будетъ жестокое сраженіе. Домъ мой, оранжереи будутъ разбиты ядрами и сожжены, садъ и паркъ вырублены, и чрезъ десять лѣтъ послѣ того, мѣсто это заростетъ травою и заглохнетъ. Желая спасти имя мое отъ забвенія и поношенія, я хотѣлъ было броситься въ авторство, въ которомъ имѣлъ бы успѣхъ; но къ чему бы все это послужило, когда чрезъ пятьсотъ лѣтъ долженъ произойти переворотъ во всѣхъ планетахъ солнечной системы, и всѣ наши дѣла будутъ погребены въ забвеніе, какъ послѣ потопа! — Пятьсотъ, тысяча, сто тысячъ лѣтъ — меньше, нежели одно мгновеніе въ сравненіи съ вѣчностью!... На что я ни взгляну, во всемъ я вижу только тлѣніе и разрушеніе, вижу зародыши смерти, преступленія, забвенія, несчастія, страданій. Наслажденія и радости мелькаютъ, какъ перелетныя искры въ мракѣ. Будущее есть мракъ

нал бездна, которая поглощает и въки и минуты, и существенное и умственное, передь которымъ прошлое есть то же, что нуль передь цифрою: *ничто!* И такъ стоитъ ли жить, стоитъ ли мыслить.».....

Баронъ хотѣлъ продолжать, но вдругъ подоспѣлъ докторъ и почти насильно утащилъ его домой. Мы остались на мѣсть, какъ громомъ пораженные, и возвратились въ наши комнаты, въ безмолвіи раздумывая о слышанномъ. Докторъ навѣстилъ насъ. «Теперь вы можете разгадать причину меланхоли Барона,» сказалъ онъ. «Сегодня на него нашель пароксизмъ. Онъ.....» Докторъ замолчалъ, и только провелъ пальцемъ кружокъ на своемъ лбу. Мы догадались, что Баронъ помѣшался въ умъ.

Баронъ помѣшанъ. Но кто бы не помѣшался въ умъ, если бъ ему въ самомъ дѣлѣ открылось будущее, и еслибъ онъ видѣлъ впереди послѣдствія надеждъ своихъ и ожиданій; если бы на лицѣ милыхъ сердцу онъ читалъ будущія бѣдствія и страданія, и если бъ міръ представлялся ему кучею буду-

щихъ развалинъ? Князь раскаялся въ своемъ желаніи знать будущее, и я увѣренъ, что каждый, кто только захочетъ подумать объ этомъ, сознается, что жизнь наша только и усладительна *ожиданіями* и *надеждами*, и что существенность хороша только въ *воспоминаніяхъ*.

На другое утро мы уѣхали, не видавъ Барона. Онъ лежалъ больной въ постель.

Если кто либо изъ читателей захочетъ послѣ этого знать будущее, я ворочусь къ Барону, узнаю отъ него кабалистическую тайну, и передамъ ее, не прикасаясь къ ней.
— Жду отвѣта.

— № IX. —

ВОДОВОЗЪ,

или

ИСТОРИЯ МОЕЙ КВАРТИРЫ.

Приди, суди, карай лукавыхъ...

Державинъ

Вы знаете, что въ Петербургъ есть особый разрядъ рабочихъ людей, которые занимаются исключительно доставкой воды и оскою дровъ къ жильцамъ, нанимающимъ лишнихъ лошадей и многолюдной дворни. Они называются водовозами, и суть вообще люди честные и трудолюбивые, ибо трудолюбіе родная сестра честности. Въ домъ,

въ которомъ я жилъ (за долго предъ симъ) былъ водовозъ Иванъ (по прозванію Владимірецъ), которой обратилъ на себя мое вниманіе своимъ исполненнымъ ростомъ, необыкновенною силою и свѣжестью лица въ возрастъ, близкомъ къ старости. Онъ былъ человекъ веселый, шутилъ остро и благопристойно съ пригожими служанками и лакеями, и разосилъ тяжелыя ноши по высокимъ лѣстницамъ, напѣвая, въ полголоса, плясовыя пѣсенки. — Въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, я замѣтилъ, что Иванъ никогда не заходилъ въ мою квартиру, даже когда служители мои его звали, но всегда посылалъ своего племянника, который работалъ подъ его надзоромъ. Однажды я позвалъ Ивана къ себѣ, поподчивалъ водкой, и спросилъ, почему онъ самъ не работаетъ у меня. — «Ахъ, баринъ!» отвѣчалъ Иванъ: «скажу тебѣ правду. Мнѣ тяжело на сердцѣ, когда я прохожу по вашей лѣстницѣ, и если бъ не привычка и не добрые хозяева здѣшняго дома, то я бы давно бросилъ все, и убрался подалѣе отсюда. Извините, добрый баринъ, а

у меня и теперь навертываются слезы, как я подумаю. . . » Иванъ обтеръ рукавомъ слезы; и хотѣлъ выйти изъ комнаты, но я удержалъ его. — «Расскажи мнѣ, пожалуйста, почему тебѣ не мила моя лѣстница? Что здѣсь случилось?» — «Здѣсь было дѣло не хорошее, Ваше Благоудіе! Я хотѣлъ бы, чтобъ про это забылъ Богъ, такъ какъ забываютъ добрые люди! Хотѣ мнѣ и горько припоминать это, но я расскажу вамъ, если приказываете.

«Лѣтъ за десять передъ этимъ, жилъ въ вашей квартирѣ молодой баринъ. Онъ перѣхалъ сюда изъ Подьяческой, изъ дома каретника. Пока у молодого барина отецъ былъ живъ, такъ онъ занималъ малую квартиру, имѣлъ при себѣ одного человѣка и жилъ смиренхонько; а какъ родитель, говоря о человѣкѣ добрый, закрылъ глаза, такъ молодой баринъ и пустился во всѣ тяжкія. Бывало, что день **Божья**, то пиръ горой, а ночи на пролетъ картежь, пѣсни, да разныя музыкы, ну словно въ балаганѣ подъ качелями. Старикъ, Прошка, который былъ при

молодомъ баринѣ дядькой, и послѣ жилъ при немъ въ Питерѣ, когда отецъ выслалъ его на службу, бывало плачетъ украдкой, да молится, чтобъ Господь послалъ разумъ барину. Но видно, Господу угодно было поустить на него погибель. Баринъ бывало тѣшится надъ Прошкой, брызжетъ ему въ лице репскимъ, хлопаетъ по носу картами, и хохочетъ до упаду, когда старикъ со слезами станетъ просить, чтобъ онъ опомнился. Этимъ безпутемъ прожилъ молодой баринъ въ здѣшнемъ домѣ ровно годъ и шесть недѣль, а послѣ сталъ искать себѣ другой квартиры, поболье этой. Прошка сказалъ мнѣ, что баринъ хочетъ жениться на дочери богатаго купца, которому за свои денежки захотѣлось одворяниться. Порядочнаго-то онъ видно не сыскалъ, такъ задумалъ дочку кой-за кого, только бы величали ее высокоблагородною. Ну ужъ эти купцы, прости Господи! Готовы броситься въ омутъ и съ своими деньгами, только бѣ не быть тѣмъ, чѣмъ ихъ Богъ создалъ! Да не въ томъ дѣло.

«Молодому барину вздумалось угостить

у себя чаемъ будущую невесту, со всей ея родней. Нанесли всякой всячины изъ конфектиныхъ да изъ Милотинныхъ лавокъ, а квартиру съ утра убрали и повычистили. Лакеямъ хоть и много было дѣла, но они ради были, что работаютъ, не для объѣдалъ, не для картежниковъ, да не для комедианщицъ и плясуней, которыя обдирали ихъ барина. — Къ вечеру съѣхались гости, барышни разряженные какъ куколки, а парни вертлявые и растрепанные, словно княжата или баричи. Я стоялъ у подъезда, да любовался. — День былъ праздничный и работы мало, такъ я съѣлъ у воротъ на столбикъ, да и сталъ раздумывать кой о чемъ. Проживъ лѣтъ двадцать въ Питеръ, посмотрись всякой всячины, такъ есть о чемъ и порасказать и пораздумать. Вдругъ изъ-за угла прыгъ молодая дѣвочка, да и стала примехонько передо мной. Я взглянулъ — и, признаться, тогда былъ помоложе, такъ у меня по сердцу мурашки пробѣжали! — Расказать не умью, что за красавица! Я невольно вскочилъ съ мѣста и поклонился ей,

какъ будто квартальному: «Здѣшній ли ты, добрый человекъ?» спросила она. «Здѣшній, барышня, а что прикажете?» — «Знаешь ли ты барина, который живетъ вотъ въ этихъ окнахъ?» — «Какъ не знать, сударыня! я пошу къ нему воду.» — «Правда ли, что онъ женится?» — «Сказываютъ такъ, и сегодня у него пирушка для невестинной родни. Вотъ за полчаса и она сама прѣехала, да такая плотная и толстая, что чай сажени двѣ дровъ перетянетъ.» — Тутъ молодая дѣвочка поблѣднѣла, какъ холстъ. «Проведи меня къ нему, добрый человекъ!» сказала она такимъ голосомъ, какъ будто у нея горлышко стянуло. — «Эхъ, барышня! что вамъ тамъ дѣлать! Тамъ все нарядныя барышни и званья, а вы хоть и лучше ихъ всѣхъ, да не изволили принарядиться, такъ боюсь, чтобъ вамъ не было стыдно передъ ними.» — «Мнѣ не донарядовъ, другъ мой!» сказала она, утирая слезы, и я самъ чуть не заплакалъ тутъ же, не зная и не вѣдая, объ чемъ и про что. — «Не прикажете ли позвать Прошку, его дядьку? Человекъ онъ

добрый, и если вамъ, барышня, угодно что либо сказать молодому барину, то Прошка перескажетъ.» — «Нѣтъ, другъ мой!» отвѣчала барышня: «я уже много разъ писала къ этому барину, но онъ не отвѣчаетъ мнѣ, такъ и теперѣ отпуститъ безъ отвѣта. Я хочу сама повидаться съ нимъ, и при его невѣстѣ напомнить ему, что онъ обѣщаль мнѣ....» Тутъ барышня заплакала. Я хотѣлъ было совѣтовать ей, но она не слушала меня и такъ жалостно сказала: «Ради Бога, проводи меня, добрый человекъ! я боюсь, чтобъ у меня ноги не подкосились,» что я, не говоря ни слова и вовсе не раздумывая, повелъ ее по лѣстницѣ.»

«Въ суетахъ люди не заперли дверей въ передней, и барышня вошла туда. По несчастью, баринъ въ это самое время проходилъ черезъ залу, и заглянулъ въ переднюю. Увидѣвъ барышню, онъ запыхтѣлъ и заревѣлъ какъ медвѣдь. «Ты зачѣмъ здѣсь?» закричалъ онъ, и не дожидаясь отвѣта, схватилъ бѣдняжку за плечи и вытолкалъ за дверь. — «Злодѣй сказала барышня, уцѣпясь

за него, какъ голубица за коршуна. «Развѣ ты забылъ свои клятвы и обѣщанія? Не для себя пришла я напомнить тебѣ о твоёмъ обѣщаніи жениться на мнѣ, а для *нашего* дитяти.... Ты обманулъ меня притворною любовью и клятвами, говорилъ, что только страхъ прогнѣвить отца удерживаетъ тебя отъ женитьбы....» «Пошла вонъ, негодная!» заревѣлъ баринъ и.... Господи воля твоя.... какъ толкнетъ бѣдняжку ногой и руками, такъ она и покатилась по лѣстницѣ, какъ красное яблочко. Баринъ захлопнулъ двери, а я бросился помогать несчастной. Взялъ ее на руки и понесъ въ избу къ дворнику, послалъ его за цирюльникомъ, а самъ сталъ обливать водой да тереть льдомъ барышню, которая лежала на скамьѣ безъ духу, блѣдная какъ смерть. Пока пришелъ цирюльничекъ, барышня ожила. Она болѣе не плакала и не жаловалась, а только вздыхала, сидя молча на скамьѣ, да смотря въ землю. Отдохнувъ, она велѣла мнѣ сыскать извощика и выходя изъ дому, сняла съ груди косыночку, подала мнѣ и ска-

зала: «Возьми это себѣ на память, добрый человекъ! Денегъ у меня нѣтъ съ собой, а то бы наградила тебя.» — Денегъ бы я не взялъ, хоть бы она давала мнѣ тысячу рублей, а косыночку я взялъ и положилъ за образъ, проводилъ барышню до дрожекъ, и когда она уѣхала, помолился Богу, чтобъ онъ поберегъ ее.

«Но видно, ей написано было на роду погибнуть отъ злаго человека. На другой день наши водовозы нашли мертвое тѣло у Каликина моста. Меня какъ морозъ подраля по кожѣ, когда я узналъ объ этомъ! Я тотчасъ побѣжалъ на Съезжую, и узналъ, что это тѣло той самой барышни!»....

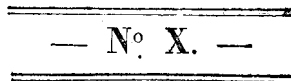
Иванъ горько заплакалъ, и облегчивъ грусть слезами, продолжалъ: «Пронка сказалъ мнѣ, что баринъ его, живя на квартирѣ въ Подъяческой, смашилъ дочь хозяина, и точно обѣщалъ жениться на ней, но что по смерти отца раздумалъ и, уже мѣсяца съ четыре, не велѣлъ пускать ее на глаза. — Пронка былъ человекъ богомольный, и узнавъ о смерти обманутой дѣвушки, запла-

калъ вмѣстѣ со мною и сказалъ: «Богъ накажетъ убійцу!»

«И наказалъ Богъ убійцу. Молодой баринъ женился на купеческой дочкѣ, и поѣхалъ съ ней за море мотать Русскія денежки. Но вотъ что случилось. Въ барышню, которую онъ погубилъ обманомъ, былъ влюбленъ подмастерье ея отца. Этотъ парень, послѣ смерти дѣвушки, пошелъ въ службу, и такъ отличился на войнѣ, что на другой годъ произведенъ въ офицеры и выпущенъ въ отставку за ранами; онъ поѣхалъ туда же, за море, отыскалъ молодаго барина и принудилъ его драться съ собой, на пистолетахъ. Пуля нашла виноватаго, и молодой баринъ сложилъ кости въ чужой землѣ.....» Иванъ кончилъ рассказъ и вышелъ.

Смѣйтесь надо мной! Я не могъ жить спокойно въ этой квартирѣ. Образъ несчастной утопленницы преслѣдовалъ меня, и шумъ разврата, которымъ безчестный соблазнитель хотѣлъ заглушить гласъ совѣсти, раздавался безпрерывно въ тихомъ моемъ кабинетѣ. Я съѣхалъ съ квартиры, которая

возбуждала непріятныя впечатлѣнія даже въ необразованномъ, но честномъ Русскомъ мужичкѣ, и (опять смѣйтесь надо мной) за большую честь поставляю себя, если водовозъ Иванъ прійдетъ, въ праздникъ, навѣстить меня, нежели, когда messieurs du bon ton пожалуютъ ко мнѣ на устрицы.

ЗУБЪ ЧИНГИСЬ-ХАНА.

(Извлеченіе изъ Арабской рукописи, сожженной Омаромъ въ Александрійской библиотекѣ.)

—

Ни одинъ изъ Восточныхъ Владѣтелей не достигъ до такой степени величія, не приобрѣлъ такой славы и не пользовался такимъ уваженіемъ, какъ Чингисъ-Ханъ. Овладевъ насильно всѣми Монгольскими племенами, онъ въ теченіи двадцати лѣтъ покорилъ оружіемъ всѣ страны между Пекиномъ и Кіевомъ, сжегъ знаменитѣйшіе и

*

богатѣйшіе города Азіи, Бухару, Балку, Самаркандъ, Пекинъ, Таигутъ и множество другихъ, и истребилъ мечемъ и пламенемъ до шести миллионовъ людей, обоего пола и всякаго возраста, какъ говорится, для острастки и въ урокъ прочимъ. Люди всегда благодарны за хорошее наставленіе. Современники Чингисъ-Хана почти не знали даже имени его отца, а потомство позабыло сего почтеннаго старца, который управлялъ отечески небольшою Ордою, состоявшею изъ 50 семействъ, не пролилъ ни капли человѣческой крови, былъ правосуденъ, снисходителенъ къ слабостямъ, и дѣлился послѣднимъ съ немущими. Но современники почти боготворили Чингисъ-Хана, за то, что онъ жарилъ женъ, дѣтей и старцевъ въ пламени покоряемыхъ имъ городовъ, варилъ въ котлахъ начальниковъ побѣжденныхъ народовъ, и, для избѣжанія всякихъ споровъ при дѣлежѣ, забиралъ себѣ все имущество покоренныхъ. Потомство оказалось столь же справедливымъ, какъ и современники, и каждый юноша прежде

услышитъ съ каедры имя Чингиса, нежелая узнать, кто изобрѣлъ книгопечатаніе и компасъ, утвердившіе на Земномъ Шарѣ царство просвѣщенія и торговли, сихъ прародительницъ законовъ, мира и человеколюбія. — Чингисъ-Ханъ, какъ умный человекъ, зналъ, чѣмъ можно понравиться людямъ и заслужить навѣки мѣсто въ ихъ памяти, а потому и душилъ однихъ безъ милосердія, а тѣхъ, которые помогали ему жечь и рвать, награждалъ безъ всякой мѣры и вѣсу. — Слѣдствія доказали, что Чингисъ-Ханъ шелъ самымъ краткимъ и самымъ вѣрнымъ путемъ къ историческому бессмертію.

По взятіи Пекина, Чингисъ-Ханъ велѣлъ сжечь городъ, перебить безъ пощады всѣхъ жителей, а богатство ихъ отдать на разграбленіе своимъ Монголамъ. Въ станѣ Монгольскомъ славословили, восхваляли доброго Хана, столь щедрого къ своимъ воинамъ и столь попечительнаго о ихъ выгодахъ, а въ городѣ ничего не говорили, ибо мертвые безмолвны, а укрывающіеся отъ

смерти молчаливы. — Городъ Пекпнъ горъль ровно мѣсяць, освѣжая и украшая темныя лѣтнія ночи. Въ эту пору прогуливался Чингисъ-Ханъ, отдыхавшій днемъ въ своей палаткѣ, и любуясь пожаромъ, сожалѣлъ, что городъ не вдвое больше. Въ одну изъ сихъ свѣтлыхъ отъ пожара ночей, отрядъ Монголовъ, высланный изъ лагеря для развѣдовъ, пригналъ къ подножью холма, на которомъ возвышалась палатка Чингисъ-Ханова, сто тысячъ барановъ, двадцать тысячъ головъ рогатаго скота, десять тысячъ человекъ обоего пола и всякаго возраста, и до пяти тысячъ лошадей, навьюченныхъ рисомъ и пшеномъ. Войско Чингисъ-Хана состояло изъ миллиона Монголовъ, а отрядъ, возвратившійся изъ развѣда, изоста тысячъ человекъ; следовательно добыча казалась Чингисъ-Хану столь незначительною, что онъ едва не разсердился, насунилъ брови и смотрѣлъ изъ подлѣбья на добычу, рассчитывая, что всего этого едва станеть войску на закуску. Присемъ должно замѣтить, что Монголы, сколь ни умѣренны

были въ пищѣ, но ѣли за десятерыхъ помя каждой побѣды, ибо удача и не Монголовъ располагаетъ къ веселію, а въ родѣ челоѣческомъ радость обнаруживается обжорствомъ, т. е. пиршествомъ, при которомъ пьютъ за здоровье виновника веселья кумысъ или вино, потомъ или ссорятся, или заболѣваютъ отъ переполненія желудка и проч. и проч. и проч.

И такъ Чингисъ стоялъ на холмѣ, и смотрѣлъ то на станъ свой, то на горящій городъ, то на пригнанную добычу, а между тѣмъ бараны блеяли, быки мычали, кони ржали, бѣдные Китайскіе пѣшники, лежа отъ усталости на травѣ, вытаращивали сплюсненные свои глаза, чтобъ увидѣть боготворимаго завоевателя, а прекрасныя Китайки, поглядывая умильно на маленькія свои ножки и на толстый станъ, надѣялись овладѣть сердцемъ его и проклинали (разумѣется въ умѣ) дикихъ воиновъ, принудившихъ ихъ итти пѣшкомъ, переваливаясь со стороны на сторону. — Возль Чингисъ-Хана стоялъ по правую сторону воспитатель

его, Карахаръ, который двадцать два года сряду удивлялся, что уроки его о человеколюбии и умеренности въ желаніяхъ принесли въ воспитанникъ его столь сочные плоды; по лѣвую сторону находился первый Членъ Совѣта Чингисъ-Ханова, мудрый Тлетхусай, который, будучи не педагогомъ, а практикомъ въ жизни, ничему въ мірѣ не удивлялся, какъ только глупости Китайцевъ, которые, будучи во сто десять разъ сильнѣе войска Чингисъ-Ханова, позволяютъ Монголамъ рѣзать и себя, и своихъ барановъ.

«Вели скоть и хлѣбъ отдать войску,» сказалъ Чингисъ-Ханъ, обращаясь къ Тлетхусай: «а людей — перерѣзать!»

— «То есть, скоть перерѣзать и отдать войску,» возразилъ Тлетхусай, какъ будто не вслушавшись въ слова своего повелителя.

— «Войны перерѣжутъ скоть и безъ моего приказанія,» примолвилъ Чингисъ-Ханъ: «я тебѣ говорю: вели перерѣзать людей!»

— «Позволь мнѣ спросить: зачѣмъ это?» сказала мудрый Тлетхусай.

— «Зачѣмъ, чтобъ было менѣе дураковъ на свѣтѣ,» отвѣчала хладнокровно Чингисъ-Ханъ.

— «Но осмѣлюсь доложить тебѣ, Государь!» возразилъ Тлетхусай: «что солнце равно свѣтитъ для дураковъ, какъ и для умныхъ, и Земля равно питаетъ ихъ, и при томъ едва ли даже не лучше питаетъ дураковъ, нежели умныхъ.»

— «Вотъ потому-то именно я и истребляю ихъ,» сказалъ Чингисъ-Ханъ. «Если бъ солнце опасалось, что дураки разобьютъ его своимъ крѣпкимъ лбомъ,» примолвилъ онъ: «то сожгло бы ихъ до этого своими лучами, а если бъ Земля была увѣрена, что дураки своротятъ ее съ мѣста, то разступилась бы подъ ними и поглотила ихъ. Солнце и Земля оставляютъ дураковъ въ покоѣ, потому, что они имъ не вредны, а я долженъ ихъ рѣзать, потому, что если они опомнятся отъ перваго страха, то подъ предводительствомъ умныхъ людей, и будучи

сильнѣ насъ, могутъ истребить насъ въ своей стражѣ.»

— «Прости великодушно смѣлости моей, Государь!» сказала Тлетхусай: «но я хотѣла бы знать, какая польза отъ завоеванія Царства безъ жителей? Не лучше ли привлечь ихъ къ себѣ милостію и равною мѣрою добра вознаградить за причиненное имъ зло....»

— «Мнѣ нѣкогда заниматься этими пустяками! Мнѣ суждено покорить міръ, а по дорогѣ къ этому я хочу истребить всѣхъ жителей Китайскаго Государства,» сказалъ Чингисъ-Ханъ съ гнѣвомъ: «хочу превратить всѣ здѣшнія плодоносныя поля, въ степи, и оставляю въ живыхъ однихъ неспособныхъ носить оружіе, чтобъ они пасли стада для продовольствія моихъ войскъ, когда я буду возвращаться въ Монголію послѣ покоренія Индіи и Персіи (*). Но

* Историческая истина. Чингисъ-Ханъ точно намеревался исполнить сіе намѣреніе, и отказался отъ оного по совѣту любимца своего Тлетхусая.

какъ всѣ эти пѣльники, мужчины, женщины и дѣти, столь крѣпки, что могутъ вти пѣшкомъ, паровѣ съ моими всадниками — то эти пѣльники могутъ также владѣть кое-какимъ истребительнымъ орудіемъ — и такъ — смерть имъ!»

Историки замѣчаютъ, что всѣ воспитатели знатныхъ и богатыхъ людей, на Востоку, по большей части лѣстцы и великіе плуты. Потерявъ всякое значеніе у воспитанниковъ своихъ при закрытіи учебной книги, а во время воспитанія завися всегда отъ прихоти родителей, иногда же и отъ прихоти избалованныхъ дѣтей, бѣдныя воспитатели удерживаются въ милости и утѣхѣ и у другихъ одною только лѣстью. Таковъ былъ и Карахаръ. Примѣтивъ по грозному голосу Чингисъ-Хана, что онъ не стерпитъ дальнѣйшихъ возраженій, и видя, что смѣлый Тлетхусай умолкъ и отступилъ шагъ назадъ, Карахаръ сдѣлалъ шагъ впередъ, поклонился три раза до земли и, опустивъ глаза, сказалъ: «Солнце премудрости, звезда могущества, созвѣздіе право-

судія! Воля твоя есть кумысь предусмотрительности съ примѣсю чувствительности и Изыщнаго. Нынѣ Китай, населенный какъ муравейникъ, представляетъ самое отвратительное зрѣлище. На каждомъ шагу города, села, пашни, сады, каналы и дороги загромождали Природу, а люди отняли у нея все права. Но когда мощная твоя десница превратитъ сіе тѣсное для многихъ милліоновъ людей Государство въ степи и пустыни, тогда Природа воспріемлетъ прежнія свои преимущества, и земля украсится своими произведеніями по собственной воли. Ревъ многочисленныхъ стадъ и дикихъ звѣрей возвѣститъ торжество Природы и мудрости Великаго Кагаша Монголіи и всего міра!»

Воспитаникъ, какъ всегда почти случается, былъ умнѣе своего воспитателя. Но счастье, сила и мечъ затмили умъ Чингисъ-Хаана, точно такъ же, какъ они затмили и затмятъ умы и умишки многихъ другихъ смертныхъ. Почти не слушая словъ Каракара, онъ однако жъ надувался отъ гордо-

сти, и вдругъ обороты къ Тлетхусаю, сказалъ: «Ты знаешь, что я объявилъ совершенную въротерпимость въ подвластныхъ мнѣ царствахъ, и позволилъ каждому молиться какъ угодно, лишь бы каждый платилъ подать и дрался за меня, когда я потребую. Нѣкоторымъ племенамъ Туркестанскимъ вздумалось боготворить меня, и мнѣ сказывали, что многіе изъ здѣшнихъ жителей поклоняются мнѣ въ своихъ храмахъ. Я не хочу стѣснять ни чьей совѣсти, а потому отдай приказъ моимъ Баскакамъ, чтобъ они не тревожили народа на счетъ вѣры...»

— «Государь!» возразилъ мудрый Тлетхусай: «любя тебя искренно, я бы хотѣлъ, чтобъ покоренные народы не *боготворили тебя но молились за тебя!* Люди готовы поклоняться всему, что только наводитъ на нихъ страхъ. Они боготворили тигра, змѣю, крокодила, и поклонялись самому дьяволу! — Изъ сего боготворенія не слѣдуетъ еще, чтобъ тигръ, змѣя, крокодилъ и дьяволъ были божества, но симъ явственно доказывается, что глупость и страхъ

силѣ дѣйствуютъ въ человѣкѣ, чѣмъ мудрость и мужество. Ужели ты, мудрый Государь, позволишь, чтобъ эти жалкія твари тебя боготворили?»

— «Я тебѣ уже сказалъ,» возразилъ Чингисъ-Ханъ, съ гнѣвомъ: «что я все позволяю въ предметахъ богослуженія и вѣры, следовательно ничего не могу и не долженъ запрещать! Но ты, слабый старецъ!» приговорилъ Чингисъ-Ханъ съ насмѣшкой и угрозою: «ты, почитающій себя мудрымъ, ужели осмѣлился возмечтать, что тебѣ открыта книга судебъ и уставъ предопредѣленія? — Ты знаешь пророчество, которымъ предсказано мнѣ владычество надъ міромъ; но знаешь ли ты, кто я таковъ, въ образѣ человѣка? Кому опредѣлено властвовать надъ міромъ, тотъ не можетъ быть простымъ смертнымъ...» Чингисъ-Ханъ не могъ продолжать своей рѣчи, схватился рукою за щеку свою и захохотъ. Тлетхусай и Карахаръ испугались. «Что съ тобой сдѣлалось, Государь?» спросилъ первый. «Зубъ, проклятый зубъ!» воскликнулъ Чингисъ-Ханъ. «Я

чувствую ужасную боль, какъ будто кто жжетъ меня раскаленнымъ желѣзомъ. Въ головѣ горитъ и всѣ жилы раздуваются... Пособите мнѣ... или я брошусь въ пламя пылающаго города... Что за мученія!... Ой, ой, ой!» — Чингисъ-Ханъ вбѣжалъ въ свою палатку, и обернувъ голову шубой, бросился на холодную постель, стоная и охая.

Тлетхусай вскочилъ на коня, и поскакалъ по лагерю искать человѣка, который могъ бы пособить Чингисъ-Хану. Въ войскѣ Чингиса много было искусниковъ выбивать и ломать зубы, но не нашлось ни одного, который бы умѣлъ лечить ихъ. Съ отчаяніемъ въ сердцѣ возвратился Тлетхусай въ ставку своего повелителя, который ревель какъ дикій вепрь, и грозился сжечь цѣлый міръ, если ему не будетъ легче. Карахаръ спрятался отъ страха подъ спящаго верблюда, и молилъ Бога, чтобъ онъ прекратилъ смертію или исцѣленіемъ страданія ужаснаго его питомца. Между тѣмъ Тлетхусай вздумалъ спросить у Китайскихъ плѣнниковъ, нѣтъ ли

между ними зубнаго врача. Одинъ старецъ всталъ съ земли, и сказалъ, что онъ беретъ въ одно мгновеніе утишить боль, если Чингисъ-Ханъ позволитъ ему говорить съ собой, ибо до сихъ поръ никто изъ побѣжденныхъ не говорилъ съ завоевателемъ, и онъ ничего не слышалъ изъ устъ ихъ, кромѣ стонувъ и воплей отчаянья. Доложили Хану, и онъ велѣлъ немедленно призвать Китайца.

Исторія умалчиваетъ о чудесномъ средствѣ, которымъ Китаецъ изцѣлилъ, въ одно мгновеніе, Чингисъ-Хана. Онъ такъ былъ радъ, что позволилъ пльнику поцѣловать прахъ ногъ своихъ, и поглаживая свою бороду, сказалъ: «Ну, говори, чего ты хочешь?»

— «Великій Каганъ!» сказалъ Китаецъ: «ты испыталъ теперь боль, которая казалась тебѣ превосходящею всѣ муки; но есть боль, которая въ тысячу разъ превосходитъ зубную. Насильственная разлука съ милою женою, съ добрыми дѣтьми, съ друзьями; гибель отечества, исторженіе силою плода

трудоу, униженіе и гибель братій, производятъ въ сердцѣ язву, которая ноетъ съ сильнѣйшею болью, нежели гнилой зубъ. Я не боюсь тебя, Государь, потому, что я ничего не надѣюсь и ничего не желаю, и не дорожу жизнью, потерявъ все, что украшало и услаждало ее, и не страшась тебя, а хочу сказать тебѣ правду. Ты облилъ кровью Китай, истребилъ нѣсколько царствъ для того только, чтобъ люди удивлялись тебѣ, и почитали тебя великимъ. Мудрые удивляются Конфуцію, и почитаютъ его выше всѣхъ смертныхъ за одно правило: не дѣлай того другому, чего себѣ не желаешь. Тебѣ удивляются одни дураки, ибо всякому известно, что нѣтъ ничего легче, какъ истребить, и нѣтъ ничего труднѣе, какъ создать, и говорить о твоёмъ величии, какъ о великой бурѣ, о большемъ пожарѣ! Гнилой зубъ твой напомнилъ тебѣ, что ты смертный и подверженъ страданіямъ, какъ мы всѣ, твои пльники. И ты имѣешь женъ и дѣтей; и ты подверженъ божескому правосудію, какъ мы подвержены твоей волѣ; и тебѣ

предстоятъ потери чувствительнѣе зубной боли, ибо если бы сердце твое было тверже жернова, то оно сокрушится предъ силою небеснаго правосудія! — Помни, что одно твое слово истребленія пораждаетъ въ миллионъ сердець боль ужаснѣе зубной боли, и не забывай, что у тебя есть гнилой зубъ, который воздастъ тебѣ за чужія страданія....» Чингисъ-Ханъ хотѣлъ было пиваться, но зубъ снова запыль, и онъ замолчалъ. — «Перестань молоть вздоръ,» сказалъ онъ Китайцу, «и объяви скорѣй, чего ты хочешь въ награду за мое исцѣленіе.» — «Я хотѣлъ только сказать тебѣ правду,» отвѣчала Китаецъ: «ничего болѣе для себя не желаю. Но какъ ты такой же человекъ, какъ я, то, по закону Конфуція, я обязанъ любить тебя и даже за зло желать тебѣ добра, а потому и совѣтую тебѣ перестать жечь наши города и села, и убивать несчастныхъ моихъ земляковъ, чтобъ зубная боль не переселилась въ твое сердце, а отъ этой болѣзни нѣтъ лекарства!»

Чингисъ-Ханъ задумался, потомъ кликнулъ

Тлстхусая, и сказалъ ему: «Отдай приказъ войску завтра выступить въ походъ. Я перемѣнилъ намѣреніе, и не хочу истреблять всѣхъ жителей Китая. Пойдемъ въ Персію, а этого старика возьмемъ съ собою. Я дамъ ему мѣсто въ моемъ Советѣ.»

Проходя отъ Пеккина до Персіи, Чингисъ-Ханъ не жегъ, не грабилъ и не убивалъ жителей. Китаецъ думалъ, что Ханъ исправился и перемѣнилъ образъ мыслей на счетъ завоеваній, и потому сжалившись надъ нимъ, выдернулъ у него гнилой зубъ. Вскорѣ послѣ этого Китаецъ умеръ, и Чингисъ-Ханъ, помня наставленія его, не пилъ ничего слишкомъ горячаго и слишкомъ холоднаго, не промачивалъ ногъ, не спалъ на сырой землѣ и, сожигая города и села, велѣлъ ставить ставку свою *подалѣе* отъ пожара, чтобъ избѣжать простуды, отъ внезапной перемѣны воздуха. Такимъ образомъ онъ избавился зубной боли. Все прочее забылъ Чингисъ-Ханъ, вмѣстѣ съ потерю гнилаго зуба. Восточный Историкъ, который кетати и некетати пестрѣтъ кингу

свою нравуученіями, замѣчаетъ по сему случаю, что почти всѣ люди помнить только тѣ наставленія, которыя выгодны и полезны для нихъ лично, а по прошествіи страданія или опасности, забываютъ весьма скоро то, что полезно и выгодно для другихъ. Я не вѣрю Восточному Исторіку; однако жъ желалъ бы, чтобъ у каждаго человѣка, который замышляетъ что нибудь злое противу своихъ ближнихъ, въ самое это время заболѣлъ зубъ, и чтобъ тутъ же нашелся человѣкъ, который бы сказалъ ему правду смѣло и откровенно.

— № XI. —

ДУХЪ ФОНЪ-ВЛЗИНА
НА НИЖЕГОРОДСКОЙ ЯРМАРКѢ.

(Сновидѣніе бодрствующаго.)

Ч а ц к і й.

Дома новы, но предразсудки стары:
Порадуйтесь, не истребятъ
Ни годы ихъ, ни моды, ни пожары.

Ф а м у с о в ъ.

Эй! завяжи на память узелокъ!
Просишь я помолчать—не велика услуга.

Гривовдовъ. *(Горе отъ ума.)*

Съ необыкновеннымъ чувствомъ смотрѣлъ я на площадь, покрытую движущимися толпами народа, на этотъ маскарадъ,

въ которомъ, перемѣшаны разнородныя племена, съ различными понятіями о Богѣ, о Природѣ, о гражданственности, о наслажденіяхъ и горестяхъ, и соединенныя одною притягательною силою — выгодною. — Выгода! вотъ тотъ Архимедовъ рычагъ, которымъ можно сдвинуть съ мѣста міръ, опершись на сердце человеческое; выгода! вотъ фокусъ того зажигательнаго стекла, которымъ можно сжечь вселенную, сосредоточивъ на одну точку лучи всѣхъ страстей. — Скажите мнѣ, Философы, что поддерживаетъ шаткій гражданственный міръ?... Разумъ, добродѣтель..... Вѣрю! вѣрю! — Но ты, просвѣщенная, могущественная Англія, соизнайся мнѣ, для чего содержишь ты многочисленныя флоты, которыми ты опоясала земной шаръ? Уже ли для распространенія законовъ Ньютона и Рожера Бакона, для водворенія правилъ Бентама и Говарда, для сообщенія красоть Шекспира и Байрона? — А ты, могучій исполинъ, Наполеонъ, зачѣмъ ты овладѣлъ Италіей и Германіей, зачѣмъ хотѣлъ поработить Пиренейскій полуостровъ

и устремился на Россію? — Не уже ли для распространенія открытій Шантала, Тенара, Кювье, для просвѣщенія умовъ гениальными произведеніями Монтаня и Монтескіе, для доставленія наслажденій прелестями любимаго твоего поэта, Корнеля? — Всего этого я не нахожу ни въ Англійскомъ тарифѣ, ни въ континентальной системѣ!...

Вижу безпрестанно, что люди дѣйствуютъ умомъ, силою, жертвуютъ добродѣтельно для приобрѣтенія выгодъ, не жалуютъ для этого ни крови, ни пота; но до сихъ поръ не подмѣтилъ, чтобъ они жертвовали выгодами своими для приобрѣтенія ума и добродѣтели....

Не подмѣтилъ отъ того, что я принадлежу къ старому вѣку, къ вѣку скептицизма, эмпиризма, къ вѣку положительныхъ познаній и сужденій, основанныхъ на опытѣ. Нашъ вѣкъ еще носилъ на себѣ клеймо феодалной грубости, которое новыя преобразователи хотѣли смѣть нашею кровью. Мы были еще простодушны и въ открытіяхъ нашихъ, и въ заблужденіяхъ, и шли ощупно

къ усовершеніямъ, не довѣряя своимъ силамъ. А теперь я слышу, что настала вѣкъ совершенства, вѣкъ всезнанія, въ которомъ все рѣшается по теоріи вѣроятностей (*calcul de probabilité*), а точность и опытъ и положительность почитаются принадлежностями невѣжества. Смиряюсь и сознаюсь въ ничтожествѣ моемъ предъ нынѣшнимъ величіемъ! Я не понимаю нынѣшняго вѣка, и потому не умѣю судить объ немъ, какъ судить современные Философы. Я долженъ вѣрить имъ на слово, что нынѣшній вѣкъ лучше прошлаго, ибо споръ не поможетъ. Мы чувствуемъ, мыслимъ и понимаемъ иначе. Мы почитаемъ даромъ неба простое изобрѣтеніе прививанія оспы, а нынѣ поютъ похвальныя пѣсни холерѣ и чуму выводить на комическую сцену. Мы заботились о прокормленіи рабочаго класса, а нынѣ думаютъ только о подмазываніи машинъ. Въ нашъ вѣкъ писали противу убійствъ, насилія, разврата, грабежа, а теперь только и пишутъ, что объ убійствахъ, развратѣ и злодѣйствахъ. — Нынѣ тѣмъ *слышатъ*, чѣмъ прежде *стра-*

щали! — Въ наше время были еще *Недоросли*, а нынѣ молодые дворяне въ лѣта Митрофанушки уже законодатели и Философы. Въ наше время *Бригадиры* бивали женъ своихъ, а *Бригадирши* скряжничали; нынѣ жены водятъ за носъ мужей, почище Бригадира, и не только Генеральши, но Прапорщицы и даже купчихи умѣютъ мотать по всѣмъ четыремъ правиламъ Арифметики. Я долженъ вѣрить, что нынѣшній вѣкъ лучше и просвѣщеннѣе нашего прошлаго вѣка, и если бѣ теперь появился Фонтъ - Визинъ, онъ долженъ былъ бы переломить перо свое.

— «Онъ здѣсь!» раздался голосъ позади меня.

Я обернулся, и увидѣлъ незнакомца въ кафтанѣ стариннаго Французскаго покроя, въ треугольной шляпѣ, со взбитыми пуклями на вискахъ, подъ пудрою. Лице его было полное, красное, взоръ пронизательный. Онъ смотрѣлъ на меня, прищуря глаза, и улыбался иронически.

— «Я тотъ самый Денисъ Ивановъ

сынъ фонъ-Визинъ, о которомъ ты вспомнилъ теперь,» сказалъ онъ, приподнявъ шляпу и поклонясь мнѣ вѣжливо.

— «Какъ! Авторъ *Бригадира*, *Недоросля*, *Посланія къ слугамъ!*» воскликнулъ я въ недоумѣнн, замѣтивъ съ удовольствіемъ, что незнакомецъ точно похожъ на портреты и на бюстъ фонъ-Визина.

— «Тотъ самый!»

— «Помилуйте, да вы умерли!» сказала я въ страхъ.

— «Умеръ Денисъ Ивановичъ фонъ-Визинъ, Статскій Совѣтникъ, чиновникъ Коллеги Иностранныхъ Дѣлъ и Членъ Россійской Академіи, *» отвѣчалъ онъ, улыбаясь: «но Авторъ фонъ-Визинъ — живъ! — Ты знаешь, что Авторы, признанные публикою въ семь званій — бессмертны!»

* См. Опытъ Краткой Исторіи Русской Словесности, соч. Н. И. Греча, изд. первое, стр. 195, книгу, которую великіе наши Ученые брали въ Московскихъ Журналахъ, и которую всѣ немилосердо *общицаваютъ* (не говорю обкрадываютъ), какъ только придется писать Биографіи Русскихъ Писателей.

— «То есть.»... Я хотѣлъ возражать, но онъ не далъ мнѣ вымолвить ни слова и сказалъ:

— «Ты сомнѣваешься! Безразсудный! Если ты можешь вѣрить въ Гомеопатію, въ справедливость современной Исторіи, въ Метафизику, въ магнетическое ясновидѣніе и во множество вещей, которыхъ я не хочу называть по имени, то какъ же не хочешь вѣрить, что духъ мой, духъ фонъ-Визина, можетъ навѣщать иногда писателей и бесѣдовать съ ними! Покайся—и вѣрь! Я духъ Автора *Бригадира* и *Недоросля*: я фонъ-Визинъ! Я сжался надъ тобою, подслушавъ, что ты мелешь вздоръ, пустившись въ глупыя философскія разсужденія, которыхъ публика не любитъ, какъ большой лекарства, и пришелъ потолковать съ тобою»....

— «Помилуйте, Денисъ Ивановичъ! Я хотѣлъ философствовать. Нынѣ вѣкъ Философіи»....

— «Такой же вѣкъ глупостей, какъ и прежній,» возразилъ духъ фонъ-Визина.

— «Извините, Денисъ Ивановичъ! —

Нынѣ вѣкъ разума и гениальности. Въ этомъ убѣряютъ меня всѣ внуки мои и племянники и ихъ пріатели. Прежде надлежало вѣкъ учиться и написать фоліанты, чтобъ прослыть Философомъ, а нынѣ, безбородые юноши, которые не умѣютъ написать правильно трехъ строкъ сряду, судятъ о томъ даже, чего вовсе не знаютъ, и рѣшаютъ то, о чемъ не имѣютъ понятія... Нынѣ...»

— «Та же глупость, только въ другомъ видѣ,» подхватилъ духъ фонъ-Визипа.

— «Видно вы рѣдко посѣщаете здѣшній міръ, Денисъ Ивановичъ, когда изволите такъ говорить.— Я слыхалъ, что вы списывали съ натуры всѣ дѣйствующія лица въ *Бригадиръ* и *Недоросль*. Убѣряю васъ, что нынѣ все измѣнилось, и что вы не найдете теперь въ цѣлой Россіи, не только *Бригадира* и *Недоросля*, но даже ни одного лица изъ ихъ свиты, кромѣ *Кутейкина*, который нынѣ сдѣлался великимъ Философомъ и обучаетъ уже *задѣмъ* не Митрофанушку, но учитъ *задѣмъ* цѣлый міръ по теоріи Изящ-

ныхъ Искусствъ и Умозрительной Философіи....»

— «Новое доказательство глупости нынѣшняго вѣка,» примолвилъ духъ фонъ-Визипа. «Но вѣрь мнѣ, что не одинъ мой Кутейкинъ существуетъ и здравствуетъ во всей красѣ. Всѣ мои дѣтки живутъ, растутъ, зрѣютъ, плодятся и населяютъ землю, какъ было прежде... Только, подобно Кутейкину, въ другомъ видѣ, въ другихъ формахъ.»

— «Какъ, неужели и Недоросль?» спросилъ я недоувѣрчиво.

— «Митрофанушекъ-то именно и больше всего,» отвѣчалъ духъ фонъ-Визипа. «Смотри, вотъ цѣлая ихъ толпа передъ нами!?»

— «Помилуйте! Всѣ эти молодые люди мнѣ знакомы. Одинъ изъ нихъ чиновникъ, числящійся по особымъ порученіямъ и находящійся въ безсрочномъ отпускѣ. Другой отставной Гвардіи Прапорщикъ, поселившійся въ деревнѣ для личнаго собиранія доходовъ и наслажденія свободою. Третій Остзейскій неслужащій дворянинъ, который цѣлые три года состоялъ въ Университет-

скомъ списокъ. Четвертый, Русскій дворянинъ, который отъ того только не служить, что не хочетъ начать съ мелкихъ должностей, и что у насъ нѣтъ обычая поступать прямо изъ школы въ Министры. Пятый, сынъ богатаго купца, который ждетъ только, пока сестра его выйдетъ за-мужъ за Генерала или за значительнаго статскаго чиновника, чтобъ опредѣлиться въ службу, потому, что имѣть отвращеніе отъ купческаго званія, будучи воспитанъ вмѣстѣ съ дворянскими дѣтьми во Французскомъ пансіонѣ. Шестой, Литовскій *Панизь*, который не хочетъ служить отъ того единственно, что надѣется, со временемъ, быть избраннымъ въ Короли. Седьмой не можетъ принять на себя никакой обязанности, потому, что занять Шеллинговой Философіей, въ которой уже дошелъ до абсолюта, т. е. до *нулл*. Восьмой....»

— «Довольно, довольно и этого для доказательства, что Митрофанушки не переменились у насъ!» сказалъ духъ фонъ-Визина, съ улыбкою. «Скажи мнѣ, по совѣсти, раз-

въ отъ этихъ господинокъ болѣе пользы отечеству и человечеству, чѣмъ отъ моего *Недоросля*? Развѣ ихъ занятія важнѣе, чѣмъ занятія Митрофанушки на голубятнѣ? — Вся разница въ томъ, что нынѣшніе Митрофанушки говорятъ вздоръ готовыми Французскими фразами, одѣваются не въ Тришкинъ кафтанъ, а по Парижскимъ картинкамъ, и что они находятся подъ покровительствомъ, не илии Еремеевны, а какихъ нибудь знатныхъ или богатыхъ тетусекъ и бабушекъ. — Въ Русской Грамматикѣ нынѣшніе Митрофанушки, право, не сильнѣе моего Недоросля, хотя и знаютъ, что дверь не есть имя прилагательное, потому что прилагается къ ушкамъ на крючьяхъ; при всемъ томъ они, также какъ и мой Митрофанъ, не напишутъ письма безъ двадцати ошибокъ въ десяти строкахъ. Нынѣшніе Митрофанушки, хотя знаютъ наизусть *имена* всѣхъ Наукъ, но смыслятъ въ нихъ едва ли не столько, сколько смыслилъ мой *Недоросль* въ *Географіи* и *Исторіи*. Мой Митрофанъ былъ еще умнѣ нынѣшнихъ Митрофану-

шекъ, потому, что сознавался чистосердечно: *«то не хочется учиться, а хочется жениться»*, и не судилъ о томъ, чего не понимаетъ; а нынѣшніе Митрофанушки, мало того, что судятъ о томъ, чего не понимаютъ, но хватаютъ ученьемъ, ничему не выучившись, и женятся безъ охоты, по расчету. Вѣрь мнѣ, что нынѣ Митрофанушекъ столько же, сколько ихъ было и въ мое время; но мой Митрофанъ былъ *въ чернѣ*, а нынѣшніе Митрофаны *отдѣланы окончателно* и покрыты *лакомъ!* . . . »

Я не смѣлъ спорить, но хотѣлъ другими примѣрами заставить его признать нынѣшній вѣкъ превосходнѣе прежняго и сказаль: «Пусть такъ; но гдѣ же вы отыщете нынѣ маменьку Митрофанушки, Простакову? Гдѣ нынѣ подлинникъ ея мужа?»

— «Да ихъ, братецъ, полнымъ полнехонько!» отвѣчалъ духъ фонъ - Визина. «Конечно, нынѣ деревенская барыня не дерется сама съ лакеями и кучерами, но поручаетъ эти хлопоты прикацику или дворецкому, предоставляя себѣ невинное на-

слаженіе трепать по щекамъ приближенныхъ своихъ служанокъ. Нынѣшняя барыня не станетъ, какъ моя Простакова, ссылаться на указъ о вольности Дворянства, чтобъ поддержать права свои на произвольное наказаніе своихъ людей, но подведетъ вамъ указецъ кстатѣ и вернетъ крючекъ не хуже подьячаго, выгнаннаго изъ службы за взятки. — Нынѣшняя Простакова не станетъ называть покорнаго мужа своего, при людяхъ и въ глаза, дуракомъ и болваномъ, но будетъ дурачить его всю жизнь и обходиться съ нимъ, какъ съ болваномъ. . . . »

Въ это время подъѣхала къ гостинице двору огромная четверомѣстная карета, *сложенная дома*, собственными мастеровыми, запряженная шестью разношерстными лошадьми. Изъ кареты вышла сперва толстая барыня въ модномъ чепцѣ, надѣтомъ на затылокъ, въ фальшивыхъ пукляхъ, въ цвѣтномъ клоукѣ, вышитомъ узорами домашними швеями. За нею вылезъ тощій мужъ, въ изношенномъ спортукѣ, и мальчикъ лѣтъ тринадцати, который, вылезая, ударилъ щелчкомъ въ носъ

лакея, взявшаго его подъ руку. — Барыня остановилась, посмотрѣла гнѣвно на кучера, и, сказавъ: «Постой, любезный, ужъ я прикажу расчитаться съ тобою дворецкому!» — пошла къ лавкамъ. Увидѣвъ лужу, она обернулась къ лакею и закричала: «Что ты, болванъ, не возьмешь на руки ребенка! Развѣ не видишь!» потомъ взглянувъ съ презрительною улыбкою на мужа, примолвила: «Ну, что жъ ты, Иванъ Егоровичъ, призадумался? Вѣдь, кажется, надобно подать руку женѣ!» Потомъ, покачавъ головою, примолвила въ полголоса: «Господи, воля твоя, что это за человекъ!» — Мужъ подбѣжалъ къ женѣ, покашливая, и она, опершись на него, храбро перешагнула черезъ лужу въ сажень длиною, и пошла въ лавку. Мужъ последовалъ за нею въ молчаніи, ощущывая бумажникъ, а сынокъ, котораго несъ лакей, тормошилъ его за усы, хохоча во все горло. Лакей морщился, приговаривая: «да не извольте драться, Никита Ивановичъ! Вѣдь ей, ей больно!»

— «Ну... вотъ тебѣ и полный экзем-

пляръ семейства Простаковыхъ!» сказала духъ фонъ-Визина. «Разница въ томъ, что мужъ — бывший Земскій Судья и Штабъ-Офицеръ, что жена говоритъ по-Французски Нижегородскимъ нарѣчіемъ, и что при Никитушкѣ не Вральманъ кучеръ, но спаснійся отъ рекрутскаго набора (конскрипціи) Французъ, подмастерья часовыхъ дѣлъ, который, оставшись на квартиру, въ это время объясняется въ любви съ старшею дочерью современной Простаковой»...

— «Признаюсь, что это немножко походить на семейство Простаковыхъ», сказала я. — «Но ужъ воля ваша, Денисъ Ивановичъ, а вы вѣрно не найдете въ нынѣшнее время ни одного Тараса Скотиннина!»

Духъ фонъ-Визина расхохотался. — «А какъ ты назовешь помѣщика, который, закупорившись въ деревнѣ, не знаетъ и знать не хочетъ ничего, кромѣ своихъ крестьянъ и доходовъ; который не заботится ни о славъ отечества, ни о благѣ челоѣчества, ничего не читаетъ, кромѣ *прибавлений къ вѣдомостямъ*, ничего не пишетъ, кромѣ явоч-

ныхъ прошеній; для котораго не существуетъ ни Литература, ни Изящныя Искусства, который знаетъ о Политикѣ только по рекрутскимъ наборамъ? — Развѣ у насъ нѣтъ такихъ помѣщиковъ? — Правда, что нынѣшніе Тарасы Скотинины могутъ прочесть сами *скоронисъ*, и даже отвѣчать на письмо — (безъ *тѣй* и знаковъ препинанія), что у нихъ уже страсть не къ свиньямъ, а къ благороднымъ животнымъ, къ лошадямъ, къ собакамъ, или къ мериносамъ; но существенное все то же: та же страсть къ скотамъ и то же отвращеніе отъ всего человѣческаго, т. е. отъ всего, что облагораживаетъ человека. — Нынѣшніе Скотинины не отзываются на перекличкѣ громкимъ голосомъ, какъ отзывался мой Скотининъ на Свѣзжей; но увѣряю тебя, что мой Тарасъ былъ не послѣдній въ родѣ, и что племя его не перелось; а блаженствуетъ на Руси тихомолкомъ. — Загляни въ Газетную Экспедицію Почтамта и во всѣ списки подписчиковъ на книги! Тамъ ты не найдешь имени Скотининыхъ, но за то имена ихъ покоятся подѣ

спудомъ въ Архивахъ следственныхъ дѣлъ и сіяютъ въ Казенныхъ Палатахъ, въ росписи недонмокъ. Нѣтъ, любезнѣйшій! Скотинины не выдадутъ меня: крѣпколюбый ихъ родъ живущъ, какъ племя вороновъ!»

— «Я согласенъ съ вами, Денисъ Ивановичъ, что вы въ нѣкоторомъ отношеніи правы, а потому спорить и прекословить не намѣренъ; но что касается до характеровъ, изображенныхъ вами въ Комедіи вашей *Бригадиръ*, то рѣшительно объявляю, что нынѣ не существуетъ даже подобія ихъ»

— «И я скажу то же, что ты въ нѣкоторомъ отношеніи правъ», возразилъ духъ фонъ-Визина. «Между нынѣшними военными нѣтъ моего Бригадира, потому, что нынѣ нельзя получать чиновъ въ военной службѣ, лежа на боку, какъ было въ наше время, въ которое новорожденный былъ уже сержантомъ Гвардіи, а при отнятій отъ груди, Ротмистромъ или Капитаномъ по арміи. Дѣйствительная военная служба вышкочитъ хоть какого неуча! Мой *Бригадиръ* поступилъ теперь въ разрядъ *современныхъ Скотини-*

ныхъ, и господствуетъ въ своей деревнѣ, въ чинѣ Губернскаго Секретаря, а много Титулярнаго Совѣтника, въ званіи бывшаго Земскаго Судьи или Засѣдателя. — Жена его, т. е. моя *Бригадириша*, научилась нынѣ грамотѣ, читаетъ Сонники и Романы Московской книжной фабрики, а играетъ не въ чушки и въ дурачки, но въ бостонъ по грошу, или по пяти конфект. — Конечно, нынѣ нѣтъ такихъ простодушныхъ Совѣтниковъ, какъ мой *Совѣтникъ* въ Бригадирь! Нынѣ никто не дастъ почувствовать, что онъ ижилъ имѣнье взятками, крючками, ложнымъ толкованіемъ Указовъ, и врижимкою праваго и виноватаго. — Нынѣ имѣнья *благопріобрѣтаются* службою или *на службѣ*. Нынѣ нѣтъ лихоимства, а есть только мздоимство, т. е. награда за трудъ и время и за хожденіе по дѣламъ, иногда въ званіи, а иногда только на правахъ повѣреннаго. Въ мое время не знали еще этого рода промышленности, и брали взятки на прямикъ, а нынѣ это дѣлается весьма благопрістойно. Вы имѣете дѣло, напримѣръ, въ одной ни-

станціи, а вашъ повѣренный служить въ другой встанціи, которая состоитъ въ непосредственныхъ сношеніяхъ съ первой. Рука руку моетъ и обѣ бьютъ! То, что дѣлается въ одномъ Судѣ для вашего повѣреннаго, онъ дѣлаетъ для чиновниковъ того Суда, и такимъ образомъ, въ этой круговой поруцѣ, тотъ только въ дуракахъ, кто бѣденъ, или кто не смысленъ. — Что же касается до моей *Совѣтницы*, то согласенъ, что нынѣшнія Совѣтницы гораздо скромнѣе и смысленнѣе: онѣ дѣлаютъ тихомолкомъ то, о чемъ мол Совѣтница только говорила, и что только хотѣла сдѣлать. А мой Иванушка, сынъ Совѣтника — вотъ у насъ передъ глазами!»

— «Извините, Денисъ Ивановичъ! Я знаю этого молодого человѣка. Это сынъ препочтеннаго отца, получилъ первоначальное воспитаніе въ Говвилѣ, подъ руководствомъ знаменитаго Песталоцци, кончилъ курсъ наукъ въ Парижѣ, и теперь служить отлично по дипломатической части. Пишетъ онъ по Французски, какъ природный Французъ, и

хотя не знаетъ вовсе по-Русски, да это тамъ не нужно.».....

— « Не нужно! » воскликнулъ грозно духъ фонъ-Визина. « Русскому не пужно знать по-Русски! А на какомъ же языкѣ онъ станетъ молиться Богу въ Православной церкви? — Стыдъ и срамъ! — Неужели для Французской переписки мы должны воспитывать Русскихъ дворянъ виѣ Русскихъ обычаевъ, отчуждать ихъ отъ отечества и Вѣры? Твой знаменитый Песталоцци не можетъ влить въ душу Русскую любви къ Россіи; не можетъ дать объ ней понятія, потому, что самъ ее не знаетъ. Можетъ ли этотъ Русскій Французъ быть такимъ дворяниномъ, какъ требуется отъ него по благодѣтельной Дворянской Грамотѣ, когда онъ чуждъ своему крестьянину и чуждъ даже своему равному?—Это не воспитаніе, а дрессировка!....

— « Успокойтесь, Денисъ Ивановичъ! Нынѣ запрещено строгаише, воспитывать дѣтей въ чужихъ краяхъ.... »

— « Честь и слава Правительству, дол-

гольтіе Царю! » сказала духъ фонъ-Визина. Давно бы пора! Когда я читалъ Великой Екатерины моего Бригадира, Она похвалила меня за осмѣяніе безразсудной страсти къ иноземному въ лицѣ моего Иванушки; но не хотѣла принять мѣръ рѣшительныхъ къ устраниенію этого зла, надѣясь на благоразуміе отцевъ.... Но они до сихъ поръ не образумились, да и врядъ ли скоро образумятся, и даже при запрещеніи французить дѣтей своихъ за границей, вѣрно заведутъ здѣсь свою полу-Французскую колонию для дрессировки своихъ дѣтокъ. Впрочемъ, я весьма далека отъ того, чтобы почитать изученіе иностранныхъ языковъ вреднымъ. Напротивъ, я вѣрю, что образованный человекъ долженъ знать не только дипломатическій языкъ, но и всѣ Европейскіе языки, которые процвѣтаютъ, воздѣлываемые Науками и Литературою. Но это не должно мѣшать знать и любить свой природный языкъ, наше богатое, звучное, милое Русское слово! — Чѣмъ болѣе доставляетъ намъ наслажденія иностранная Литература, тѣмъ

болѣ мы должны стараться въздѣлывать, усовершенствовать нашу собственную. Любовь къ отечеству возлагаетъ на насъ обязанность прославлять его не однимъ оружіемъ, но и произведеніями ума и Изящныхъ Искусствъ. Было время, что и Турки и Татары были славны побѣдами, но какъ побѣды ихъ не упрочивали, но разрушали дѣла разума, то онѣ и остались безплодными. Слава оружія ввела насъ въ Европейское семейство, и мы должны стараться сравняться въ образованности съ нашими родными, чтобъ пользоваться ихъ уваженіемъ.

— «Въ этомъ я совершенно согласенъ съ вами, Денисъ Ивановичъ!

— «Но всѣ ли твои современники согласны со мною? Смотри! Вотъ книжная лавка! — Тысячи человекъ проходятъ мимо, и едва одинъ изъ тысячи заглянетъ туда! — Правда и приманка плохая! Безжизненные романы, бездушныя повѣсти, безграмотные переводы, запоздалые и нелѣпые толки о Наукахъ — не пища для ума и сер-

ца! — Но кто виноватъ въ этомъ? — Изъ числа людей высокаго образованія не многіе ищутъ по-Руски, а ищутъ счастья и почестей на другомъ поприщѣ, предоставивъ Литературу безграмотнымъ, или еще что хуже — полуграмотнымъ. У васъ, однако жъ, есть образцы. У васъ есть сочиненія Карамзина, И. И. Дмитріева, у васъ есть Крыловъ, Пушкинъ и Грибоедовъ и, что важнѣе, у васъ есть теперь *Русская Грамматика* Греча, которой мы не имѣли и должны были писать, такъ сказать, оцупью. Трудитесь, учитесь, терпите, страдайте даже, если нужно, для пользы и славы Литературы, которая, что бы ни говорили, есть *основа народной славы*, ибо народъ безъ Литературы *воздвѣтливой*, ничѣмъ не упрочить въ вѣкахъ своей славы и своего существованія: такъ думала Великая Екатерина, трудясь Сама на поприщѣ отечественной Словесности.»

— «И нынѣ такъ думаютъ.....»

— «И слава Богу! Прощай и не сер-

дись за правду!» Сказавъ сіе, духъ фонъ-Визина исчезъ, а я остался одинъ на берегу Оки. Народъ шумѣлъ, вокругъ раздавался звукъ монеты и клятвы купцевъ, что у каждаго изъ нихъ все лучше и дешевле. Одинъ призывалъ въ свидѣтельство своего праводущія Далай-Ламу, другой Магомета, третій Брамму, и всѣ шли безъ милосердія. Толпы покупателей вертѣлись вокругъ горьчай, сахару, вокругъ бочекъ и ящичковъ съ виномъ и ромомъ. Драгоценныя шали и парусина, модныя чепцы и шляпки, кожа и войлоки, все имѣло своихъ любителей и требователей, а Русскія книги отдыхали уединенно, и праздный сидѣлецъ дремалъ надъ Романомъ самороднаго гения, который всему выучился самоучкою и все постигъ — кромѣ здраваго смысла и Русской грамоты. Я вошелъ въ лавку и почувствовалъ благодѣтельное дѣйствіе современной Словесности. Приятная, сладкая дремота овладѣла мною.... проснувшись, я очутился въ моихъ креслахъ, а передъ собою увидѣлъ нѣсколько листовъ исписанной бумаги. Увѣренъ будучи, что эта

статья произведетъ такое же спасительное дѣйствіе и на моихъ читателей, я печатаю ее для общей дремоты, которая есть также *польза*, ибо гораздо лучше усыпить *правдою*, чѣмъ разбудить *ложью*.

— № XII. —

ДОМАШНЕЕ ДѢЛО

МЕЖДУ ОТКУПЩИКАМИ.

(Полуповѣсть).

«Онъ понимаетъ шутку и забавляется вымыслами, слѣдственно онъ человекъ просвѣщенный.» — *Слова логго дядушки.*

«Князь! Вотъ уже восемь часовъ, а вы еще не одѣты. Я торопился къ вамъ, и думалъ, что ужъ опоздалъ.»

— «Я вовсе не намѣренъ выѣзжать со двора,» отвѣчалъ Князь, поправляясь на софѣ и положивъ книгу на столикъ. «Это

чтеніе доставило мнѣ величайшее наслажденіе».

«А что вы читаете?»

— «*Безталаннаго* Бальзака Французскаго Александра Орлова, по словамъ нашихъ почтенныхъ журналистовъ. Его Eugénie Grandet.»

«Прелестъ! Но пора ѣхать..... насъ ждуть.»

— «Ѣхать! куда?»

«Не ужели вы забыли, Князь, что дали слово быть сегодня, на вечеръ, у откупщика Сивухина?»

— «Изъ ума вонъ, почтеннѣйшій! Признаюсь, мнѣ не хочется къ нему ѣхать. Мнѣ противенъ твой Сивухинъ! Эта рожа, которая морщится на торгахъ, какъ старая пошва на огнѣ; эти глаза, пылающіе ту-склымъ пламенемъ зажженного спирта, когда рѣчь идетъ о барышахъ; этотъ хрипливый голосъ, припоминающій шипѣніе паровъ въ винокурнѣ..... Воля твоя, а мнѣ несносно быть съ нимъ!»

«Но вѣдь мы ѣдемъ къ нему не на лю-

Право, если бъ я не былъ влюбленъ въ мою жену, то не ручаюсь за себя . . .»

«Бдемъ, братецъ, ѣдемъ! Но дочь Сивухина умна и хороша! Это болѣе нежели чудаеса!»

«Мать ся была также прелестна. Она была сирота; по правиламъ всѣхъ комедій, романовъ и существенности, насильно прикована *узлами брака* къ этому паровому котлу, къ Сивухину, и задохлась въ молодыхъ лѣтахъ, отъ чада глупостей и подлостей своего мужа. Боюсь, чтобы ибжнй отецъ не приковалъ и дочери своей къ какому нибудь винокуренному чану или къ счетной доскѣ! — Вѣдь Сивухинъ всѣ ощущенія свои размѣрляетъ по Мильзову гигрометру, и всѣ чловѣческія связи расчитываетъ процентами. Надобно бы спасти ее!»

«Сама спасется, когда такъ умна, какъ ты говоришь!»

«Не говорите этого, Князь! Умъ есть тогда только *сила, une puissance*, когда предоставленъ собственной власти, а подъ такимъ гнетомъ, какъ невѣжественная власть

Сивухина, умъ и чувство суть смертныя болѣзни, угрожающія могиллой!»

— «Браво! романтизмъ, *юная* Словесность!»

«То есть, природа.»

— «Изволь, братецъ, я готовъ помогать тебѣ въ твоемъ романѣ! — Посвятимъ себя въ рыцари, и пустимся въ океанъ полугара для освобожденія красавицы отъ власти волшебника, превращающаго воду въ вино, вино въ банковые билеты, а банковые билеты въ уваженіе глупыхъ и бездушныхъ людей! Я готовъ; ѣдемъ!»

Между тѣмъ, пока два пріятеля собирались выѣхать со двора, разговаривали и шутили, въ квартирѣ Ивана Панкратьевича Сивухина приготовлялись къ принятію гостей. — Лакен суетились возлѣ лампъ, возлѣ карточныхъ столовъ, въ буфетѣ. Въ залѣ уже собралось нѣсколько товарищей и половинчиковъ Сивухина, нѣсколько дѣльцовъ, нѣсколько собирателей и нѣсколько распространителей вѣстей по откупнымъ дѣламъ, для пониженія или возвышенія цѣнъ; нѣсколько заводчиковъ, нѣсколько постав-

щиковъ, словомъ весь причетъ винной операціи. Они, то расхаживали по залъ, то собирались толпами, то отдѣлялись парами, чтобъ пошептать другъ другу на ушко, то вдругъ говорили всѣ вмѣстѣ, то гнѣвались, то цѣловались, то обнимались, то сходились, то расходились.

Воля ваша, деньги хорошее дѣло, а право, онѣ выдуманы самимъ сатаною на пагубу души, какъ силки выдуманы птицеловами на пагубу птицъ. — Я знаю умныхъ и добрыхъ людей, которые никакъ не могли устоять *на прагъ непорожности*, (слогъ классическій) при видѣ сѣренькихъ бумажекъ, трепещущихъ, какъ рыбки, въ дрожащей рукъ просителя. Въ эту роковую минуту, между просимымъ и просителемъ раждалось какое-то гальваническое влеченіе; руки ихъ невольно сцѣплялись, и сѣренькія бумажки перепрыгивали въ карманъ просимаго. Напрасно совѣсть кричала изъ всей силы въ одно ухо: грѣшно, стыдно! Бѣсъ проклятый ревелъ въ другое ухо, еще громче: жена, дѣти, домъ, дача, деревня, лошади, ка-

регы, устрицы, шампанское, вистъ... и заглушала чахоточный голосъ совѣсти. Добрый и умный человекъ, покорясь однажды гальваническому влеченію, возбуждаемому на нервы силою сѣренькихъ бумажекъ, впадалъ, наконецъ, въ судорожныя движенія при каждомъ воззрѣніи на сѣренькія бумажки, невольно сжималъ ихъ въ рукъ и отправлялъ, по принадлежности, въ свой карманъ. Сущее дьявольское навожденіе, прости Господи! Не будь денегъ, не было бы столько искушенія. Сколь бы ни было сильно влеченіе къ чужой собственности, какъ схватить и припрятать триста кулей муки или двѣсти сажень дровъ? — Ахъ, виновать, заврался! Напрасно вклепалъ на сатану. Во все позабылъ, что не только триста кулей муки и двѣсти сажень дровъ можно купить у третьяго лица, *безъ денегъ*, но что даже можно такимъ образомъ благопріобрѣсть домъ и деревню! — Все зависитъ отъ ловкости просимаго, и неловкости просителя, а что есть люди ловче чорта, доказательствомъ тому служить коренная Русская по-

говорка: «онъ и горла за рога проведетъ.» Я имѣлъ честь быть въ рукахъ этихъ господъ чертопроводителей, и при семь случаевъ свидетельствую имъ мое всенжайшее почтеніе, и прошу ихъ любить меня, жаловать и не оставлять *напередки!*

И такъ, если есть даже умные и добрые люди, которые не могутъ устоять на *прагъ непорочности* (см. выше), при видѣ трепещущихъ стренькихъ бумажекъ, что жъ мудренаго, что почтенные члены вишней операціи, ищущіе законнымъ порядкомъ выгоды и прибылей, собираются совѣщаться, чтобъ открыть, какъ извлечь побольше этихъ выгодъ и прибылей, и ищутъ средствъ перебить другимъ дорогу? Я ихъ не браню и не критикую. И по Латини сказано: «*prima charitas ab ego*, — вольный переводъ: своя рубашка ближе къ тѣлу. А какъ этой аксіомы оспорить нельзя, то весьма извинительно, что компанія, дѣйствительная подъ предводительствомъ Сивухина, ломала головы, чтобъ какънибудь провесть Князя, и спять у него, на выгодныхъ

условіяхъ, откупъ одной губерніи, лежащей въ серединѣ ея операцій. Къ этому были только два средства: *замыль* или *наддага*. Вся дипломатика состояла въ томъ, чтобъ заставить Князя видѣть бѣлое въ черномъ цвѣтѣ, а черное въ бѣломъ. Развѣ не такъимъ же образомъ обдѣлывается девять десятыхъ всѣхъ дѣлъ на свѣтѣ? — И такъ, пожалуйста, не осуждайте Г-на Сивухина и доstopочтеннѣйшихъ сочленовъ его компаніи! — Житейское дѣло-съ!

Самъ Иванъ Папкратъевичъ Сивухинъ былъ, какъ говорится, не въ духъ. Онъ то подходилъ къ толпамъ совѣщателей, слушалъ ихъ манничально, бормоталъ что-то сквозь зубы, морщился, крихтѣлъ, и вдругъ, съ быстротою кабана, оборачивался на каблучкахъ, и бѣжалъ, иноходью, во внутренніи комнаты. Оттуда раздавался хриплый голосъ его, тремя потами выше обыкновеннаго, съ аккомпаниментомъ тоненькаго, соловьиного голоса. Иванъ Папкратъевичъ ссорился съ дочерью.

При этомъ случаѣ не могу удержаться,

отъ новаго отступленія. — Люблю я безъ памяти умныхъ женщинъ, а признаюсь, боюсь ихъ какъ шампанскаго, которое мнѣ вредно, хотя приятно, которое кружитъ мнѣ голову, производитъ волненіе въ крови, словомъ поражаетъ болѣзнь. Съ умными женщинами весьма приятно водиться, но жить съ ними на законномъ основаніи — суцая бѣда! Мать, сестра, жена, дочь, племянница, или просто пріятельница, умная женщина хочетъ непременно властвовать и притомъ неограниченно, а власть женщины тогда только пріятна, когда мы расположены къ этому, а отнюдь не во всякое время. То качество въ женщинахъ, которое онѣ называютъ *характеромъ*, (*avoir du caractère*), и которое мы, мужчины, называемъ *упрямствомъ* и *капризами*, въ умныхъ женщинахъ проявляется въ гладкихъ и миловидныхъ формахъ, какъ меркурій сублиматумъ въ позолоченныхъ пилюляхъ или опіумъ въ леденцѣ. Дурочка кричитъ, вопить, бранится, а умница плачетъ, вздыхаетъ, примиряется, нѣжится, проситъ, убѣждаетъ,

а послѣдствія одни и тѣ же. Женщина всегда поставитъ на своемъ, если только видитъ, что мужчина любитъ ее. — Не вѣрьте, будто въ Азіи женщины рабы, и властвуютъ одни мужчины! Вся разница между Азіей и Европой въ томъ, что тамъ женщина властвуетъ только надъ своимъ мужемъ, а у насъ она командуетъ и чужими.

Но на этотъ разъ Наталь Ивановна Сивухиной предстояла претрудная задача, нѣчто въ родѣ квадратуры круга. Ей надлежало покорить сердце отца своего, который ничему въ мірѣ не покорялся, развѣ только палкѣ и деньгамъ. — Наталья Ивановна хотѣлось поставить на своемъ, то есть заставить дикаго кабана прыгать антраша! — Не тутъ-то было!

«Изволь, сударыня, одѣваться и идти въ гостиную! Въ послѣдній разъ говорю тебѣ! А если ослушаешься, то завтра же на почтовыхъ отправлю въ Курскую мою деревню.»

Такъ говорилъ Сивухинъ, топая ногой и потрясая кулаками. Это почти то же,

что говорить Фамусовъ своей дочери въ *Горе отъ ума*:

Податье отъ этихъ хватовъ....

Въ деревню къ теткѣ, въ глушь, въ Саратовъ!

— «Папенька! вы знаете, что мое величайшее наслажденіе въ томъ, чтобъ угождать вамъ..... но какъ вы хотите, чтобъ я появилась въ гостиной въ этомъ положеніи, чтобъ я пѣла, играла, забавляла гостей, когда у меня грусть въ сердцѣ, на глазахъ слезы, умъ помрачень.....»

— «Вздоръ, сударыня, вздоръ, капризы! Отъ чего тебѣ плакать, отъ чего грустить? Чего тебѣ недостаетъ? — Лучшій новаръ въ городъ — ѣшь не хочу. Квартира теплая, сухая, обитирная, на лучшей улицѣ. Четверка къ услугамъ, карета съ молоточка, ливрея съ иголочки. Платья и великихъ тряпокъ хоть бы на всѣхъ дочекъ въ губерніи. Ложа въ театрѣ. Билеты на всѣ концерты..... Тѣбу ты пропастъ, да чего же тебѣ болѣе! Ужъ не птичьего ли молока захотѣлось!...»

— «Я благодарна вамъ за всѣ ваши милости..... но.....»

— «Какое это *но*? Чего ты это захотѣла, сударыня! Ахъ, ты безстыдница, прости Господи! Задумала полюбить нищаго, да еще такъ дерзка, что смѣешь просить моего позволенія, чрезъ глупую свою тетку!... Пойдите, я васъ всѣхъ проучу! Тетку ни ногой на дворъ; тебя подъ замокъ; а твоего банкрота щеголя такъ припугну, что и костей не собереть...»

«Воля ваша, папенька, дѣлайте, что хотите, но я не перестану любить Алексѣя Петровича, хоть бы мнѣ пришлось умереть въ тюрьмѣ, и ни за кого не выйду замужъ, кромѣ какъ за него....»

— «Ну такъ и не выходи ни за кого замужъ, сиди въкъ въ дѣвкахъ! Эхъ чѣмъ стращаетъ!—Вотъ если бѣ ты, напримеръ, могла мнѣ запретить жениться — другое дѣло, а коли сама не хочешь идти замужъ — тебѣ же хуже! — Напротивъ, мнѣ же легче: меньше хлопотъ и издержекъ.»

«Если вы такъ равнодушны, папень-

ка, то зачѣмъ же гнѣваетесь, что я люблю Алексѣя Петровича? Мы вамъ не надблаемъ хлопотъ и издержекъ. Позвольте только выйти мнѣ за него замужъ. . . . онъ откажется отъ приданого. » —

— «Обыкновенная пѣсня всѣхъ жениховъ, которые гонятся за приданымъ. Знаемъ мы это безкорыстіе господъ искателей богатыхъ невестъ!— Въ сотый разъ повторяю тебѣ: не бывать, не бывать!» —

«Да за что вы такъ не любите Алексѣя Петровича?» —

— «Я не люблю нищихъ. . . .»

«Не понимаю, почему вы называете его нищимъ! У него три тысячи собственнаго дохода, кромѣ пансіона; онъ отставной ротмистръ, кавалеръ, старый дворянинъ!..»

— «Терпѣть не могу отставныхъ! — *Мнѣ нуженъ* зять въ связяхъ, въ роднѣ, который бы имѣлъ значеніе по службѣ. . . . Понимаешь ли, сударыня?» —

«Нѣтъ, не понимаю, папенька! Вы говорите, что *вамъ нуженъ* зять, а вѣдь съ нимъ жить не вамъ, а вашей дочери, такъ

она и должна выбирать себя по сердцу. Вотъ если бѣ, напримѣръ, вы изволили сказать, что Алексѣй Петровичъ дурнаго поведенія, человекъ безъ чести, безъ правилъ — другое дѣло! А что онъ бѣднѣ васъ — не велика бѣда и не порокъ! За то онъ служилъ честно, и ведетъ себя благородно, проливалъ кровь свою за отечество, и не боится говорить правду предъ сильными. Онъ уважаемъ всѣми. . . .»

— «Дураками, ротозѣями, болтунами, писаками. . . . Слушай, Наталья! Полно противиться, не выводи меня изъ терпѣнья! Я требую, чтобъ ты непременно явилась въ гостиную и любезничала до самаго пелья. Ѳаддей Булгаринъ (чортъ побери его и съ его Выжигнымъ!) сказалъ: «гдѣ не успѣетъ самъ дьяволъ, туда посылають женщину.» — Изволь же мнѣ убаюкать сегодня Князя Петра Петровича, и если мнѣ удастся сегодня выманить у него губернію — половина барыша тебѣ, и ступай себя съ своимъ ротмистромъ, во имя Господне, куда глаза глядятъ. . . . Выходи за него. . . .»

«Какъ! Вы согласитесь выдать меня за Алексѣя Петровича! Ахъ, любезный папенька!» — Наталья Ивановна бросилась цѣловать руки отца.

— «Не горячись, Наташа! Позволю, когда ты поможешь мнѣ подцѣпить губернію у Князя...»

«Папенька! что вы дѣлаете изъ вашей дочери!» — Наталья отерла слезы и, подумавъ съ минуту, сказала: «Позвольте мнѣ одѣться: я сей часъ приду въ гостиную!» —

— «Ну, вотъ хорошо!» сказалъ Иванъ Панкратьевичъ, потрепавъ по щекъ дочь свою, и возвращаясь къ гостямъ, ворчалъ про себя: «Ну ужъ баба! Прикметъ она мужа подъ ноготокъ! Посмотримъ, Г-нъ ротмистръ, что легче, управлять упрямой бабой или эскадрономъ! Заставлю я тебя раскаяться! Ай да дочка!»

Князь Петръ Петровичъ! Князь Петръ Петровичъ! раздалось въ передней. Иванъ Панкратьевичъ понесся иноходью въ переднюю встрѣчать Князя.

— «Добро пожаловать, батюшка,

Князь! Милости просимъ! Крайне благодарны вашему сіятельству!» — говорилъ Иванъ Панкратьевичъ, шаркая, кланяясь и провожая Князя въ гостиную, гдѣ сидѣла на диванѣ Наталья Ивановна съ своей гувернанткой или компаніонкой, въ полукругъ гостей, которые докладывали ей, поочередно, о состояніи атмосферы и температуры, рассказывали содержаніе афишки, лежавшей подъ зеркаломъ, въ той же комнатѣ, и изъявляли сожалѣніе о малолюдности маскарадовъ, въ домъ Г-жи Энгельгардтъ. Когда вошелъ Князь, всѣ гости встали. Иванъ Панкратьевичъ представилъ, не Князя дочери своей, а дочь свою Князю, и посадилъ почтеннаго гостя на канапе. Князь сталъ разговаривать съ Натальей Ивановной, разумѣется, по-Французски, а компанейщики увели въ другую комнату товарища Князя, друга его, стараго сослуживца и повѣрснаго по дѣламъ, того самаго, который напомнилъ Князю, что онъ долженъ ѣхать на вечеръ къ Сивухину; и тамъ, въ другой комнатѣ, стали толковать съ нимъ о дѣлѣ.

Пропущу все, что говорилъ Князь съ Натальей Ивановной — и все, что говорили компанейщики съ его товарищемъ. Этотъ пропускъ есть жертва съ моей стороны, потому, что если бь я напечаталъ эти разговоры, то заслужилъ бы благоволеніе почтеннаго критика, печатающаго свои сужденія въ *своемъ Журналь* о всѣхъ Литературахъ, ибо разговоры эти принадлежатъ къ школь старой Словесности. Въ этомъ разговорѣ не было помину ни объ убійствахъ, ни о преступленіяхъ, ни о жертвахъ порока, ни о страждущей добродѣтели. Князь и Наталья Ивановна мѣнялись ничтожными блестками ума, а господа компанейщики только плутовали съ товарищемъ Князя, выводили передъ нимъ фальшивые расходы, представляли статистику губерній въ ложномъ свѣтѣ, и сулили дать въдесятеро менше, нежели предположили въ общемъ со-вѣтѣ. По счастью, одинъ изъ Гг. компанейщиковъ сдѣлалъ неумышленно диверсію, забывъ дома одну важную бумагу. Онъ тотчасъ поѣхалъ за ней, а между тѣмъ дипло-

матическіе переговоры прервались, и гости воротились въ гостиную.

Одинъ изъ гостей, чтобъ польстить Князю, сказалъ ему. «Мнѣ сказывалъ племянникъ мой, какой опасности *изволили подвергаться* вание сіятельство, когда заслужили этотъ георгіевскій крестъ!» — Князь не отвѣчалъ ни слова, но между гостями пошли толки, сужденія о битвахъ, сраженіяхъ, опасностяхъ военной службы и проч. и проч. Почтенные собесѣдники судили обо всемъ этомъ, разумется, но насильскъ, такъ умно, какъ тѣ непріятельскія пушки, за взятіе которыхъ Князь получилъ Георгія. — Князь морщился, и взглядомъ умолялъ товарища своего заставить ихъ замолчать. Товарищъ вздумалъ зажать имъ ротъ собственнымъ разговоромъ.

— «Въ вашемъ уѣздѣ, Иванъ Панкратевичъ,» сказалъ онъ: «живетъ человекъ, достойный такой же славы, какъ Горацій Коклесь. Вы знаете его..»

Иванъ Панкратевичъ замялся. — Из-

вините!..... Коклессова.... не имѣю чести знать.... а въ какомъ онъ чинѣ?....

Князь закрылся платкомъ. Бѣдная Наталья Ивановна, покраснѣла до ушей, и стала поправлять на себѣ шаль. — Большая часть гостей: развѣсили уши, а одинъ изъ нихъ, какъ видно изъ *угепоихъ*, подошелъ къ Ивану Панкратьевичу, сказалъ:

— «Дѣло идетъ о Римской Исторіи. Вы, безъ сомнѣнія, читали....»

«*He slugalos!*» возразилъ простодушно Иванъ Панкратьевичъ.

— «*C'est un peu fort!*» сказалъ про себя Князь, едва удерживая смѣхъ.

У Натальи Ивановны показались даже слезы. Князь, примѣтивъ это, принялъ серьезный видъ, и заговорилъ съ ней о музыкѣ Обера.

Товарищъ Князя, чтобъ замѣть дѣло, продолжалъ: «Въ вашемъ уездѣ живетъ человекъ, который спасъ жизнь Князю, и сдѣлалъ такой подвигъ, о которомъ бы въ древности распѣвали на всѣхъ площадяхъ. — Князь, въ послѣднюю войну, стоялъ съ

эскадрономъ на передовыхъ пикетахъ. Передъ нами была рѣка и на ней деревянный длинный мостъ. Главный караулъ стоялъ по сѣю сторону рѣки, а пикеть за мостомъ. Половина нашихъ лошадей была размуштучена; люди грѣлись у огня. Мы полагали, что неприятель находится верстахъ въ тридцати отъ насъ, потому что возвратившійся, за полчаса, развѣздъ не нашель даже неприятельскаго смѣду. — Князя потребовали въ авангардную гаульг-квартиру, и постомъ командовалъ Поручикъ. Ночь была темная, хоть глазъ выколи. — Вдругъ за рѣкой раздались пистолетные выстрѣлы, воши, крики и послышался конскій топоть. «Муштучь! садись! стройся!» Не успѣли мы броситься къ конямъ, какъ нашъ передовой пикеть прискакалъ къ намъ во весь духъ, и офицеръ сказалъ, что полка три неприятельской кавалеріи высыпали изъ лѣсу и стрѣлою несутся къ намъ. Какъ могъ эскадронъ одинъ противиться тремъ полкамъ? но и можно ли было допустить неприятеля на нать на лагерь вражескохъ! «Первый взводъ

спѣшися и маршь за мной!» — закричалъ Поручикъ. «Ломай доски, подавай огня, жи мость!» — Пошла работа. Но едва мы успѣли выломать три доски поперегъ моста, наскочила непріятельская конница, съ шумомъ и крикомъ. Подскакавъ къ разобранной части моста, нѣсколько передовыхъ непріятельскихъ гусаръ попадали съ лошадьми, другіе спѣшились и бросились на насъ, съ саблями въ рукахъ. Началась рѣзня! Между тѣмъ поручикъ продолжалъ разбирать мость и велѣлъ поджигать сваи. Вскорѣ вспыхнуло пламя. Непріятель прекратилъ сабельный бой, но осыпалъ насъ пулями изъ карабиновъ и пистолетовъ, и разбирая боковыя части моста, старался намостить середину, чтобъ перебраться къ намъ. Бой былъ жестокой! Вдругъ является нашъ Князь. Онъ соскочилъ съ коня, саблю наголо и прямо на мость. Наши ободрились. Три раза непріятель успѣвалъ намостить доски и напиралъ на насъ; три раза мы опрокидывали его и разрушали его работу. Превосходство въ числѣ ему не помогало, пото-

му что на узкомъ пространствѣ сражались только головы колоннъ, а въ такомъ случаѣ перевѣсъ беретъ храбрость и настойчивость.

«Вдругъ позади насъ раздался крикъ. Мы оглянулись: дымъ вился столбомъ, пламя пробивалось уже сквозь помость. «Къ конямъ!» закричалъ Князь. Поручикъ велѣлъ мнѣ (я былъ тогда корнетомъ) ити съ людьми къ эскадрону. Мы подались назадъ, но Князь и Поручикъ оставались при отверзтіи, ибо непріятель все еще силится перейти чрезъ него. Вдругъ нѣсколько непріятельскихъ гусаръ перекинули огромную доску чрезъ разобранную нами часть моста, и какъ бѣшеные бросились на Князя. Въ эту минуту мость вспыхнула позади Князя. Одно мгновение, и Князь долженъ былъ пасть подъ сабельными ударами или погибнуть въ пламени. Гусары наши бросились было на помощь, но ужъ было поздно..... Поручикъ, видя невозможность противоборствовать долѣе, схватилъ Князя поперегъ и бухъ съ нимъ въ воду....»

«Весь эскадронъ вскрикнулъ отъ ужаса.

«Между тѣмъ пламя положило неприступную преграду между нами и неприятелями. Они оставили мостъ и стали искать переправы. Чрезвычайная быстрота теченія въ этомъ мѣстѣ устрашала ихъ.

«Наши гусары бросились также къ рѣкѣ, чтобы спасти своихъ офицеровъ. Поручикъ былъ отличившійся плавецъ, — онъ вынесъ на плечахъ Князя. Мы встрѣтили ихъ радостными криками.

«Едва Поручикъ коснулся земли, то и упалъ замертво. Онъ былъ покрытъ ранами. Между тѣмъ къ намъ подоспѣла помощь изъ авангарда, и неприятель удалился, въ бѣшенствѣ отъ неуспѣха своего нечаяннаго нападенія. Неприятельскій генералъ, которому благоприятствовали жители того края, надѣялся взять насъ живьемъ, напасть врасплохъ на авангардъ, разбить его, заколотить пушки, подорвать ящики и занять нашу позицію. Рѣшительность и присутствіе духа Поручика, въ первую минуту опасности, во время отсутствія Князя, спасли авангардъ, можетъ быть, и цѣлую армию,

а самоотверженіе и смѣлость этого же Поручика спасли Князя. — Такъ вотъ какіе люди есть у насъ! Недостаетъ только Тацитовъ и Оуквидовъ! — Вотъ предметы для отечественныхъ художниковъ, роющихся безпрестранно въ Римъ и Аѳинахъ!...»

Товарищъ Князя въ порывѣ патриотическихкихъ чувствъ далеко бы занесся, если бы не прервали его рѣчей повсемѣстныя восклицанія: «Ай, да молодецъ! Ну, ужъ хватъ! — Вотъ что лихой! такъ лихой! и проч.»

— «Да вотъ и онъ самъ!» — воскликнулъ Князь, бросаясь на встрѣчу съ распростертыми объятіями къ новому гостю, который только что переступилъ черезъ порогъ.

«Вѣдь рѣчь шла о какомъ-то Колесовѣ или... Колесовѣ, а это нашъ Алексѣй Петровичъ!» — сказала Иванъ Панкратьевичъ, обращаясь къ своему сосѣду, *изъ угельныхъ.*

— «Гораций Колесъ взять былъ только для примѣра изъ Римской Исторіи,» отвѣчалъ сосѣдъ, *изъ угельныхъ.*

«Купи мнѣ, братецъ, при *оказіи*, эту книгу!» — шепнулъ Иванъ Панкратьевичъ.

«Да у насъ по-Русски врядъ ли есть хорошая Римская Исторія!» возразилъ со-сѣдь.

— «Ну, такъ вѣрно за то и *подшевле*,» примолвилъ Иванъ Панкратьевичъ.

— «Въ томъ-то и бѣда, что нѣтъ!» — отвѣчалъ пріятель.

Алексѣй Петровичъ былъ изумленъ, во-первыхъ, встрѣтивъ здѣсь Князя, кото-раго онъ давно не видалъ; во-вторыхъ, поздравленіями всѣхъ гостей; въ-третьихъ, слезами Натальи Ивановны, которая пла-кала отъ умиленія. Ему объяснили, въ чемъ дѣло, и пока въ обществѣ былъ шумъ, смя-теніе и объясненія, Наталья Ивановна по-просила Князя сѣсть къ ней поближе, и сказала ему:

— «Не могу скрыть предъ вами, что мнѣ весьма пріятно видѣть въ васъ такое дружеское расположеніе къ Алексѣю Пет-ровичу.... онъ мой женихъ!...»

— «Ah, diable!» проворчалъ Князь, сквозь зубы. Наталья Ивановна понравилась ему чрезвычайно, и онъ уже начертывалъ въ умѣ своемъ планъ осады ея сердца: «Поздравляю васъ! Алексѣй Петровичъ чест-нѣйшій, благороднѣйшій и храбрѣйшій че-ловѣкъ....»

— «Въ вашихъ рукахъ его счастье!» — сказала Наталья Ивановна, заикаясь и по-тупивъ глаза.

— «Какимъ образомъ?»

— «Отецъ мой объявилъ мнѣ сего-дня, что тогда только согласится на нашъ бракъ, когда выторгуешь у васъ губер-нію...»

— «Ахъ онъ п....! Извините, чуть не проговорился!» — сказала Князь. «Если въ этомъ только дѣло, то я впередъ поздра-вляю васъ супругой моего друга и сослу-живца. Господа, прошу выслушать меня!» — Всѣ замолкли. — Князь продолжалъ: «Вы поздравляли Алексѣя Петровича съ его бли-стательнымъ военнымъ подвигомъ; поздравь-

те же теперь съ побѣдою болѣе приятною для него. Онь женихъ Натальи Ивановны!... Иванъ Панкратьевичъ! я уступаю вамъ губернію, по своей цѣнѣ, и подпишу бумагу въ день свадьбы Алексѣя Петровича!...»

— «Нельзя ли теперь?...» примолвъ Иванъ Панкратьевичъ: «у меня есть въ запасѣ гербовая бумага....»

«Мое слово такъ же важно какъ и подпись,» сказалъ Князь гордо.

— «Оно-такъ-съ..... Но подпись и гербовая бумага не помѣха дѣлу.... одинъ Богъ воленъ въ дѣлахъ нашихъ....»

«Если не надѣетесь на будущее, поспѣшайте свадьбой,» — возразилъ Князь, улыбаясь.

— «По мнѣ хоть сегодня!» — отвѣчалъ Иванъ Панкратьевичъ: «Но вѣдь передача губерніи на *мое* имя, мнѣ *одному*?»

«Разумѣется!»

Въ толпѣ раздался шопотъ. На ли-

цахъ примѣтно было неудовольствіе. — Одинъ изъ компанейщиковъ сказалъ, на ухо, Князю:

«Помните, ваше сіятельство, что вы дѣлаете? Мы бы дали вамъ за уступку двѣсти пятьдесятъ тысячъ рублей барыша!»

— «Когда идетъ дѣло о счастіи благороднаго человѣка, Русскій дворянинъ и воинъ не разсчитываетъ барышей! Понимаете ли?» сказалъ Князь.

«Не понимаю-съ, ваше сіятельство!» — отвѣчалъ компанейщикъ.

— «Тѣмъ хуже для васъ!... Ба! Да я и позабылъ, что у меня есть товарищъ по откупамъ, и распорядился, какъ будто я одинъ былъ хозяиномъ!... Другъ мой!» — примолвилъ Князь, обращаясь къ своему товарищу, который въ это время обнимался съ Алексѣемъ Петровичемъ: «Другъ мой! извини, что я, не спросясь тебя, уступилъ губернію! Мы съ тобой разсчитаемся. Ты не долженъ терять....»

«Князь! Вы обижаете меня! Я так же Русскій дворянинъ, и Русскій воинъ и *понимаю*, что гдѣ идетъ дѣло о счастье благороднаго человѣка, тамъ не разсчитываютъ барышей!»

Князь прижалъ къ сердцу своего товарища.

— «Господа!» — закричалъ одинъ изъ компанейщиковъ тоненькимъ голоскомъ: «господа! прошу прислушать! Здѣсь представляется юридическій вопросъ: имѣетъ ли право Иванъ Панкратьевичъ приобретать откупъ на свое имя, отдѣльно отъ компаніи? — на это надобны юридическія доказательства!»

«Помилуйте что вы это!» заревель Иванъ Панкратьевичъ: «Его сіятельство уступаетъ откупъ моей дочери...»

— «Я говорю: на это надобны юридическія доказательства!» — прозвѣялъ тоненькій голосокъ.

«Вѣдь дочь моя, а не компанія...»

— «Я говорю: на это надобны юри-

дическія доказательства,» — повторилъ еще громче тоненькій голосокъ.

«Господа! вы напрасно станете спорить и тягаться!» — сказалъ Князь: «Меня никто не можетъ принудить уступить откупъ, кому мнѣ заблагоразсудится, а я передаю Ивану Панкратьевичу съ моими залогами....»

«Благодѣтель!» зарвель Иванъ Панкратьевичъ и схватя руку Князя, хотѣлъ поцѣловать ее. Князь выдернулъ руку, — и продолжалъ:

«Господа, прошу васъ не мѣшаться въ это дѣло! Это *дѣло домашнее*, семейное!»

«Разумѣется! Точно такъ-съ, ваше сіятельство!» — сказалъ Иванъ Панкратьевичъ: «Вѣдь откупщикамъ не запрещено имѣть *дѣла домашнія*, семейныя...»

— «Я говорю: на все это надобно имѣть юридическія доказательства!» — прозвѣялъ снова тоненькій голосокъ.

«Детки!» поцелуйтесь, обнимите отца, да поблагодарите Князя!» — сказала Иванъ Панкратьевичъ, толкая Алексѣя Петровича къ софѣ, на которой сидѣла Наталья Ивановна, въ волненіи чувствъ, въ самыхъ пріятныхъ мечтахъ, улыбаясь сквозь слезы.

— «Господа!» сказалъ Иванъ Панкратьевичъ: «засѣданіе кончилось!... позвольте мнѣ заняться *моими домашними делами*.... Ваше сіятельство!» — примолвилъ онъ, вполголоса: «бумага будетъ готова завтра, въ семь часовъ утра.... Когда прикажете явиться?... Вѣдь надобно еще будетъ утвердить сдѣлку судебнымъ порядкомъ....»

«Я вамъ сказала, что не подпишу прежде, пока дочь ваша не обвиняется.... а если не вѣрите....»

— «Вѣрю, вѣрю, ваше сіятельство!» —

Гости, произнося сквозь зубы угрозы и ругательства, разбѣхались. Князь и товарищи его пробыли еще съ полчаса, на-

слаждалась счастіемъ любовниковъ. Иванъ Панкратьевичъ стоялъ въ это время среди комнаты, вперивъ зорь въ лампу, и считывая, на пальцахъ, барыши. Онъ ничего не слышалъ и не видалъ, носясь воображеніемъ изъ одного питейнаго дома въ другой, по повопріобрѣтенной имъ, на откупъ, губерніи.

Черезъ три дня Алексѣй Петровичъ обвинялся съ Натальей Ивановной. Черезъ три мѣсяца Иванъ Панкратьевичъ принялъ откупъ, а черезъ годъ онъ скончался отъ апоплексическаго удара, опившись шампанскимъ на слѣдствіи по корчемству, не успѣвъ прочесть Римской Исторіи, которую купилъ ему пріятель его, *изъ углейихъ*. Наталья Ивановна получила огромное наследство, и живетъ душа въ душу съ мужемъ. Детки у нихъ премиленькія, домъ пріятный, и мнѣ у нихъ бываетъ очень весело, потому что я тамъ не встрѣчаю ни надутыхъ выскочекъ, ни самолюбивыхъ писачекъ, ни гнусныхъ крочкотворцевъ, ни глупыхъ судей литературы и художествъ, ни увяд-

шихъ кокетокъ, ни услужливыхъ сплетницъ и сплетниковъ, ни переносчиковъ, словомъ, ни дистилаторовъ скуки, ни заразы обществъ. Дай Богъ за то здоровья Алексю Петровичу и Натальѣ Ивановнѣ!

— № XIII. —

Т Р И Л И С Т К А
ИЗЪ ДОМА СУМАСШЕДШИХЪ,

или

ПСИХИЧЕСКОЕ ИСЦѢЛЕНИЕ НЕИЗЛЕЧИМОЙ БОЛЕЗНИ.

(*Первое извлеченіе изъ Записокъ стараго Врача.*)

L'observation et l'expérience nous ayant fait découvrir les moyens de combattre assez souvent avec succès, l'état de maladie, l'art. qui. met en usage ces moyens, peut donc modifier et perfectionner les opérations de l'intelligence et les habitudes de la volonté.

Cabanis, Rapport du physique et du moral de l'homme. T. 4. p. 471.

..... Возвратясь домой въ 8 часовъ вечера, я нашелъ на моемъ бюро письмо, въ которомъ больной просилъ меня поспѣ-

шить къ нему немедленно. Это былъ сынъ одного моего пріятеля, котораго я былъ домашнимъ Докторомъ въ теченіе двадцати лѣтъ. Онъ, вопреки моимъ совѣтамъ, вздумалъ, на старости, укрѣпить истощенныя силы Италіянскимъ воздухомъ, и умеръ въ тепломъ Неаполѣ, отъ простуды. Съ сыномъ его не встрѣчался я нѣсколько лѣтъ. Это былъ здоровый, сильный и плотный молодой человекъ, съ красными щеками и съ пламенными глазами. По устройству своему, онъ склоненъ былъ къ воспалительнымъ болезнямъ и къ апоплексіи, а потому я поспѣшилъ къ нему, взявъ съ собою шнепперъ, чтобъ въ случаѣ нужды отворить кровь, безъ отлагательства.

Но какъ я удивился, когда увидѣлъ моего пациента, въ состояніи, противоположномъ тому, какъ я воображалъ себя. Въ немъ не замѣтно было капли крови! Онъ былъ блѣденъ и сухъ, а впалыя его щеки отражались желтымъ цвѣтомъ. Еще огонь юности не потухъ въ глазахъ его, но они уже были безжизненны. Красныя вѣки

означали бессонницу. Впрочемъ я не замѣтилъ въ немъ ни лихорадки, ни признаковъ грудной болѣзни. Голосъ его былъ твердъ и звученъ, какъ у здороваго; всѣ пріемы и движенія были спокойны. Распрашивая его и ощупывая около часа, я никакъ не могъ открыть причины и качества его недуга. На вопросы мои, гдѣ онъ чувствуетъ боль, онъ отвѣчалъ: *не знаю*. Онъ жаловался только, что уже болѣе года не имѣетъ ни сна, ни аппетита, и не находитъ ни въ чемъ удовольствія и пріятности; что всякое общество ему несносно, каждая книга скучна, и ясный лѣтній день столь же противенъ, какъ бурная Сентябрьская ночь.

Признаки ипохондріи были явны, но причины покрыты были тайною, которой я не могъ проникнуть, разговаривая съ нимъ до полуночи. Пронисавъ ему прохладительный лимонадъ, подъ пышнымъ названіемъ, и давъ наставленіе на счетъ діеты, я оставилъ его, недовольный собою, рѣшившись, во что бы ни стало, открыть причину ипохондріи сына моего пріятеля.

Цѣлый мѣсяць я навѣщала его, по два и по три раза въ сутки, въ разные поры дня, но всё изысканія мои оставались безъ успѣха. Наконецъ мнѣ удалось заглянуть въ душу его, и я увидѣлъ гнѣздящагося въ ней червя, грызущаго его неусыпно.

Паціентъ мой читалъ Сенатскія вѣдомости. Глаза его налиты были кровью, щеки горѣли, уста тряслись, и онъ то вертѣлся на стулѣ, то вскакивалъ, ударяя по столу кулаками. «Посмотрите Докторъ, можно ли и стоитъ ли послѣ этого жить на ствѣтъ!» воскликнулъ онъ, задыхаясь, и потрясая листомъ газеты: «Вотъ люди, которыхъ я знаю, какъ самаго себя, люди, у которыхъ нѣтъ столько ума и способности въ банкѣ, сколько у меня въ мизинцѣ! Люди — машины!.... А вотъ одинъ изъ нихъ Начальникомъ Отдѣленія, другой Директоромъ, третій Правителемъ Канцелярїи, четвертый Губернаторомъ!.... Всѣ обвѣшаны орденами!.... А я..... я»!.... Онъ не могъ продолжать, бросилъ газету, и взглянувъ на меня жалостно — залился слезами — Я прижалъ

его въ мои объятія, и самъ прослезился. Молодой человекъ былъ истинно жалокъ. Ничто не возбуждаетъ во мнѣ такого состраданія, какъ болѣзнь души и болѣзнь ума.

Дѣло объяснилось. Червь, грызущій душу моего паціента, назывался *гестолобіс*. Не будучи въ состояніи насытить жадности этого червя, я рѣшился уморить его.

Паціентъ мой, нища быстро возвышенія и начальника, который бы замѣтилъ необыкновенныя его способности, безпрестанно перемѣнялъ мѣста, и наконецъ остался вовсе безъ мѣста, въ ожиданіи необыкновеннаго случая къ возвышенію. Упывающее бесполезно время, унося съ собою старшинство по службѣ, выпадало на сердце его по каплямъ, какъ растопленный свинецъ, и дѣлало неисцѣлимыя язвы. — Я предвидѣлъ всю трудность исцѣленія, однако жъ не отчаявался, а подружившись съ молодымъ человекомъ, былъ съ нимъ неразлученъ, въ часы свободные отъ моихъ занятій.

Хотя онъ былъ не разговорчивъ, но

иногда мои рассказы и наблюденія ему нравились. Однажды, я завелъ рѣчь о сумасшествіи, и рассказалъ ему нѣсколько любопытныхъ анекдотовъ, которые обратили его вниманіе на этотъ предметъ. Замѣтивъ это, я рассказалъ ему происшествіе, которое нарочно берегъ для него, какъ лекарство, намѣреваясь употребить при первомъ удобномъ случаѣ.

«Въ одной изъ Европейскихъ столицъ сказалъ я: мнѣ поручено было отдѣленіе въ больницъ сумасшедшихъ. Одинъ больной обращалъ на себя мое особенное вниманіе. Онъ принадлежалъ къ высшему сословію, и болѣе десяти лѣтъ содержимъ былъ въ больницъ на счетъ родственниковъ. Онъ былъ тихъ, по угрюмъ. Чуждаясь людей, не выходилъ изъ своей комнаты, и ни съ кѣмъ не говорилъ. Онъ безпрестанно занимался письмомъ, воображая что управляетъ Государствомъ. Онъ писалъ приказанія, проекты, раздавалъ мѣста и чины, дарилъ милліонами, дѣлалъ выговоры. Иногда, воображая, что онъ окруженъ своими подчиненными, онъ гордо рас-

хаживать по комнатѣ, то бранилъ, то хвалилъ, будто предстоящихъ, и, наконецъ, раскланявшись, важно подходилъ къ своему столику, и снова принимался за письмо. Меня принималъ онъ съ гордостью Паши, важно протягивалъ руку, когда я хотѣлъ пощупать пульсъ, и послѣ того приказывалъ удалиться. Иногда сумасшествіе его принимало другой видъ. Онъ воображалъ себя, что заключенъ въ темницу по просякамъ своихъ совмѣстниковъ, и тогда предавался отчаянію и твердилъ безпрестанно о своей невинности. Положеніе его трогало меня, потому, что даже въ настоящемъ его положеніи я могъ замѣтить слѣды образованности и прежней силы ума. Его приказанія и проекты, въ которые заглядывалъ я, когда его заставляли прогуливаться въ саду, были написаны превосходно, и хотя помѣшательство въ умѣ заставляло его вводить нелѣпицы въ свои бумаги; но цѣлое доказывало его прежнія способности.

«Наконецъ онъ заболѣлъ физически, и припужденъ былъ лечь въ постелью. Мед-

ленная чахотка, създавшая его, дошла до послѣдней степени. Не было спасенія, и я старался только облегчить его страданія. Больной принималъ съ благодарностью мои попеченія, и однажды, вечеромъ, когда я хотѣлъ выйти изъ его комнаты, онъ призвалъ меня, попросилъ запереть двери на замокъ, и сѣсть возлѣ его постели. Я исполнилъ все въ угодность ему. Онъ прилѣлъ на кровати, устремилъ на меня свои мутные глаза, и сказалъ: «Докторъ! вы приобрѣли мою довѣренность и признательность, и я рѣшился оставить вамъ мою тайну, которая должна была слечь со мною въ могилу. Возьмите этотъ пакетъ, и прочтите, когда меня не будетъ на свѣтѣ. Я написалъ это нынѣшнею ночью....» Кашель прервалъ рѣчь его, и онъ забылъ, о чемъ говорилъ. Я взялъ пакетъ и вышелъ. На другое утро, когда я возвратился въ больницу, комната этого больного уже была пуста: онъ умеръ ночью.

«Любопытство заставило меня распечатать пакетъ, чтобъ узнать, въ какомъ родѣ

помѣшательства былъ больной, передъ своею кончиною. Въ пакетѣ были три листка бумаги, исписанные кругомъ. Содержаніе показалось мнѣ такъ важнымъ въ психологическомъ отношеніи, что я сохранилъ эти листки до сихъ поръ. Не угодно ли послушать?»

— «Читайте!» сказалъ мой пациентъ, и я, вынувъ изъ портфеля листки, сталъ читать громко.

Листокъ Первый.

Люди ничему не вѣрятъ, кромѣ вдохновенія своего тщеславія и скупости. Они не повѣрили бы, если бъ я вздумалъ объявить имъ мою тайну. Но, не смѣя утаить ее при дверяхъ гроба, я, по внушенію совѣсти, оставляю ее на бумагѣ. Дѣлайте съ нею что хотите.

Не знаю, чудомъ или волшебствомъ я существую на землѣ триста десять лѣтъ, хотя жилъ только сто десять лѣтъ. Въ существованіи моемъ находится промежутокъ времени, именно двѣсти лѣтъ, въ которыхъ я не жилъ. Но какъ, по прошествіи

этого времени, я сохранилъ память прошлаго, то и эти двѣсти лѣтъ включаю въ счетъ моего существованія.

Окончивъ мое воспитаніе, я вступилъ въ свѣтъ, безъ громкаго имени и безъ большихъ денегъ. Люди не сдѣлали мнѣ ни какого зла, но я не могъ любить ихъ. Много мнѣ стоило труда, чтобъ удержаться отъ ненависти къ человѣчеству. Я вѣрилъ, что люди дѣлаютъ и добро и зло по одной побудительной причинѣ: изъ эгоизма. Одинъ школьный мой товарищъ, котораго я хотя не любилъ, но переносилъ терпѣливо его общество, думалъ иначе. Онъ говорилъ, что добрый человѣкъ дѣлаетъ добро по внушенію сердца, такъ сказать, противъ воли, по инстинкту, безъ всякихъ расчетовъ, и что только злой человѣкъ, судя по себѣ, рассчитываетъ, глядя со стороны на дѣлаемое добро, и приписываетъ его эгоизму. Это сужденіе казалось мнѣ непонятнымъ, и не перемѣнило моего мнѣнія на счетъ людей, которыхъ я вознамѣрился употреблять какъ орудія, сперва къ моему возвышенію,

а послѣ того къ наслажденію жизнью, именно употреблять какъ животныхъ въ упряжку. Природа одарила меня умомъ необыкновеннымъ: съ перваго взгляда я понималъ то, чего другіе не могли постигнуть въ нѣсколько лѣтъ, при многотрудномъ ученіи, и я скорѣе изучалъ, нежели другіе знакомился съ предметомъ. Но сердце мое было холодно, какъ камень. Я не постигалъ ни дружбы, ни любви, ни состраданія, ни ревности ко благу общему, для котораго нѣкоторые жертвуютъ даже собственнымъ счастьемъ и жизнью. Все это казалось мнѣ смѣшнымъ и глупымъ. Я любилъ женщинъ какъ вино и пащеты, любилъ умныхъ людей какъ хорошія книги или статьи въ Журналахъ, любилъ до тѣхъ поръ, пока они доставляли мнѣ пріятное разсѣяніе, и расставался съ людьми, какъ растаетъ сытый съ вкуснымъ блюдомъ. Во мнѣ не было ни какой страсти; но, какъ я удостоверился, что для избѣжанія противорѣчій со стороны людей и непріятностей, надобны власть и деньги, то я рѣшился приоб-

рѣсть ихъ, во что бы ни стало. Я вступилъ въ службу, и пустилъ въ оборотъ мой умъ. Я служилъ и прислуживался, работалъ самъ и присвоивалъ себѣ чужія работы, говорилъ правду и лгалъ; когда это было мнѣ полезно, защищалъ людей, и губилъ ихъ, когда это было нужно для моего возвышенія, жертвовалъ собственнымъ имуществомъ, и грабилъ, смотря по обстоятельствамъ, перемѣнялъ образъ мыслей и поведеніе, сообразно съ моими выгодами, былъ вѣрнымъ подданнымъ и карбонаромъ, набожнымъ и безбожникомъ, придерживался всегда торжествующей партіи, и измѣнялъ каждой, когда это было нужно для того, чтобъ двинуться впередъ. Я всѣмъ льстилъ, и всѣхъ обманывалъ, работалъ за каждого явно и тайно, когда работа приносила выгоды одному мнѣ, и клеветалъ на каждого, который заграждалъ мнѣ путь къ богатству и власти. Я не пожалѣлъ даже отца и роднаго брата, и устранилъ ихъ искусною клеветою съ конприца, по которому я шест-

вовалъ, какъ корабль, при попутномъ вѣтрѣ!....

Накопецъ я достигъ желаемого. Я приобрѣлъ нѣсколько милліоновъ рублей денегъ, и дошелъ до высшаго званія въ Государствѣ. Люди повиновались моей волѣ, какъ волны дуновенію вѣтра. Какъ жалки казались мнѣ эти люди, когда я смотрѣлъ на нихъ съ моей высоты. Особенно смѣшны были люди, которые, въ нѣкоторомъ родѣ помѣшательства ума, гнались за славою. — Бѣдные Авторы, несчастные Артисты, которые не смѣли показаться у меня въ передней, даже возбуждали во мнѣ невольное состраданіе. Стоитъ ли трудиться, жертвовать здоровьемъ и спокойствіемъ, переносить бѣдность, а иногда и гоненія, для того только, чтобъ оставить послѣ себя имя на заглавіи книги или въ списокѣ художественныхъ произведеній! Такъ я думалъ, и смотря съ гордостью въ адресъ-календарь, гдѣ имя мое занимало полъ-страницы, перебирая въ умѣ всѣ подписанныя мною бумаги, былъ убѣжденъ, что имя мое пере-

живеть всѣхъ этихъ несчастныхъ бумаго-и холсто-марателей, которые дерзають помышлять о славѣ, и пренебрегають для нея истинными благами жизни. Прежде, когда я находился въ нижнихъ степеняхъ, я иногда находилъ удовольствіе въ бесѣдѣ Литераторовъ и Художниковъ; но когда я возвысился, то возненавидѣлъ ихъ, за ихъ притязанія на славу, на извѣстность, на первенство, на затмѣніе адресъ-календаря. При всякомъ случаѣ я старался вредить имъ, и ни одинъ изъ нихъ не служилъ подѣ моимъ непосредственнымъ начальствомъ. Живя въ извѣстности, въ роскоши, пользуясь уваженіемъ, или, что все равно, покорностью слабыхъ и почтительною въжливостью сильныхъ, насладившись всѣми земными благами, я умеръ на шестьдесятъ первомъ году отъ рожденія, по словамъ газетъ: *къ общему сожалѣнію*, оставивъ несмѣтное богатство и громкое имя. Похороны мои были великолѣпныя, надгробный монументъ величественный. Весьма многіе завидовали моему

счастьемъ при жизни моей, и по смерти желали себѣ подобной участи.

Листокъ второй.

Прошло сто лѣтъ послѣ моей смерти, и я снова появился въ свѣтѣ не зная, какимъ чудомъ. При мнѣ остался умъ мой, память прошедшаго, — но чины мои, богатство, знатность — исчезли. Въ замѣнъ этого, я приобрѣлъ теплоту сердечную, которой мнѣ прежде недоставало. Я вступилъ въ свѣтъ уже не съ презрѣніемъ къ людямъ, но съ любовью къ нимъ. Я жаждаль любви, дружбы, хотѣлъ трудиться для общаго блага.

Разбирая прежнія мои чувствованія и поступки, я страшился, чтобъ люди меня не узнали. Но, по счастью, чрезъ сто лѣтъ память обо мнѣ вовсе исчезла; съ величайшимъ трудомъ отыскавъ я адресъ-календарь, въ которомъ имя мое напечатано было на полустраницѣ; со всѣми титулами, и крайне удивился, что имена современныхъ мнѣ Авторовъ, которыхъ я презираль, были извѣ-

ствѣ въ потомствѣ, нежели мое громкое, въ свое время, имя! Въ домъ, который я выстроилъ самъ для себя со всеми прихотями барства, жили ремесленники, а въ собственныхъ моихъ комнатахъ помѣщался Русскій трактиръ. Въ моей пріемной залѣ, свидѣтельница моего величія, былъ бильярдъ; въ кабинетъ моемъ, гдѣ стряпались важнѣйшія дѣла, помѣщался буфетъ. Великолѣпная дача моя, чудо роскоши и искусства, превращена была въ кожевенную фабрику. Внуки прямыхъ моихъ наследниковъ пресмыкались въ нищету, въ невѣжество и развратъ. Всѣ проекты, выдуманные, исполненные мною и которые составляли нѣкогда мою славу, вовсе измѣнились. Изъ хлопотливой жизни моей не осталось ни былинки. Это привело меня въ отчаяніе!

Не довѣряя ни кому и ничему въ прежнее мое существованіе, я, на всякой случай, зарылъ въ землю на моей дачѣ боченокъ съ червонцами. Я отыскалъ мой кладъ, и купилъ себѣ деревеньку, въ пріятномъ мѣстоположеніи, недалеко отъ провинціальной-

го города. Жалѣя терять время на пріобрѣтеніе того, чѣмъ я уже однажды пользовался, я видѣлъ, что мнѣ нечего искать въ свѣтъ, и удалился на житье въ деревню. Я женился, прижилъ дѣтей, воспиталъ ихъ, устроилъ благосостояніе крестьянъ моихъ, пріобрѣлъ друзей, выбирая людей не по чинамъ, но по уму и сердцу, любилъ ихъ, и былъ любимъ, помогалъ пеннымъ, хлопоталъ о безпомощныхъ, украсилъ и удобрилъ мое имѣніе, не дѣлалъ долговъ, не велъ тягебъ, и, наслаждаясь вполне жизнью, умеръ, по прошествіи сорока лѣтъ, оплакиваемый родными, друзьями и крестьянами. О смерти моей не было напечатано въ газетахъ; на могилѣ моей поставили простой крестъ, украшенный благословеніями благодѣтельствованныхъ мною. Хорошо мнѣ было на свѣтъ, и я умеръ спокойно, съ чистою совѣстью, и съ надеждою, что насажденное мною добро не исчезнетъ.

Листокъ третій.

Прошло стс лѣтъ, и я опять очутилъ

ся въ живыхъ! О какую радость ощутилъ я, увидѣвъ, что деревня моя превратилась въ многолюдное и богатое село, съ фабриками и мануфактурами. На могилѣ моей стоялъ мраморный обелискъ, съ надписью: *Доброму помѣщику*. Внуки мои пользовались въ свѣтъ заслуженнымъ уваженіемъ и довольствомъ. Данное мною хорошее воспитаніе дѣтямъ, и старанія о обогащеніи крестьянъ и приличномъ ихъ званію просвѣщенія принесли сладкіе плоды. Внуки мои гордились мною и вспоминали обо мнѣ съ любовью и уваженіемъ. Старикъ крестьяне, рассказывали дѣтямъ своимъ, что слышали про меня отъ своихъ отцевъ. Никто не спрашивалъ, какой я имѣлъ чинъ, и какое занималъ мѣсто въ жизни, а всѣ благословляли память добраго помѣщика и отца семейства.

Тутъ вся жизнь моя представилась моей памяти. Боже мой! какъ я былъ глупъ, въ первую эпоху моего существованія! Изъ чего я бился, изъ чего я дѣлалъ зло людямъ, изъ чего льстилъ имъ, обманывалъ

ихъ! Они не удостоили памяти моей даже проклятіемъ! — Тяжелая, хлопотливая, исполненная опасностей жизнь моя, въ первую эпоху, исчезла, какъ сгнившій листъ писанной бумаги. Между людьми я былъ какъ камень между камнями, и не доставляя никому радости, не раздѣляя ни съ кѣмъ радости, не имѣлъ понятія о счастіи, и не былъ счастливымъ. Чины, богатство, власть доставили мнѣ минутное величіе, какъ разлившіяся воды и тающіе внезапно снѣга превращаютъ сухой оврагъ въ шумный источникъ. Но величіе мое кончилось съ жизнію! Какъ жаль, что я не приласкалъ ни одного Автора, ни одного Художника, которые могли бы спасти имя мое отъ забвенія, сочетавъ со своимъ именемъ!

Въ другую эпоху моего существованія я жилъ сердцемъ и дѣйствовалъ умомъ, для счастья окружающихъ меня и зависящихъ отъ меня — и былъ счастливъ. Я вовсе не думалъ о потомствѣ, но сдѣланное мною добро перешло къ нему и сохранило мое имя. Вѣрю теперь, что наше счастье, слава, честь

и даже наслажденія зависятъ *отъ людей*, и такъ, кто хочетъ имѣть эти блага, тотъ долженъ жить *для людей*, а не для себя. Но людей привязываетъ къ намъ не умъ, а сердце.»

Здѣсь кончится рукопись сумасшедшаго, сказалъ я, положивъ на столъ листки, и смотря внимательно на моего пациента. Онъ погруженъ былъ въ задумчивость.

— «Дайте мнѣ эти листки!» сказалъ онъ, вставая: «я сплещу ихъ, и завтра же возвращу вамъ.»

Я отдалъ ему листки, и онъ, простясь со мною, пошелъ домой.

На другой день я получилъ листки, при слѣдующей запискѣ: «Не беспокойтесь, любезный Докторъ, навѣщать меня. Я ѣду за городъ на нѣсколько дней, и по возвращеніи васъ уведомяю.»

Не получая объ немъ ни какого извѣстія въ теченіе недѣли, я захватилъ къ нему, но мнѣ сказали въ домѣ, что онъ сдалъ квартиру и вовсе уѣхалъ изъ города, неизвѣстно куда. Я пожалѣлъ о несчастномъ, и

пенялъ на себя, думалъ, что не успѣвъ приняться за излеченіе болѣзни, я наскучилъ ему и заставилъ его бѣжать отъ меня. Я навѣрное полагалъ, что онъ, забившись въ какое нибудь захолустье, кончитъ жизнь въ чахоткѣ. На исцѣленіе его я не имѣлъ ни какой надежды.

Прошло десять лѣтъ, и я забылъ о моемъ пациентѣ. Между тѣмъ къ дочери моей посватался добрый, умный и ученый молодой врачъ, только что вступившій на поприще практики. Онъ былъ бѣденъ, но и я былъ небогатъ. Практика моя была обширная, но я пользовалъ, но большей части, бѣдныхъ и не торговался съ богатыми, а потому едва имѣлъ столько, чтобъ прожить безъ нужды. Больно было моему родительскому сердцу, что я не могъ пристроить порядочно милой моей дочери, и снабдить новое семейство всѣмъ, что нужно для перваго обзаведенія. Жена моя плакала. Вдругъ входитъ въ мою комнату толстый, здоровый, румяный мужчина и бросается прямо въ мои объятія. «Вы не узнаете меня, Док-

торь!» — Нѣтъ, извините! — «Я вашъ старинный паціентъ, тотъ самый, котораго вы излечили *тремя листками изъ дома сумасшедшихъ!*» — Какъ, это вы! — «Да, я, прежній глупецъ, который чахнулъ отъ честолюбія, и растолстѣлъ, слѣдуя рецепту, прописанному сумасшедшимъ, *во вторыхъ листкахъ!* Я живу въ деревнѣ, женатъ, имѣю троихъ дѣтей, красивыхъ какъ кундончики, занимаюсь садоводствомъ, земледѣльствомъ, благосостояніемъ моихъ крестьянъ, любимъ, уважаемъ сосѣдями — и совершенно счастливъ! Теперь не всѣ люди кажутся мнѣ несносными, не всѣ книги скучными, а Сенатскія Ведомости читаю я только для Указовъ, и вовсе не заглядываю въ производства, ибо цѣню людей по мѣрѣ пользы, оказываемой ими человѣчеству. Полезнымъ же человѣчеству можно быть во всякомъ званіи, а тѣмъ болѣе тамъ, гдѣ участь многихъ зависитъ *отъ сердца* одного Но я должникъ вашъ, и пришелъ расплатиться съ вами. Я узналъ, что вы выдаете дочь свою замужъ. Вотъ десять тысячъ рублей за *три*

листка, исцѣлившіе меня отъ сумасшествія! Возьмите, Докторъ! Доставьте мнѣ наслажденіе вашимъ счастьемъ. Инаго счастья я не знаю, какъ дѣлалъ другихъ счастливыми . . .»

Я прижалъ къ сердцу прежняго моего паціента, и запросилъ его на свадьбу моей дочери. Ко мнѣ съѣхалось много людей чиповныхъ и богатыхъ, между которыми и было нѣсколько товарищей, по службѣ, прежняго моего паціента. «Какъ вы счастливы,» говорили ему прежніе товарищи: «что можете жить спокойно и счастливо въ деревнѣ, дѣлать добро и наслаждаться жизнью!» Мой паціентъ улыбался. «А кто же мѣшаетъ вамъ сдѣлать то же, хотя подъ конецъ жизни?» спрашивалъ онъ. «Но какъ упустить старшинство!» возразилъ одинъ изъ гостей, тяжело вздыхая. «На это у нашего Доктора есть рецептъ, примолвилъ мой паціентъ: *три листка изъ дома сумасшедшихъ.*»

— № XIV. —

Я Д Ъ.

ЧЕРТЫ ИЗЪ ЧАСТНОЙ ЖИЗНИ.

—

Много вѣковъ уплыветъ въ вѣчность, пока промышленность, торговля и образованность воздвигнуть на плодородныхъ равнинахъ обширной Россіи такое множество городовъ какъ въ западной Европѣ, — городовъ, въ которыхъ бы сосредоточивались всѣ выгоды и всѣ наслажденія просвѣщенія и всѣ утонченности общежитія. Теперь, исключая столицъ и нѣсколькихъ приморскихъ и губернскихъ городовъ, точки, называемыя городами на географическихъ картахъ, не заслуживаютъ имени ни города, ни деревни-

Будемъ терпѣливы: города строятся и населяются не по мѣрѣ воли, но по мѣрѣ потребностей народа. Предоставимъ праправнукамъ нашимъ веселиться въ чистыхъ, населенныхъ промышленныхъ городахъ, лежащихъ одинъ отъ другаго на разстояніи почтовой гоньбы, и переселимъ теперь, воображеніемъ, въ одинъ изъ отдаленныхъ нашихъ городишковъ, на ярмарку, гдѣ случилось рассказываемое мною происшествіе.

Этотъ городишка лучше многихъ другихъ. Въ немъ находятся двѣ каменные церкви и аптека, съ запасомъ заморскихъ матерійловъ третьяго разбора. Въ городѣ живетъ съдой лекаръ, Карлъ Карловичъ, до сихъ поръ некончившій экзамена на званіе доктора медицины, и слывущій «чудеснымъ», потому что онъ единственный врачъ на разстояніи пяти сотъ верстъ. Тутъ имѣетъ свое мѣстопробываніе повивальная бабка, Каролина Карловна, родомъ Шведка изъ Выборга, бывшая кухаркой въ теченіе пятнадцати лѣтъ у знаменитой повивальной бабки въ Петербургѣ. Прибавьте къ этому четыре

лавки съ Русскими, и одну лавку съ колоніальными товарами, присутственныя мѣста, почтовую контору, надлежащее число питейныхъ домовъ для пользы и удовольствія жителей низшаго класса, а для наслажденій высшаго, погребокъ съ иноземными виноградными винами, крещеными въ Москвѣ и Петербургѣ; Нѣмецкій трактиръ, содержимый обанкрутившимся въ Москвѣ Нѣмецкимъ сапожникомъ, и «Продажа» игральныхъ картъ, — и вы должны согласиться, что въ этомъ городишкѣ можно жить спокойно и пріятно, можно быть сытымъ, жирнымъ, толстымъ, можно прожить, промотать и пролябедничать имѣніе, и умереть по правиламъ медицины, при помощи почтеннаго Карла Карловича и пріятеля его, аптекаря. Не думайте однако жъ, чтобъ въ этомъ пріятномъ городишкѣ не было вовсе умственныхъ наслажденій, Напротивъ. Почтенный Московскій книгопродавецъ, Логиновъ, присылаетъ туда, дважды въ годъ, по нѣскольку лубочныхъ коробокъ съ книгами и раскрашенными картинками, съ Французскими надписями Мос-

ковской фабрики, а бурмистръ, занимающійся казенными подрядами, не превышающими суммы десяти тысячъ рублей, выписываетъ Московскія Вѣдомости, которыя, побывавъ въ теченіе недѣли у всей грамотной братьи, возвращаются къ нему въ видѣ блиновъ.

Въ это время была ярмарка. Въ балаганахъ разложены были кустарныя произведенія Московской промышленности, жижи, которые ломаются на чертвомъ хлѣбѣ, замки съ желѣзными пружинами, бронза лняющая отъ прикосновенія руки, бумажныя ткани и платки, красящіе гораздо лучше, чѣмъ выкрашенные, шероховатая и кривая стеклянная и фаянсовая посуда, и множество всякаго товара изъ заднихъ угловъ Московскаго толкучаго рынка. Въ домахъ продавались бракованныя и проточенныя моляю сукна, вышедшія изъ моды шелковыя ткани и ситцы, крашеные мѣха, и, къ великой радости прекраснаго пола, женскіе наряды, — шляпки, и чепцы, пелеринки и косынки, ленты и вуали, готовыя и кроеныя платья,

которыя, безъ благотвѣтельнаго учрежденія ярмарокъ, должны были бы залежаться и истлѣть въ магазинахъ на Кузнецкомъ Мосту. Въ лавкахъ можно было запастись на цѣлый годъ подмоченнымъ и высушеннымъ сахаромъ, чаемъ, пересынаемымъ изъ цибиковъ въ пестрые ящики съ Китайскими уродами, прѣлымъ кофе, заплеснѣвшимъ вишнею ягодами и изюмомъ, вывѣтрѣвшимъ перцемъ и лавровымъ листомъ, и изсохшимъ миндалемъ. На площади было множество хромыхъ и кривыхъ лошадей, съ поддѣльными зубами. Правда, что во множествѣ великой величины были кое-гдѣ и хорошіе товары, для знатоковъ, не восхищающихся дешевизною; но какъ исключеніе изъ правилъ не входитъ въ общій расчетъ, то мы умалчиваемъ о рѣдкостяхъ.

Почти всѣ окружныя помѣщики съѣхались въ городъ. Женатыя прѣехали съ семействами, холостые съ своими комнатными собаками, и нѣкоторые съ своими молодыми домоправительницами. Утро посвящено было дѣламъ, то есть, прогулкѣ по лавкамъ и

между балаганами. Улицы загромождены были тяжелыми экипажами, и на площади, гдѣ толпились народъ, крики кучеровъ и визгъ форейтеровъ заглушали шумъ и вопли торговцевъ и любопытныхъ. Пыль вилась густымъ облакомъ надъ городомъ, смѣнивъ непроходимую грязь на немощенныхъ улицахъ. Щеголи перебѣгали нѣшкомъ отъ подъѣзда къ подъѣзду, чтобы выгружать экипажи, набитые биткомъ дамами и дѣвцами, и мѣняться Французскими фразами. Посреди площади, на курганѣ, составившемся изъ сложенного въ кучу сора, стоялъ старикъ, горюничій, въ новомъ мундирѣ и высокой шляпѣ, и бросалъ кругомъ юпитеровы взгляды, которые приводили въ трепетъ мошенниковъ и заставляли пьяныхъ соблюдать равновѣсіе. У подножія кургана стояли два присяжные, въ сѣрыхъ шинеляхъ и въ фуражкахъ, съ палкой въ рукѣ.

День кончился благополучно. Въ избѣ, гдѣ запирали на ночь, до утренней раздѣлки, пьяныхъ и буяновъ, остались два порожнія мѣста на нарахъ. Чудесный докторъ,

Карлъ Карловичъ, приглашенъ былъ только четыре раза въ полицію, для освидѣтельства ушибовъ и побоевъ, а о нарушеніи правъ собственности подано было только восемь жалобъ. Шумъ на улицахъ утихъ; питейные дома затворились, и почтенный городничій надѣлъ халать. Въ домахъ, гдѣ жили помѣщики съ ихъ семействами, свѣчи уже догорѣли до половины, освѣщая карточные столы, за которыми сосѣди, уставъ отъ разговоровъ о хозяйствѣ, псовой охотѣ, тяжбахъ, а сосѣдки, уставъ отъ сплетней и пересудовъ, играли въ вистъ и бостонъ. Въ нѣкоторыхъ домахъ дѣвцы уже дремали, а въ другихъ бесѣдовали между собою и съ молодыми сосѣдами о чувствительныхъ предметахъ.

Но въ Нѣмецкомъ трактирѣ было шумно и весело. Этотъ трактиръ помѣщался въ обширномъ деревянномъ домѣ, на площади. Онъ построенъ былъ лѣтъ за сорокъ передъ симъ, уѣзднымъ дворянскимъ предводителемъ, который имѣлъ свою домашнюю музыку, давалъ балы и обѣды, и наконецъ

разорился. Имѣнье его продано съ публичнаго торга, а домъ сдѣлался принадлежностью города, и обращенъ былъ въ военный госпиталь, во время квартированія войскъ. Когда войска выступили въ походъ, домъ оставался необитаемъ около десяти лѣтъ, и безъ всякой починки пришелъ въ ветхость. Въ это время одинъ молодой помѣщикъ, жившій въ Москвѣ въ одномъ домѣ съ обанкрутившимся сапожникомъ, пригласилъ его поселиться въ ихъ уѣздномъ городѣ и завести трактиръ, обѣщая помощь отъ своихъ земляковъ при такомъ полезномъ для блага общаго начинаніи. Сапожный мастеръ не рѣшился, но жена его, молодая, красивая и проворная Нѣмочка, уговорила мужа, и они, прѣхавъ въ этотъ городокъ, наняли подъ трактиръ бывший госпиталь, съ обязанностью починить одну половину дома, и содержать другую въ благоприличномъ видѣ. Молодые помѣщики снабдили Амалію Карловну строительными матеріалами и рабочими людьми, и одна половина дома приведена была въ состояніе довольно исправ-

ное. Покрайшей мѣрь дождь, хотя иногда и капалъ сквозь крышу и потолокъ, не лился ручьями на полъ, и вѣтеръ, хотя продувалъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, уже не гасилъ свѣчь въ гостинныхъ комнатахъ. Три уютные покоя, для помѣщенія хозяйки и хозяина, были отдѣланы весьма чисто. Такъ, одна половина дома кое-какъ держалась, а другая безпрестанно осѣдала, и отъ-этого, на половинѣ досчатой крыши, былъ переломъ, и домъ похожъ былъ на двугорбаго верблюда. Въ необитаемой половинѣ окна забиты были досками и завѣшены рогожами. Эта половина служила Амаліи Карловнѣ для хозяйственныхъ надобностей. Въ бывшемъ кабинетѣ уѣзднаго предводителя содержались гуси и индѣйки; въ дѣтской вскармливались телята; въ будуарѣ покойной предводительницы помѣщались дойки коровы; въ танцевальной залѣ сохранялись дрова, а въ гардеробной огородные овощи: философы справедливо говорятъ, что не мѣсто даетъ важность человѣку, а человѣкъ мѣсту. Амалія Карловна своею любезностью, ловкостью и

умѣньемъ жить въ свѣтѣ, качествами приправленными хорошимъ бифштексомъ и крѣпкими винами, прославила свой трактиръ въ трехъ смежныхъ губерніяхъ, приобрѣла множество друзей между помѣщиками и множество непріятельницъ между ихъ женами, и уже составила себѣ порядочный капиталецъ, съ которымъ намѣревалась возвратиться въ Москву или переѣхать на житье въ Петербургъ. Ее удерживало только одно важное обстоятельство, а именно, расчетъ съ помѣщиками, вписанными въ ея долговую книгу, которые въ три поры года обѣщали выплатить ей долгъ по собраніи хлѣба, а въ четвертую пору года жаловались на неурожай, на низкія цѣны, и не платили.

Въ обширныхъ комнатахъ табачный дымъ разлегался облакомъ подъ потолокомъ, а нижній слой атмосферы наполненъ былъ пуншевыми испареніями. Въ бильярдной не было прохода. Два знаменитые игрока играли во сто рублей партію, а пріятели ихъ билась между собою объ закладъ. Въ боковыхъ комнатахъ, на малыхъ столикахъ ужи-

нали и пили пушшъ. Въ задней комнатѣ прѣзжая изъ Москвы компанія игроковъ мѣтала банкъ, на длинномъ столѣ, окруженномъ безмолвными понтерами. Хотя азартныя игры и въ то время были запрещены, но онѣ были терпимы подъ-рукою и, какъ всѣмъ извѣстно, составляли главный доходъ городничихъ, полицеймейстеровъ и капитанъ-исправниковъ. Невзирая на то, что Амалія Карловна всегда брала для прислуги съ дюжину лакеевъ у ближнихъ помѣщиковъ на время ярмарки: ей самой много было хлопотъ наблюдать за кухней, погребомъ и буфетомъ, и записывать въ долговую книгу, потому что мужъ ея, для убѣжденія посѣтителей въ добротѣ своихъ товаровъ, всегда прежде всѣхъ напивался допьяна, и оставлялъ женѣ всѣ заботы по хозяйству. Но за то онъ не вмѣшивался и въ ея дѣла, довольствуясь благороднымъ титуломъ мужа и не отъемлемымъ правомъ его званія, — наѣдаться, напиваться досыта, и курить табакъ во все время бодрствованія. Въ табачномъ дыму, въ шумъ и крикъ, между стакановъ

и бутылокъ, среди усатыхъ молодцовъ, Амалія Карловна появлялась какъ солнце въ хаосѣ, и присутствіемъ своимъ усмирала бунтующіи стихіи. Она была разряжена какъ куколка, въ бѣломъ чепчикѣ съ розовыми лентами, въ розовомъ платьицѣ съ зеленымъ шелковымъ передникомъ, и звонкимъ голоскомъ своимъ заглушала хлопанье шампанскихъ пробокъ, поспѣвая въ тѣ углы дома, гдѣ начинался споръ и слышались взаимныя угрозы. Ни одинъ уставъ благочинія не исполнялся съ такою точностью, какъ ея дружескіе совѣты, а какъ самыя буйныя головы были съ ней въ тѣсной дружбѣ, то вліяніемъ ея содержалось все въ должномъ порядкѣ и благопристойности.

Въ столовой комнатѣ сидѣли подъ окномъ смиренно два помѣщика, одинъ пожилой, другой молодой человекъ, въ чекмень и съ усами, въ память того, что его двоюродный братъ служилъ въ гусарахъ. Молодой человекъ курилъ сигару, а пожилой ожидалъ своей очереди поужинать, потому что всѣ столики были заняты.

— Знаете ли, Иванъ Павловичъ, что у меня завелся новый сосѣдъ? сказалъ молодой человекъ. Въ село Закатаево прѣхалъ на житье изъ Петербурга самъ хозяинъ....

— Какъ! сынъ покойнаго Александра Ивановича Шелкова, Михайла Александровичъ перѣхалъ въ деревню?..... возразилъ пожилой человекъ съ удивленіемъ и съ пріятною радостью.

— Онъ самый! примолвилъ молодой усачъ: впрочемъ пустячный человекъ, и, кажется, задорный. Мои крестьяне искони ловили рыбу въ его озеръ, а онъ теперь запретилъ. Еще покойный мой отецъ охотился въ его дачахъ, — а теперь онъ не позволяетъ! Важная фигура!..... До сихъ поръ не былъ ни у кого съ визитомъ: говорить, что ему стыдно показаться въ люди. Слышно, что изъ всего отцовскаго имѣнья у него только и осталось что это сельцо Закатаево съ двумя стами душами..... Пріятель мотнулъ порядкомъ! Сказываютъ, что жена у него красавица, — а если бъ не то, я бы надобль ему порядкомъ, по сосѣдству. Я бы

припудилъ его отдать мнѣ руками всѣхъ своихъ зайцевъ и лисицъ.....

— Оставьте его въ покоѣ, Платонъ Семеновичъ! сказалъ пожилой человекъ: сосѣдъ вашъ и безъ того несчастенъ. Правда что онъ лишился большей части отцовскаго имѣнья и, что еще хуже, лишился по собственной винѣ; но все-таки онъ человекъ благородный, съ добрымъ сердцемъ и съ хорошею головою. Приключенія его стоило бы напечатать, для предостереженія молодыхъ людей, вступающихъ въ свѣтъ сиротами, съ деньгами и съ запасомъ суетности. Сосѣдъ вашъ, Михайла Александровичъ Шелковъ, воспитывался въ одномъ модномъ Французскомъ пансіонѣ, вмѣстѣ съ дѣтьми людей, которые были выше его состоянія. Въ этомъ пансіонѣ не было раденія о внушеніи юношамъ нравственности, не было заботы о образованіи сердца: такъ не мудроно, что изъ него вышло въ свѣтъ много негодлейъ.

Михайла Александровичъ имѣлъ страсть еодиться съ знатными. Выбирая товарищей, онъ не искалъ въ нихъ ни ума, ни сердца,

а искалъ однихъ титуловъ. Тщеславіе заглумило въ немъ все похвальныя качества, и увлекло въ бездну. Пріятели объѣдали его, обирали, и наконецъ продали игрокамъ, возбудивъ въ немъ страсть къ карточной игрѣ. Счастье, что онъ успѣлъ еще опомниться, хотя уже нѣсколько поздно. Любовь спасла его отъ совершеннаго разоренія. Онъ влюбился въ бѣдную дѣвицу, женился на ней, бросилъ все свои связи, и, избѣгая искушенія, вознамѣрился удалиться въ свое деревушку. Слава Богу, что онъ исполнилъ это! Надобно вамъ сказать мимоходомъ, что племянникъ мой, Константинъ, былъ влюбленъ также въ эту дѣвицу, то есть, въ нынѣшнюю жену Михайла Александровича....

— Какъ! Константинъ Петровичъ?.... гусарь?.... воскликнулъ молодой усачъ, вскочивъ со стула.

— Да! онъ самый, продолжалъ пожилой человекъ. Племянникъ былъ пріятелемъ Михайлу Александровичу и вмѣстѣ его соперникомъ. Но они кончили это дѣло весьма благоразумно, а именно, вмѣсто того, чтобы,

по сумасбродному обычаю, стрѣляться на дуэли за руку красавицы, предоставили ей рѣшить ихъ участь. Она выбрала Михайлу Александровича, и племянникъ мой, хотя съ горестью въ сердцѣ, но безъ ропота покорился своей судьбѣ. Пріятели перестали видѣться, но разстались безъ ненависти. Впрочемъ, мнѣ кажется, что племянникъ мой не справился еще со своей любовью. Въ письмахъ его къ отцу видна такая меланхолія, что мнѣ, право, страшно за него. Ему все опротивѣло.... свѣтъ, служба, столица! Мы ожидаемъ его на дняхъ здѣсь. Онъ ѣдетъ за ремонтомъ....

— Какіе пустяки! гусарь и влюбленъ! сказалъ насмѣшливо молодой человекъ; покручивая усы. Нѣтъ, этакой «аказіи» не случится съ моимъ двоюроднымъ братомъ, гусаромъ! Онъ свелъ съ ума всехъ Полекъ и всехъ Нѣмокъ, въ Вильнѣ и въ Ригѣ, а самъ.... и въ усы себѣ не дуется. Вотъ это называется по-гусарски!.... Амалія Карловна, велика подать шампанскаго. Прощу выкупать со мною, Иванъ Павловичъ.... хоть за здо-

ровье наших гусарь и красавицы-невидимки, моей соседки. А как прїдетъ вашъ племянникъ, то я ужъ его повеселю. У меня завелись два гнѣзда лисиць въ томъ бору, что влѣво отъ дороги. . . . Знаете, когда перѣѣжаешь чрезъ поле. А вотъ и вино! Не угодно ли?

— Благодарю покорно! Я пью за столомъ, сказалъ пожилой человекъ.

— Ну, такъ я присяду къ вамъ съ моей бутылкой. . . . Вотъ и ваши козелеты.

Пожилой человекъ сѣлъ ужинать, а молодой усачъ сѣлъ возлѣ стола, и сталъ попивать шампанское.

Вдругъ раздался звукъ шпорь и бряцаніе сабли: вошелъ статный гусарскій офицеръ. Пожилой человекъ вскочилъ изъ-за стола и бросился къ нему на шею.

— Добро пожаловать, племянникъ!

— Здравствуйте, дядюшка! А гдѣ батюшка?

— Онъ въ губернскомъ городѣ. Мы его ждемъ на дняхъ. . . . Да когда же ты прїѣхалъ?

— Съ полчаса. Прїшелъ перекусить чегонибудь. . . .

— Амаля Карловна! закричала пожилой человекъ: пожалуйста, велите дать чегонибудь, для милаго гостя, да поскорѣ. . . .

— Шампанскаго! завопилъ молодой усачъ, и бросился также обнимать гусара, который, какъ казалось, не слишкомъ пламенно отвѣтствовалъ на нѣжности своего знакома, и, освободясь изъ его объятій, сказалъ хладнокровно: — А, это ты, Платоша! Устарѣлъ ты, братецъ! Не исправился ли? Не мѣшай же мнѣ ужинать. . . . Я проголодался.

Между-тѣмъ въ игорной комнатѣ продолжалась трудная работа. Прїѣзжая компанія игроковъ очищала преспокойно карманы доверчивыхъ провинціаловъ, прельщенныхъ блескомъ золота и пуками ассигнацій, которыя разложены были весьма искусно для приманки глазъ. Художникъ банкометъ металъ подрѣзными картами «на баламута,» и преспокойно передергивалъ, удостовѣрясь, что имѣеть дѣло съ профанами. Трое кру-

перовъ, гигантскаго роста, съ раздутыми рожамъ, хладнокровно собирали деньги съ проигравшихъ картъ своими медвѣжьими лапами, и дерзко смотрѣли въ глаза понтерамъ, выходившимъ изъ терпѣнія. Четвертый изъ почтенныхъ членовъ компаніи сидѣлъ плотно подлѣ банкюмета, и, получая отъ товарищей уложенныя на баламута колоды картъ, передавалъ ихъ весьма искусно банкюмету, который, будто сморкаясь въ огромный платокъ, перемѣнялъ колоду послѣ съемки. Пятый членъ водилъ проигравшихся въ компанію, гдѣ сидѣлъ нотаріусъ съ книгою, для записки векселей, потому что почтенная компанія придерживалась строго основныхъ правилъ игры, — не била темныхъ (закрытыхъ) картъ и не вѣрила ни кому, «ниже родному отцу,» на мѣлокъ. Извѣстнымъ людямъ позволялось выставить вексель, положить его за руки, и послѣ того понтировать. Это дѣлала компанія единственно изъ дружбы и изъ уваженія къ лицамъ: весьма немногіе пользовались этою дружбою и этимъ уваженіемъ. Банкюметъ былъ весьма

замѣчательное лице: прежде крѣпостной чело-вѣкъ одного игрока, послѣ того откупился наволю, получилъ, неизвѣстно какимъ образомъ, чинъ 14 класса, обыгралъ «на вѣрную» прежняго своего барина, женился на его дочери, которая умерла съ горя скоро послѣ замужства, и, четыре раза бывъ подлѣ уголовнымъ судомъ, избѣгнуть наказанія, и только оставленъ въ сильномъ подозрѣніи. Будучи крѣпостнымъ, онъ дважды служилъ натурщикомъ одному знаменитому живописцу-любителю, который писалъ съ него Кайна и Іуду. Съ тѣхъ поръ лице его украсилось почетными рубцами отъ разбитыхъ на лбу его бутылокъ и стакановъ и разбившихъ лобъ подсвѣчниковъ, въ дѣйствительныхъ трактирныхъ сраженіяхъ за карточнымъ столомъ. Рубцы эти однако жъ не были означены въ его портретѣ, писанномъ по его приказанію, на которомъ онъ изображенъ въ гражданскомъ мундирѣ, при шпагѣ, за столомъ покрытымъ бумагами, и съ Московскимъ Журналомъ въ рукѣ. Этотъ банкюметъ, по мнѣнію умноженія его капита-

ла, приобретать высшее значение въ кругу любителей карточной игры, хорошихъ вишь и вкуснаго стола. Сперва онъ слылъ добрымъ мальымъ, потомъ назывался порядочнымъ человекомъ, а наконецъ поступилъ въ почтеннѣйшіе. Въ Москвѣ собиралось къ нему множество чиновнаго народа, купцовъ изъ числа разгульныхъ, и даже нѣсколько подмастерьевъ авторскаго цеха. У него было весело, безцеремонно, на холостую ногу, всего вдоволь. . . . Почтенный человекъ!

Между-тѣмъ какъ повопрѣзкій гусарь ужиналъ, разговаривалъ съ дядею, и отвѣчалъ на вопросы знакомыхъ, подходившихъ къ нему здороваться, пробила полночь. Гусарь всталъ и хотѣлъ идти домой, какъ вдругъ вошелъ въ столовую старшій его воспитанникъ и сослуживецъ. Поздоровавшись съ нимъ, гусарь замѣтилъ необыкновенное смущеніе на его лицѣ. — Что съ тобою, товарищъ? Ты кажется невеселъ! сказалъ гусарь, взявъ пріятеля за руку.

— Пронгрался, братецъ! отвѣчалъ пріятель.

— Тебѣ не привыкать стать! возразилъ гусарь.

— Ай-да Москвичи! примолвилъ первый: очистили насъ порядкомъ! Бѣднаго Шелкова пустили по міру. . . .

— Шелкова! Михайлу? подхватилъ гусарь. Онъ здѣсь?

— Былъ здѣсь, а теперь Богъ-вѣсть куда дѣнется! Онъ выбѣжалъ изъ трактира, какъ встрепанный. Знаешь ли что: онъ проигралъ векселями болѣе ста тысячъ!

— Неужели! Да это почти все его состояніе! сказалъ гусарь, сплеснувъ руками. Несчастная Вѣра! примолвилъ онъ про себя.

— Вѣрно былъ порядочно навеселъ? сказалъ молодой усачь, который прежде разговаривалъ съ дядею гусара.

— Ни въ одномъ глазѣ! отвѣчалъ проигравшійся помѣщикъ. Удивительный игрокъ! Холодень и терпѣливъ какъ камень. Ужъ какіе куши били ему. . . . Даже не поморщился!

— Должно спасти его! сказалъ гусарь, обратясь къ дядѣ.

— Я готовъ. . . . если только есть средство.

— Ого у меня при боку, сказалъ гусарь. Господа! примолвилъ онъ, обращаясь къ пріятелямъ: кто другъ мнѣ, тотъ долженъ подождать здѣсь полчаса. Я сейчасъ возвращусь. . . .

Гусарь надѣлъ фуражку, и бросился опретью за двери. Черезъ полчаса возвратился онъ въ трактиръ съ унтеръ-офицеромъ и съ двумя гусарами. Кивнувъ дядѣ и пріятелямъ, чтобы они его подождали, онъ велѣлъ лакею проводить себя въ игорную комнату.

Лишь только гусарскій офицеръ появился въ дверяхъ, банкочетъ поблѣднѣлъ, руки его затряслись и лице ужасно скривилось. По счастью для него, онъ кончилъ талію. Бросивъ карты на столъ, онъ сказалъ: — Баста! — и, опрокинувшись на стулъ, вперилъ взоръ въ гусара, какъ-бы предчувствуя бѣду.

— Баста, и вотъ я явился къ расчету! сказалъ гусарь грозно. Что, пріятель, опять

попался въ мои руки! примолвилъ онъ, обращаясь къ банкочету. Не увернешься! Пожалуѣйка со мной въ другую комнату.

Банкочетъ не трогался съ мѣста и поглядывалъ жалостно на товарищей своихъ, которые перешептывались между собою. Понтеры, не понимая, что все это значить, смотрѣли то на гусара, то на банкочета.

— Ступай со мной, или я велю моимъ гусарамъ вытащить тебя за волосы!

— Разбой! грабежъ! завопилъ банкочетъ. Понтеры вскочили съ мѣсть своихъ и съ любопытствомъ ожидали окончанія этой сцены.

Банкочетъ нарочно возилъ съ собою дюжихъ и звѣрообразныхъ товарищей, чтобы имѣть защиту и содержать понтеровъ въ страхъ. Онъ обратился къ своимъ тѣлохранителямъ и сказалъ задыхаясь: — Защитите! Онъ убьетъ меня! Онъ уже два раза чуть оставилъ душу въ моемъ тѣлѣ. . . .

Тѣлохранители банкочета двинулись впередъ. Одинъ изъ нихъ, ставъ противу гуса-

ра, сказалъ: — Какъ вы смѣете нарушать порядокъ и благочиніе? Драться хотите, что ли? — Сабли вонъ! закричалъ офицеръ, обращаясь къ своимъ гусарамъ. Если ты осмѣлишься пошевелинуться, то велю изрубить всѣхъ васъ на битое мясо. Господа! сказалъ онъ понтерамъ: возьмите деньги свои назадъ вы обыграны на вѣрную.... Я знаю этого мошенника, и сей часъ конфисковалъ поддѣльныя карты въ его квартирѣ.

Понтеры, не ожидая расчета, спрятали свои деньги, а одинъ изъ товарищей банкومتъ схватилъ деньги изъ банка, сколько могъ ихъ загрести въ объ горсти, выбилъ ногой раму въ окнѣ и бросился въ огородъ. Тотъ изъ игроковъ, который подошелъ къ офицеру съ угрозами, сталъ отступать тыломъ въ другую комнату. Банкومتъ, дрожа отъ страха, сидѣлъ какъ окаменѣлый.

Другой тылохранитель сказалъ офицеру: — Помилуйте, что значить это самоуправство! Какъ вы можете обнажать сабли... Развѣ вы не бонтесъ отвѣта?...

— Я ничего не боюсь, и изрублю васъ

какъ разбойниковъ въ лѣсу, если осмѣлитесь противиться. Я приставилъ часовыхъ къ вашей квартирѣ, опечатавъ поддѣльныя карты, которыя вы привезли съ собою и представлю ихъ правительству. Оно оправдаетъ меня.

— Но что мы вамъ сдѣлали? за что изволите гнѣваться? примолвилъ прежній игрокъ. Благоволите объясниться. Можно сойтись....

Офицеръ перешелъ въ другую комнату. Игрокъ потащилъ туда же почти безчувственнаго банкومتъ.

Офицеръ сказалъ: — Если хотите кончить дѣло миролюбиво, вотъ вамъ мои условія: отдайте мнѣ векселя Шелкова и всѣ проигранныя имъ наличныя деньги, и чтобъ завтра же не было васъ въ этомъ городѣ. Въ противномъ случаѣ, клянусь честью, что велю моею командъ перевязать васъ и самъ доставлю васъ въ губернской городъ съ вашими картами.

Нельзя ли помириться, ... хоть на половину? возразилъ товарищъ банкومتъ.

Не уступлю ни гроша!

Банкометь, не говоря ни слова, выпуль бумажникъ, отсчиталь четыре тысячи, и отдалъ ихъ офицеру вмѣстѣ съ векселемъ Шелкова.

Офицеръ, кончивъ свое дѣло, вышелъ спокойно въ столовую и сказалъ дядѣ: — До свиданія. Шелковъ спасенъ!

Узнавъ отъ Амалин Карловны, гдѣ живетъ Шелковъ, офицеръ отправился прямо къ нему.

Квартира Шелкова была не заперта. Старый дворецкій, со слезами въ глазахъ, укладывалъ вещи. На дворѣ стояла запряженная повозка.

— Гдѣ баринъ? спросилъ офицеръ.

— Ахъ, батюшка, Константишь Петровичъ! Вотъ опять Богъ привелъ свидѣться? сказалъ дворецкій, цѣлуя руку стараго пріятеля своего барина. Михайла Александровичъ только что уѣхалъ въ деревню. А что съ нимъ такое, ужь я не умью вамъ сказать, только знаю, что вѣрно что-то не доброе. Сердце замираетъ, какъ вспомню...

Онъ обтеръ слезы кулакомъ и продолжалъ:

— Съ часъ времени, какъ онъ воротился домой, блѣдный, съ красными глазами. Я думалъ, что онъ боленъ, и хотѣлъ было согрѣть чайникъ, но онъ не приказалъ, — сталъ расхаживать по комнатѣ, потомъ вдругъ зарыдалъ и бросился на постель... «Охъ, батюшки, какъ тяжело мнѣ на сердцѣ!» Потомъ родимый выбѣжалъ со двора и принесъ съ собою какой-то бѣлый порошокъ, велѣлъ подать воды, размѣшалъ и выпилъ... Какъ только выкушалъ, съмъ тотчасъ писать и велѣлъ, чтобъ Филька осѣдлалъ лошадь, и былъ готовъ скакать къ барынѣ. Потомъ раздумалъ; изорвалъ письмо, велѣлъ заложить коляску, обнялъ меня, сказалъ — «Прости на-вѣки, Семень!» — и зарыдалъ, сердечный!... Господь знаетъ, что это значить. Вотъ и я собираюсь за нимъ же.

— Подожди меня, Семень! сказалъ офицеръ, и побѣжалъ въ аптеку.

Онъ насилу достучался. Провизоръ, протирая глаза, встрѣтилъ его въ дверяхъ.

— Былъ ли здѣсь Шелковъ, Михайла Александровичъ? спросилъ офицеръ.

— Я не знаю его вовсе, а за часъ передъ этимъ былъ здѣсь какой-то господинъ.

— Чего онъ спрашивалъ?

— Яду! отвѣчалъ хладнокровно провизоръ.

— И вы дали ему?

— Хотя онъ просилъ яду для крысъ, но онъ мнѣ показался въ такомъ положеніи, что я самъ не осмѣлился дать, и послалъ его къ хозяину....

— Ведите меня къ нему!

— Онъ спитъ. Нельзя ли подождать до утра?

— Ни минуты!

Провизоръ провелъ офицера въ другую комнату, и разбудилъ хозяина. Переговоривъ съ нимъ горячо, офицеръ пустился бѣжать въ квартиру Шелкова, велѣлъ сбросить вещи съ повозки, сѣлъ въ нее, и поспекалъ въ деревню къ Шелкову. Семень не осмѣлился противорѣчитьъ, и остался съ вещами въ городѣ.

Читатель уже отчасти знаетъ исторію

Шелкова. Онъ былъ человекъ «нашего вѣка»: слѣдовательно, въ немъ нѣтъ ничего оригинальнаго, ничего отличительнаго, потому что въ наше время оригинальность ума и характера почитается смѣшною. Шелковъ похожъ былъ на девяносто девять человекъ изъ ста молодыхъ людей всѣхъ странъ и народовъ. Онъ имѣлъ доброе сердце и умъ просвѣщенный науками, но ему не доставало нравственнаго и религіознаго воспитанія, и оттого всѣ похвальныя его качества приносили мало пользы и ему самому, и другимъ. Умъ и сердце, безъ разсудка и безъ твердыхъ правилъ, можно сравнить съ спасателями корабля безъ руля и безъ кормчаго. Первое направленіе, принятое Шелковымъ при вступленіи въ свѣтъ, привело его безостановочно на край погибели, и первое сильное чувствованіе возвратило его на истинный путь. Это чувствованіе было — любовь. Въ домъ одного высшаго чиновника онъ увидѣлъ бѣдную сироту, и полюбилъ ее такою любовью, о которой не имѣлъ прежде ни какого понятія. Любовь заставила его оглянуться на прощ-

лучю жизнь, — и онъ ужаснулся. Вѣра до шестнадцатилѣтняго возраста, была воспитана умною и добродѣтельною матерью, вдовѣю бѣднаго и честнаго чиновника. Она содержала себя небольшимъ пенсіономъ и трудами рукъ своихъ. Бѣдность и всегданній примѣръ добродѣтели образовали характеръ Вѣры. Она имѣла всѣ тѣ качества, которыя моралисты стараются внушить женскому полу, и сверхъ-того одарена была отъ природы умомъ и красотою. Бывшій начальникъ ея отца взялъ се въ домъ по смерти матери, и обходился съ ней какъ съ родной дочерью. Черезъ два года предстали женихи, — Шелковъ и гусарскій офицеръ. Шелковъ былъ права тихаго, скромнаго, пѣжесъ, почтительнаго, начитанаго, любилъ Литературу, Искусства. Гусаръ былъ вспыльчивъ, опрометчивъ, мечталъ объ одной войнѣ и сраженіяхъ. Вѣра избрала Шелкова, который женившись вздумалъ поселиться въ деревнѣ, чтобъ избѣгнуть вліянія прежнихъ друзей, помогшихъ ему промотать огромное имѣніе. Шелкову въ это время было не болѣе двад-

цати пяти лѣтъ отъ рожденія. Онъ еще могъ заглядить прежнія свои шалости. При рожденіи сына онъ поклялся не играть въ карты, и два года держалъ слово, не имѣя случая измѣнить ему. Отправившись на ярмарку для закупки необходимыхъ для хозяйства вещей, и увидѣвъ игру, онъ съѣлъ играть по-маленькой, и заигрался. Слово *заигрался* понятно тѣмъ, которые имѣютъ несчастную страсть къ игрѣ, которые связаны были судьбою съ людьми, преданными этой пагубной страсти или торговымъ спекуляціямъ. На человѣка находить кака-то одурь, и надежда на успѣхъ заглушаетъ вопль разсудка. Въ это время рискуютъ честью, имѣніемъ и жизнью. Не даромъ между игроками есть пословица: «играй, но не отыгрывайся». Шелковъ, проигравъ наличныя деньги, захотѣлъ отыграться, вздумалъ укрѣпиться нѣсколькими рюмками шампанскаго, и проигралъ, на векселя, все свое имѣніе. Тогда только вспомнилъ онъ о жепѣ и о младенцѣ. За ошибкой идетъ раскаяніе и сожалѣніе, а за добровольнымъ проступкомъ почти всегда

сѣдуетъ отчаяніе. Въ первомъ приступѣ отчаянія Шелковъ побѣжалъ въ аптеку, купилъ на послѣднія сто рублей яду, и проглотилъ его. Но лишь только онъ принялъ ядъ, жизнь предстала ему со всеми надеждами, со всеми ожидаемыми въ ней радостями. Любовь къ женѣ и сыну сильно завопила въ душѣ. По количеству принятой отравы онъ не надѣялся спасти жизнь, рѣшился, по крайней мѣрѣ, взглянуть на жену и на дѣтнице, и умереть въ ихъ объятіяхъ. Онъ поскакалъ въ деревню, лежавшую только въ пятнадцати верстахъ отъ города.

Всѣ въ домѣ спали. Шелковъ разбудилъ людей, велѣлъ подать огня, вошелъ со свѣчей въ спальню жены, и разбудилъ ее. Взглянувъ на него, она ужаснулась. Лице его было блѣдно, глаза налиты кровью, волосы и платье въ беспорядкѣ. Въ чертахъ лица было что-то необыкновенное, судорожное.

— Боже мой, что съ тобою сдѣлалось? воскликнула Вѣра. Ты боленъ, другъ мой!....

Шелковъ сѣлъ на кровать, взявъ руку жены, прижалъ ее къ устамъ и къ сердцу,

и сказалъ отчаяннымъ прерывающимся голосомъ: — Ангель мой, другъ, милая Вѣра! ты любила недостойнаго тебя, изверга....

Вѣра чуть не упала въ обморокъ. Въ глазахъ у нея потемнѣло. Она подумала, что мужъ ея совершилъ какое-нибудь злодѣяніе, убилъ человека....

— Выслушай терпѣливо, другъ мой! продолжалъ Шелковъ. Богъ надѣлилъ тебя твердостью души, укрѣпилъ сердце святою вѣрою. Собери всѣ силы твоего ума и души, выслушай и прости меня.... Можетъ-быть чрезъ минуту мы разстанемся на вѣки....

Голосъ его ослабъ, въ груди раздавались заглушенные рыданія; но онъ не могъ уже плакать. Вѣра дрожала всѣмъ тѣломъ, и не имѣла силъ говорить.

— Я проигралъ все мое имѣніе, пустилъ по міру тебя и нашего младенца!.....

Вѣра ожгла.

— Только-то! Успокойся, другъ мой! сказала она, бросясь на шею мужу. Мы будемъ трудиться; ты не станешь больше играть.... и мы будемъ по прежнему сча-

стливы, можетъ-быть, будемъ счастливѣе, чувствуя цѣну трудовъ нашихъ . . .

— Нѣтъ! . . . Все кончилось! . . . Я принять ядь! . . .

— О Боже! . . .

Вѣра упала безъ чувствъ на подушки. Шелковъ бросился къ дверямъ, позвалъ служанокъ, велѣлъ помогать женѣ, а самъ какъ бышневый выхватилъ младенца изъ колыбели: не взирая на его крикъ, онъ сталъ прижимать его къ устамъ, произнося что-то невнятное. Вскливанія заглушали его голосъ. По-счастью, Природа сжалась надъ нимъ, и дала ему слезы.

Вѣра пришла въ себя, и, едва держась на ногахъ, вскочила съ постели, накинута на себя капоть, и побѣжала на крикъ младенца. Повиснувъ на шею мужа она зарыдала.

— Неужели нѣтъ спасенія? . . .

— Ни какого! Ужъ я чувствую дѣйствіе яда во внутренности . . .

— Молись, другъ мой, молись! . . . Проси прощенія у Бога! . . .

Они оба бросились на колѣни передъ образомъ. Младенецъ²затихъ на рукахъ матери.

Вдругъ послышался колокольчикъ. Углубленные въ молитву, несчастные супруги не обращали вниманія на вѣшніе предметы.

Въ другой комнатѣ зазвучали шпоры. Вѣра оглулась. Дверь съ шумомъ отворилась, и вошелъ гусарскій офицеръ. Вѣра вскрикнула, и прижалась лицомъ къ младенцу. Шелковъ всталъ, взглянулъ на офицера, и отступилъ, закрывъ лице руками. Внезапное появленіе бывшаго соперника въ эту минуту, когда онъ ввергъ въ бездну погибели несчастную Вѣру, казалось ему небесною карою. Совесть вопіяла въ немъ и терзала сердце; но онъ преодолѣлъ себя, сдѣлалъ шагъ впередъ, и сказалъ:

— Будь ея покровителемъ! . . .

Стыдъ и чувство собственнаго униженія разстроили его совершенно. Вся кровь бросилась ему въ лице. Онъ не могъ продолжать.

— Благодарю за позволеніе! отвѣчалъ офицеръ, поклонясь Вѣрѣ. И вотъ первая моя служба....

При этихъ словахъ онъ вынулъ бумажникъ, и, подавая его Шелкову, сказалъ:

— Возьми, Михайла Александровичъ! Это твоя собственность, которую я отнял у грабителей.

Шелковъ развернулъ бумажникъ, взглянулъ, и, бросивъ на полъ, всплеснулъ руками и вскричалъ: — Боже мой, это весь мой проигрышъ!.... Что это значить?

— Это значить, что тебя обыграли на-верную, или ограбили, а я отнял у разбойниковъ твои деньги, и возвращаю тебѣ по принадлежности.

Офицеръ улыбнулся.

Шелковъ бросился на шею офицеру, и, прижимая его къ сердцу, повторялъ: «Другъ мой! благодѣтель!» Наконецъ, обратясь къ женѣ, онъ сказалъ:

— Ты не будешь одинокою въ мірѣ,

и сынъ мой не останется сиротою... Вѣтъ твой покровитель! Теперь я умру спокойно.... Прощай навѣки, истинный другъ мой! примолвилъ онъ, и снова прижалъ къ сердцу офицера.

— Проститься я долженъ съ тобою, Михайла Александровичъ, потому что я сейчасъ обязанъ возвратиться въ городъ, къ моей командѣ, но прощаюсь съ тобою не навѣки.... Я все знаю, и вижу, что ты крѣпко напугалъ Вѣру Николаевну. Успокойтесь, сударыня! Мужъ вашъ думаетъ, что онъ принялъ ядъ, а онъ принялъ.... магнезію.

Вѣра смотрѣла пристально на офицера, и, колеблясь между страхомъ и надеждою, не могла промолвить слова. Сердце ея сильно билось.

— Что ты говоришь?... сказалъ Шелковъ дрожащимъ голосомъ.

— Сущую правду, отвѣчалъ офицеръ, улыбаясь. Честный аптекаръ, видя тебя въ разстроенномъ положеніи, почти въ безпамятствѣ, догадался о твоёмъ умыслѣ, и, она-

саясь, чтобъ въ случаѣ его отказа надѣлать тебя ядомъ, ты не лишилъ себя жизни другимъ образомъ, далъ тебѣ пріемъ магnezинъ, котораго по цѣвту ты не могъ отличить отъ сулемы. Этотъ пріемъ весьма тебѣ полезенъ, любезный другъ. Онъ успокоитъ твои нервы... Но пусть этотъ случай будетъ тебѣ памятенъ на всю жизнь. Помни, что ты не можешь располагать своимъ существованіемъ, и что оно принадлежитъ Богу и семьѣ твоей.... Прощайте!

Ошицеръ подошелъ къ рукѣ Вѣры, и она крѣпко пожала ему руку, сказавъ громко: — Вы истинно честный и благородный человекъ! Этотъ день будемъ мы всегда праздновать въ семьѣ, въ честь вашу....

Слезы навернулись на ея глазахъ. Тяжелый вздохъ вылетѣлъ изъ груди благороднаго вонна.

Тщетно Шелковъ старался удержать его. Онъ возвратился въ городъ немедленно. Любовь къ Вѣрѣ таилась въ его сердцѣ, и онъ не могъ перенести ея присутствія.

Шелковъ пересталъ играть въ карты, и нѣжностью, угодливіостью, любовью загладилъ свой проступокъ передъ женою. Никогда пріемъ магnezинъ не имѣлъ такого спасительнаго дѣйствія!

— № XV. —

ОМАРЪ И ПРОСВѢЩЕНІЕ.

Я хотя не ученый, не знаю, что между ученостью и мудростью такая разница, какъ между хлѣбною печью и хлѣбомъ.

Слова моего дядушки.

Вы непременно хотите, чтобъ я рассказалъ вамъ что нибудь. Извольте. — Но теперь я не въ такомъ расположеніи духа, чтобъ забавлять васъ рассказами о *Листѣ воровъ*, о *Честиломъ подъягемъ*, о *Золотомъ оселѣ* и объ *улюмѣ Воеводѣ*. Сказки мнѣ на-

доѣли. Я расскажу вамъ нѣчто важное, а именно, о Халифѣ Омарѣ 1-мъ. — Но я долженъ сперва сказать вамъ, кто таковъ былъ этотъ Омаръ 1-й. — Не гнѣвайтесь, сударыня! Я вовсе не думалъ подозрѣвать васъ въ невѣжество. Знаю, что вы и учились Исторіи, и теперь даже читаете историческія сочиненія; но вы не должны оскорбляться, если я вамъ скажу, что при всемъ томъ, вы не знаете, кто таковъ былъ Омаръ 1-й. Это самое готовъ я повторить каждому школярю, напшикованному ученостью и цитатами отъ пять до маковки, и радъ спорить съ нимъ объ этомъ столько же, сколько ученые спорили между собою о мѣстѣ рожденія Гомера; о которомъ нынѣ говорятъ *тъ же ученые*, что онъ вовсе не существовалъ! То же будетъ современемъ и съ Исторіей! Начало уже сдѣлано. Нибуръ доказалъ, какъ дважды два четыре, что все начало Римской Исторіи, въ которую мы вѣрили тысяча восемь сотъ лѣтъ, какъ въ святыню, есть не что иное, какъ сказка, а въ существованіе Царства Мидійскаго, въ

Кировъ и Артаксерксъ нынѣ столько же вѣрятъ, какъ въ Продотовыхъ Иперборейцевъ и — въ *Кощей безсмертнаго*. Вся эти рассказы и Историческое безвѣріе происходятъ отъ того, что люди подсмотрѣли: *какъ пишется Исторія*. Вы никогда не видали этого, сударыня? — О! это весьма забавно! Вообразите себѣ, что вы нашли, между семейными бумагами, лоскутокъ, на которомъ отмѣчено, что такого - то числа и года ваша почтенная прабабушка, Сенаторша при Петрѣ Первомъ, купила себѣ чепецъ. Лоскутокъ этотъ попадется въ руки человѣку, который не знаетъ, что съ собой дѣлать, а люди не знаютъ, что съ нимъ дѣлать. Онъ беретъ въ руки перо, и пишетъ пишетъ: какой былъ чепецъ, купленный вашею прабабушкой, какого роста была ваша прабабушка, какое было у нее лице, волосы, брови, глаза и губы, какого она была нрава, какъ жила, что дѣлала, гдѣ бывала, и даже объясняетъ, на что она купила чепецъ, и что съ ней случилось въ этомъ чепцѣ! Вы читаете это описаніекрасно, сладко,

кудревато, и вы удивитесь, когда вамъ скажутъ, что этотъ человѣкъ, писавшій о вашей прабабушкѣ, родился черезъ сто лѣтъ послѣ ея смерти, не видалъ даже ея портрета, не слыхалъ объ ней ни словечка, ни отъ потомковъ, ни отъ современниковъ ея, а въ писаніи своемъ основался единственно на найденномъ вами лоскуткѣ бумаги! Я видѣлъ, сударыня, какъ пишутся Исторіи, и притомъ различныя Исторіи: Исторія на заказъ, Исторія для продажи, Исторія отъ скуки, Исторія *ради скуки*; но, признаюсь откровенно, не видалъ, какъ пишется Исторія для поученія рода человѣческаго. Говорятъ, что есть и такія Исторіи, но ихъ не читаютъ и не любятъ, какъ моты не читаютъ и не любятъ счетовъ заимодавцевъ, а потому изъ такихъ Исторій выдираютъ листы, пятнаютъ чернилами Но не въ томъ дѣло. — Обратимся къ Халифу Омару I-му.

Вы знаете изъ Исторіи, что онъ былъ второй Халифъ послѣ Магомета, основателя вѣроисповѣданія, весьма неблагопріятнаго для дамъ, любящихъ свободу, и для мужичиъ,

любящихъ вино. Никто не станетъ спорить (кромя меня), если вы прибавите, что этотъ Омаръ былъ тиранъ, варваръ, гонитель просвѣщенія, истребитель неоцѣненнаго сокровища всемірнаго, Александрійской Библиотеки. Вы будете правы, сударыня, если скажете это, ибо все это написано на всѣхъ языкахъ Латинскаго, Греческаго, Славянскаго и Германскаго корня. Но у меня есть пріятель, который читаетъ по - Турецки и по - Арабски. Онъ сказывалъ мнѣ, что въ Исторіяхъ писанныхъ на сихъ языкахъ, Халифъ Омаръ 1-й изображенъ величайшимъ, мудрѣйшимъ, благочестивѣйшимъ и добродѣтельнѣйшимъ Халифомъ послѣ Магомета. Въ подкрѣпленіе своего мнѣнія, Турецкіе и Арабскіе Историки приводятъ слѣдующее: «По-елику,» говорятъ они: «величіе земное оцѣняется числомъ шумныхъ, громкихъ дѣлъ, и уваженіе измѣряется страхомъ, то мы, Турецкіе и Арабскіе Историки, честь имѣемъ объявить всѣмъ и каждому, что Халифъ Омаръ 1-й покорилъ Сирію, Финикію, Іудею, часть Персіи, Египеть и Ливію, раз-

билъ *одинадцать воиствъ*, взялъ приступомъ или на уговоръ *тридцать шесть тысячъ* городовъ и замковъ, разорилъ *четыре тысячи* иновѣрческихъ церквей и храмовъ, и, выстроивъ *тысячу четыреста* мечетей, распространилъ и утвердилъ вѣру Пророка на Востокъ и Западъ. * «*Ла илахе иль Альмаху, ве Мухаммеду ресулю-льлахъ*,» т. е. «нѣтъ божества, кромѣ Аллаха, а Магометъ Пророкъ его,»—или, короче: «Единъ Богъ, а Магометъ Пророкъ его.» Симъ благочестивымъ восклицаніемъ начинаются и кончаются, какъ извѣстно, всѣ рѣчи и писанія у Мусульманъ, и симъ же кончу я выписку изъ Турецкихъ и Арабскихъ Историковъ.

Если бъ я не зналъ, какъ вы добры, сударыня, а захотѣлъ бы узнать это, то сталъ бы разспрашивать о вашемъ нравѣ вашу служанку; но не пошелъ бы развѣдывать у служанки вашей двоюродной сестрицы, которая не любитъ васъ за то, что вы милѣе

* Историческая истина.

ея, любезнѣе, и — что всего важнѣе для нее — въ тысячу разъ прекраснѣе. Извините! Мнѣ, человеку подъ сѣдиною, позволительно сказать вамъ это въ глаза. Это одно утѣшеніе, на старости, для страстнаго почитателя вѣчнаго пола! Только не позволяйте говорить вамъ эту правду вашему вичатному братцу, гусару, который смотритъ на васъ такъ страшно, какъ смотрѣлъ Халифъ Омаръ 1-й на осажденную имъ крѣпость Александрію. Осада сія случилась въ 640 году, послѣ Рождества Христова, и городъ этотъ былъ въ то время совѣмъ не то, что онъ теперь. Онъ основанъ въ 335 году, до Рождества Христова, Александромъ Македонскимъ, котораго называютъ *Великимъ*, и притомъ *безспорно*, за тѣ же самые подвиги, которые доставили *спаривасное велигіе* Омару, т. е. за взятіе городовъ и покореніе областей, не взирая на то, что Омаръ упрочилъ завоеванія свои наследникамъ, и водворилъ въ нихъ свои законы, а всемірная Монархія Александра распалась на части послѣ его смерти, приключившейся отъ

излишняго употребленія вина, котораго Омаръ не пилъ вовсе. Присемь я долженъ замѣтить, сударыня, что ничего нѣтъ мудрѣе въ законѣ Магометовомъ, какъ запрещеніе пить вино въ Турціи, при тамошнемъ образѣ правленія, неизмѣнномъ со времени Магомета. Одинъ мой пріятель (не знающій ни по-Турецки, ни по-Арабски), разговарывая со мною однажды о Турціи, весьма справедливо замѣтилъ, что нѣтъ ничего ужаснѣе, какъ пьяный Паша, который однимъ порывомъ необузданной своей воли можетъ сорвать у васъ съ плечь голову, а не въ силахъ укротить самую легкую головную боль. По счастью, не всѣ приближенные Александра Македонскаго перенимали его пороки, чтобы правиться ему, а въ томъ числѣ былъ одинъ изъ лучшихъ его Полководцевъ, Птолмей, которому, при раздѣлѣ завоеванныхъ областей, достался въ удѣль Египетъ. Этотъ мудрый и добрый Государь и достойные его потомки украсили Александрію, столицу Царства, и сдѣлали ее средоточіемъ всемірной торговли и убѣжищемъ всемірнаго просвѣ-

щенія. Нынѣшняя Александрія такъ же похожа на древнюю, какъ нашъ Зашиверскъ или Сингилей похожи на Петербургъ. Когда Омаръ подступилъ къ Александріи, тогда въ ней было болѣе 300.000 жителей, обитавшихъ въ великолѣпныхъ домахъ; а чтобъ вы могли судить о просвѣщеніи города, довольно напомнить вамъ, что тамъ были двѣ библіотеки, въ которыхъ вмѣщалось около 700.000 томовъ. Сказываютъ, что при этихъ книгахъ было болѣе ученыхъ, нежели сколько въ нынѣшнихъ библіотекахъ, при половинномъ числѣ книгъ, бываетъ молли, певѣждъ и посѣтителей изъ любопытства, а не для удовлетворенія жажды познаній.

Вы знаете, сударыня, что Египетъ въ то время составлялъ часть огромнаго омертвѣлаго тѣла, носившаго почтенное имя Римской Имперіи. Сбродъ всѣхъ народовъ, именующаясь Римскими гражданами, перебѣгалъ изъ одного конца Имперіи въ другой, ища поживы, какъ мародеры въ домъ, оставленномъ хозяевами. Тогдашніе Римскіе граждане не точь въ точь были тоже, что нынѣшніе

Жиды-граждане, которые простодушно отвѣчаютъ воинамъ двухъ непріятельскихъ армій, спрашивающихъ ихъ, кому они желаютъ победы: «Помогай Богъ и вашимъ и нашимъ!» — Тогдашнее Римское Государство уже не имѣло гражданъ: оно имѣло только чиновниковъ.

Въ цѣлой Александріи одинъ только Проконсулъ и чиновники его канцеляріи со страхомъ и трепетомъ ожидали слѣдствія осады, ибо увѣрены были, что послѣ покоренія города, они лишатся мѣсть и сопряженныхъ съ ними доходовъ. Изъ предосторожности, они прежде выслали всѣ свои деньги и дорогія вещи въ Византію, и утѣшались въ горести тѣмъ, что имѣютъ на что купить другія прибыльные мѣста. Не удивляйтесь этому, сударыня! Тогда было не то, что нынѣ. Тогда люди были развратны и преданы роскоши, а развратъ и роскошь единоутробны съ корыстолюбіемъ и лихоимствомъ. Въ Византіи не продавали мѣсть такъ лжно, какъ мясо и сукно, но каждый зналъ, къ кому должно отнестись для полу-

ченія мѣста, и сколько каждое мѣсто стоило. Жители Александріи не безпокоились вовсе о взятіи города и о томъ, въ чей онъ будетъ власти, но сильно безпокоились на счетъ собственнаго имущества; а потому весьма обрадовались, когда Омаръ повелѣлъ городу и округу выслать депутатовъ для выслушанія своей воли.

Депутатія, составленная изъ почетнѣйшихъ гражданъ (т. е. имѣвшихъ болѣе денегъ и болѣе страха лишиться оныхъ), явилась въ лагерь Омара. Депутаты введены были немедленно въ его палатку. Онъ сидѣлъ на диванѣ, поджавъ ноги, и вѣрно курилъ бы трубку, если бъ въ то время открыта была Америка и куреніе табаку было принято образованными Европейцами отъ дикихъ народовъ, которые, въ свою очередь, переняли у насъ, не менѣе похвальный обычай, упиваться водкой. Если бъ я не боялся растянуть своего повѣствованія, то охотно потолковалъ бы съ вами о необыкновенной странности въ родѣ человѣческомъ, а именно, о страсти и легкости перенимать все

дурное или бесполезное, а оставлять безъ вниманія хорошее. У насъ, напримѣръ.... но оставимъ это до другаго случая.... И такъ Омаръ сидѣлъ на диванѣ и держалъ въ рукѣ нагайку, вмѣсто жезла или посоха, съ которыми изображаются древніе Фараоны Египта. Депутаты низко поклонились Омару; а онъ имъ сказалъ рѣчь, достовѣрность коей основана на тѣхъ же самыхъ доказательствахъ, какъ рѣчи, приводимыя Тацитомъ и Титомъ Ливіемъ. Я прошу у васъ извиненія, сударыня, за Омара и за себя, если рѣчь его оскорбитъ нѣжные органы вашего слуха. Омаръ былъ человѣкъ грубый, воспитанный въ воинскомъ станѣ, безъ Французскаго гувернера и танцмейстера. Онъ имѣлъ дурную привычку говорить то, что у него было на умѣ и на сердцѣ, и старался объяснить свою волю какъ можно короче и понятнѣе. Вотъ что сказалъ онъ депутатамъ Александріи:

«Послушайте вы, скоты! Если вы не впустите меня въ городъ въ теченіе двадцати четырехъ часовъ, и не покоритесь безу-

словно моей воли, то я сожгу и разрушу вашъ городъ до основанія, а всѣхъ жителей, съ женами и дѣтьми, велю посадить на *колья*, окружающіе городской валъ. Если же вы немедленно исполните мое приказаніе, то я общаю вамъ сохраненіе жизни, имущества и вольность вѣроисповѣданія. Хотя Пророкъ завѣщалъ мнѣ распространять Исламизмъ, но я не хочу никого принуждать къ принятію нашей вѣры. Мнѣ все равно, кому бы ни поклонялись мои рабы, быку ли Апису, или птицѣ Ибису, только бы платили мнѣ исправно харачъ и безпрекословно повиновались моей воли. Вы должны знать, однако жъ, что исповѣдники Ислама не платятъ никакихъ податей, пользуются исключительнымъ правомъ занимать должности, могутъ рѣзать уши и бить палками по пяткамъ Глуровъ (невѣрныхъ), при малѣйшемъ подозрѣніи въ неуваженіи къ себѣ и въ недоброжелательствѣ къ Исламизму, и отнимать у Глура имущество, при малѣйшемъ сомнѣніи, что онъ задумаетъ употребить его во зло Исламу. Кто приметъ добровольно

законъ Пророка, тотъ другъ и братъ мой; а кто останется при своей вѣрѣ, тотъ въ моихъ глазахъ — собака! *Ла алахе иль Алялаху, ве Мухаммеду ресулю — лълахъ!* Пошли вонъ — и къ вечеру пришлите отвѣтъ!»

Депутаты нашли рѣчь Омара чрезвычайно убѣдительною. На пути въ городъ они поразсудили о слышанномъ. Кушцы думали: какая намъ до того нужда, кто будетъ управлять Египтомъ! Вѣдь безъ торговли быть нельзя, а когда будетъ торговля,—будутъ и барыши. А Магометанская вѣра? Ну что жъ! Чалма право красива . . . а если при этомъ можно будетъ испросить привилегіи и монополіи, и позволено будетъ ввозить запрещенные нынѣ товары . . . Дѣло несомнительно прибыльное, и при перемѣнѣ вѣры, чистаго барыша сто на сто! Туземные судьи, адвокаты и ходатаи по дѣламъ разсуждали: будь правителемъ хоть самъ Магометъ, или другой Пророкъ, почище его, ябеда все-таки не истребится на землѣ, и всегда будутъ существовать взятки, протори, убытки и тяжёбныя издержки.

И такъ хлопотать право не изъ чего, и пусть будетъ то, чего миновать нельзя! — Гражданамъ, властителямъ домовъ и дачъ весьма правилось увольненіе отъ платежа податей. Бѣдныхъ ремесленниковъ и поселянъ не было въ депутации, а потому они ничего не говорили и ни объ чемъ не думали. Городской Глава велѣлъ немедленно вычистить и вызолотить заржавленные городскіе ключи, и вынести ихъ Омару на золотомъ блюде, купленномъ въ долгъ на счетъ будущей городской казны, ибо настоящую казну разобрали по своимъ сундукамъ Члены Городоваго Совѣта, для того, чтобы лишить предприятий добычи. На другой день, Омаръ вступилъ съ войскомъ въ городъ, а на третій день всѣ почетнѣйшіе жители нарядились въ чалмы, и на всѣхъ улицахъ только и слышны были радостныя восклицанія: «*Ла иллахе иль Альлаху, ве Мухаммеду ресулюллахъ!*» Проконсулъ съ чиновниками бѣжалъ заблаговременно.

Я уже сказывалъ вамъ, что въ Александріи было множество ученыхъ, которые

въ то время назывались софистами. Они преподавали темно отвлеченныя, т. е. тусклыя и мрачныя Науки, спорили между собою о вещахъ, ни для кого незанимательныхъ и во все бесполезныхъ, и рылись въ старыхъ книгахъ, чтобъ обновлять забытыя глупости. Нынѣ такихъ людей зовутъ педантами. Вы, сударыня, очень счастливы, что не встрѣчались никогда съ педантами. Увѣрю васъ, что гораздо споспѣе чирей на носу, чѣмъ пріязнь съ человѣкомъ этого разряда: я согласился бы скорѣй подружиться съ козломъ, чѣмъ съ педантомъ. Въ Институтъ, вѣрно, не учили васъ, что такое педантъ. Хотите ли знать? Я вамъ скажу. Это машина, по образу и подобію человѣка, приводимая въ движеніе или винными парами или чадомъ тщеславія, заводимая голодомъ и самолюбіемъ, повторяющая цѣлый вѣкъ одно и то же, чѣмъ начнена была въ юности. Педантъ, зная 999 чужихъ мнѣній объ одномъ предметѣ, не имѣетъ ни о чемъ собственнаго понятія, и смертельно ненавидитъ умныхъ людей, имѣющихъ собственное мнѣ-

не, почерпнутое из разсудка, а не из старопечатныхъ книгъ. Забавиѣ всего въ педантъ есть то, что онъ, гордясь своею гнилою, какъ стоячая вода, ученостью, обижается, когда вы изъ вѣжливости назовете его настоящимъ его ученымъ званіемъ, и если онъ не имѣетъ другаго званія, то скорѣй согласится, чтобы вы величали его полотеромъ, нежели тѣмъ, чѣмъ онъ есть, т. е. софистомъ или школяромъ. Въ древнія времена, Греція и Египетъ снабжали міръ софистами, а нынѣ добрая, честная Германія надѣляетъ всѣ пять частей Свѣта педантами, какъ Италія надѣляетъ міръ пѣвцами, Франція танцмейстерами, Англія купцами, а мы — лошадьми и рогатымъ скотомъ. Сказавъ о тяжеломъ товарѣ Германскомъ, о педантахъ, я вовсе не имѣю намѣренія оскорблять Германію, въ которой болѣе нежели гдѣ нибудь людей истинно-ученыхъ, честныхъ и добродушныхъ. Напротивъ того, я люблю Германію, люблю ее, какъ мадамъ Бутербротъ, покойницу ключницу моей покойной матери, ибо до сихъ поръ

не забылъ, что добрая мадамъ кормила меня, ребенка, какъ Индѣйскаго пѣтуха на убой, и пречувствительно пѣла фистулой: *Freut euch des Lebens, etc.* Германія также виновна въ томъ, что въ ней рождаются и созрѣваютъ самыя тяжелые педанты, какъ Корсика виновна, что въ ней плодятся лучшіе ослы, ибо тѣ же страны производятъ великихъ людей, каковы были, напримѣръ Наполеонъ и Фридерикъ великій. Дѣло въ томъ, что каждая страна изобилуетъ какою нибудь породою изъ царства животныхъ. Но я замѣчаю, что начинаю употреблять во зло ваше терпѣніе, сударыня! — Извините заболтался! Зная, что педанты не внесены еще въ Натуральную Исторію, которую вы такъ любите, я счелъ долгомъ моимъ истолковать вамъ свойство сихъ существъ.

Педанты, или софисты Александрійскіе, одни изъ всего, такъ называемаго образованнаго сословія, не радовались покоренію Египта и введенію Магометанской вѣры, и имѣли на то три важныя причины. Во-первыхъ, имъ тяжело было отказаться

отъ вина, до котораго они всегда были страстные охотники. Хотя имъ и было извѣстно, что Магометане попиваютъ вино тайкомъ, но въ такомъ случаѣ надобно покупать его на собственные деньги, — а софисты любили испивать вино чужое, на пиршествахъ, куда ихъ приглашали, вмѣстѣ съ чревоушателями и другими филлярами. Вторыхъ, софистамъ не правилось многоженство, потому, что по особенной принадлежности ихъ породы, они всегда находятся во власти жень, какъ взнуданные медвѣди во власти цыганъ, следовательно имъ страшно было подумать о обязанностяхъ супружества при многоженствѣ. Въ-третьихъ, въ государствѣ, управляемомъ по закону Магомета, не было вовсе для сословія софистовъ чиновъ, которыми можно было бы прикрыть свое ничтожество. Въ слѣдствіе всего этого, софисты составили родъ оппозиціи, и заговорили, о патриотизмѣ, о Христіанскихъ добродѣтеляхъ, о вольности и прочихъ предметахъ, извѣстныхъ имъ изъ книгъ. Омаръ узналъ объ этомъ, но, къ

удивленію всѣхъ, не велѣлъ отрубить имъ головы за ихъ вранье, вѣроятно почитая голову софиста столь же ничтожною вещью, какъ и вранье его.

Между тѣмъ Омаръ велѣлъ явиться къ себѣ всѣмъ чиновникамъ и всѣмъ значительнѣйшимъ гражданамъ, и когда они собрались передъ дворцомъ его, онъ вышелъ къ нимъ и сказалъ: «Я хочу управлять вами согласно съ вашими пользами и желаніями, а потому и намѣренъ избрать изъ среды васъ людей для совѣта и помощи. Скажите мнѣ: кто изъ васъ лучшій, т. е. кто болѣе любитъ истину, и желаетъ вамъ блага?» Все присутствующіе молчали, поклонились Омару, и каждый изъ нихъ, потупя взоръ, поспрашивалъ, съ иѣжностью, на самого себя, давая самъ знать, что онъ самъ лучше всѣхъ, но что изъ скромности не смѣетъ объявить этого. Они бы не постыдились расхвалить себя, если бъ не боялись, что сосѣди уличатъ ихъ во лжи. Омаръ окинулъ взоромъ собраніе, улыбнулся и продолжалъ: «И такъ, если скромность запрещаетъ вамъ

объявить мнѣ, кто изъ васъ лучше всѣхъ, то скажите мнѣ, кто изъ васъ хуже всѣхъ, т. е. злѣе, вреднѣе для общества?» — Поднялся шумъ. Присутствующіе заговорили все вдругъ. Одинъ называлъ своего заимодавца, другой соперника, третій товарища въ торговлѣ, четвертый дядю, послѣ котораго надлежало получить наслѣдство, пятый со-вмѣстника, шестой начальника и т. д. — Омаръ повелѣлъ всемъ замолчать. «Назовите мнѣ одного только человѣка,» сказалъ онъ: «котораго вы почитаете опаснѣйшимъ и вреднѣйшимъ для вашего спокойствія!» — «Апертусъ! Апертусъ!» закричали со всѣхъ сторонъ. — «А кто таковъ этотъ Апертусъ, чиновникъ?» — «Нѣтъ!» — Купецъ? — «Нѣтъ!» — Софистъ? — «Нѣтъ!» — «Кто жъ онъ таковъ?» сказалъ съ нетерпѣніемъ Омаръ. — «Патрицій, Римскій гражданинъ, переселившійся сюда изъ отдаленной провинціи Имперіи.... Житель здѣшняго города....» «Что жъ онъ дѣлаетъ дурнаго?» спросилъ Омаръ. «Обманываетъ ли, ссорить ли семейства, клеветать ли, соблазняетъ ли женъ вашихъ и дочерей, строить ли козни,

ищеть ли происками мѣсть, денегъ, почестей?» Я хочу знать, что онъ сдѣлалъ дурнаго?» — Все молчали. — «Скажите же мнѣ, за что вы ненавидите его, за что почитаете злымъ человѣкомъ, врагомъ вашего спокойствія?» спросилъ Омаръ. — Стоявшій вблизи купецъ улыбнулся и сказалъ, поглядывая на судью: «Апертусъ жестоко бранитъ взяточниковъ, насмѣхается надъ нами и не даетъ имъ покоя....» — Судья не далъ кончить купцу и примолвилъ, взглянувъ лукаво на него: «Апертусъ насмѣхается также надъ тщеславными купцами, которые стыдятся своего званія, ползутъ въ Патриціи, и въ искательствѣ издерживаютъ нажитое отцами, а плутовъ-купцевъ Апертусъ бранитъ безъ пощады....» — «Онъ нападаетъ на юношество,» сказалъ одинъ растрепанный Франтъ: «называетъ молодыхъ людей пьяницами, буянами.» — «То есть, называетъ пьяницами пьяницъ, буянами буяновъ, невѣждами невѣждъ,» примолвилъ Омаръ, смотря съ презрѣніемъ на растрепаннаго юношу. — «Онъ критикуетъ по-

ступки исполнителей законовъ, вопить о злоупотребленіяхъ, слѣдовательно онъ чело-вѣкъ опасный, безпокойный,» сказали предсѣдатель или засѣдатель какой-то палаты. — «А исполняютъ ли онъ самъ законы?» спросилъ Омаръ. Всѣ молчали. — «Что жъ еще?» примолвилъ Омаръ. . . . — «Апертусъ прозванъ у насъ *злойзычливъ*, потому, что не смалчиваетъ ни предъ кѣмъ и каждому говорить въ глаза то, что/другіе едва смѣютъ думать,» сказалъ одинъ гражданинъ. — «Хорошо! Подайте мнѣ этого злодѣя!» сказалъ Омаръ. — Всѣ съ удовольствіемъ посмотрѣли въ ту сторону, гдѣ стоялъ Апертусъ, поджавъ руки, и посматривая на всѣхъ съ улыбкою состраданія. — «Вотъ онъ, вотъ злодѣй нашъ!» закричали въ толпѣ. — «Убей его, запри, отръжь ему языкъ!» — Омаръ подозвалъ Апертуса и, окинувъ его взоромъ, сказалъ: — «Тебя чуждаются твои сограждане, и такъ я беру тебя въ службу и назначаю состоять при моей особѣ.» — На лицахъ присутствующихъ изобразилась страхъ и недоумѣніе. — «Скажи, какого ты хо-

чешь жалованья и награды?» примолвилъ Омаръ. — «Служить тебѣ, я готовъ, Государь!» отвѣчалъ Апертусъ: «ибо узналъ тебя въ эту минуту; а вмѣсто жалованья, квартирныхъ и столовыхъ денегъ, прошу позволенія каждый день говорить тебѣ по одной правдѣ.» — «По рукамъ!» сказалъ Омаръ, и, обратясь къ толпѣ, примолвилъ: «Ступайте по домамъ, и приготовьте для меня какъ можно болѣе денегъ. Податей я съ васъ не возьму, по обещанію; но какъ вы теперь Мусульмане, то я требую отъ васъ добровольныхъ приношеній на пользу и славу Ислама! Вы всѣ такъ *добры*, что безъ сомнѣнія чувствуете эту потребность, а *злаго* Апертуса я буду держать при себѣ, на привязи, чтобъ онъ не надобдалъ вамъ своимъ злоязычіемъ. *Ла илахе иль Аллаху, ве Мухоммеду ресулю-ллахъ.*» —

Вы можете легко представить себѣ, еударыня, что объ этомъ думали и говорили въ городѣ. Омара всѣ рѣшительно порицали, а Апертуса, который впервые въ этотъ разъ увидѣлъ Омара, называли ит-

ригантомъ, извергомъ, доносчикомъ, полагая, что онъ оклеветалъ цѣлый городъ предъ Халифомъ. Но Омаръ не слышалъ того, что объ немъ говорили, а Апертусъ объ этомъ ни мало не безпокоился, и оба они преспокойно заснули, хотя въ цѣломъ городѣ царствовала эпидемическая бессонница.

На другой день, Омаръ, въ сопровожденіи Апертуса и стражи, поѣхалъ осматривать знаменитый Музей, гдѣ находилось книгохранилище. Софисты стояли на паперти сего храма Музъ, и, когда Омаръ вошелъ на ступени, низко ему поклонились. Одинъ изъ софистовъ выступилъ на середину и началъ приветственную рѣчь:

— «Солнце, освѣщавшее Александра Великаго!...» — Присемъ ораторъ остановился, чтобъ собраться съ духомъ, но Омаръ не далъ ему продолжать, и сказалъ:— «То же солнце освѣщаетъ и дураковъ.» — Вымолвивъ сіе, Омаръ подошелъ къ толпѣ софистовъ, и устремилъ на нихъ свой проницательный взоръ, чтобъ выбрать годныхъ въ солдаты. При всей важности своей,

Омаръ не могъ удержаться отъ смѣху, и громко захохоталъ. — Представьте себѣ, сударыня, что въ то самое время, какъ вы смотрите на сферу, вдругъ бы ожгли и зашевелились всѣ фигуры зодіака (таковъ былъ видъ этой толпы.) Омаръ смотрѣлъ на эту забавную картину, хохоталъ и внутренно доволенъ былъ собою, что въ первомъ порывѣ гнѣва не велѣлъ отрубить этихъ головъ, украшенныхъ столь смѣшными рожами.

Нахохотавшись вдоволь, Омаръ вошелъ въ огромную залу, въ шесть ярусовъ, и сталъ расхаживать по ней, помахивая нагайкою, которую всегда имѣлъ въ рукахъ, насвистывая притомъ какую-то Турецкую пѣсенку, и поглядывая на книги, стоявшія на полкахъ отъ низу до верху. Софисты вошли также въ Музей, размышляя о причинѣ непонятнаго для нихъ смѣха Омара. Халифъ остановился предъ нишею, въ которомъ находились три эмблематическія статуи, отличной отдылки. — «Апертусъ, что это значитъ?» спросилъ Омаръ. — «Эти

двѣ статуи, держащія рогъ изобилія, суть *торгозля* и *прольвиленность*, богатыя дѣти бѣдной матери — *просвѣщенія*, которое изображаетъ третья статуя, стоящая выше съ кингою и циркулемъ.»

— «А что вы, Гяуры, разумѣете подъ словомъ *просвѣщеніе*?» примолвилъ Омаръ.

— «Государь!» отвѣчалъ Апертусъ: «мнѣ неприлично объяснять тебѣ этотъ предметъ въ присутствіи мужей, называющихся жрецами просвѣщенія. Благоволи спросить ихъ.» —

Омаръ обернулся къ толпѣ, и подозвавъ къ себѣ старѣйшаго изъ софистовъ, облеченнаго въ мантию, шитую золотомъ, повторилъ ему вопросъ.

Софистъ поклонился до земли, и сказалъ:

— «Просвѣщеніе есть распространеніе познаній обо всѣхъ предметахъ, подлежащихъ исключительно уму. А какъ умъ есть единственный признакъ души безсмертной, которою Небо одарило человека, то первая обязанность его состоитъ въ воздѣлываніи ума; ибо попеченіе объ немъ удо-

бруетъ душу, такъ точно, какъ попеченіе о плодоносномъ деревѣ ведетъ за собою удобреніе земли, на коей произрастаетъ сіе дерево.»

«Кудревато!» проворчалъ Омаръ. «И такъ, по твоему мнѣнію,» продолжалъ онъ, обращаясь къ ученому: «просвѣщеніе удобряетъ душу человека, т. е. дѣлаетъ его лучшимъ?»

— «Безъ сомнѣнія!» отвѣчалъ софистъ.

— «Скажи же мнѣ, въ какой странѣ или въ какомъ городѣ болѣе просвѣщенія?»

— «Въ Византіи, въ Римѣ и у насъ, въ Александріи,» отвѣчалъ софистъ. — «Только въ этихъ городахъ и въ прилежащихъ къ нимъ странахъ процвѣтаютъ Науки и философія, а прочія страны погружены въ варварствъ и невѣжество.»

— «Ты солгалъ, какъ пестъ, Гяуръ!» сказалъ Омаръ, не гнѣвно, но насмѣшливо. «Если бѣ въ Византіи, Римѣ и у васъ, въ Александріи, процвѣтало просвѣщеніе болѣе, нежели въ другихъ странахъ, то, въ слѣдствіе твоего заключенія, у васъ было бы болѣе добродѣтелей, нежели у другихъ народовъ. Однако жъ нигдѣ нѣтъ столько разврата, без-

божія, лжи, измѣны, коварства и малодушія, какъ въ этихъ трехъ городахъ. — Я родился въ странѣ, которую ты считаешь погруженною въ варварствѣ и невѣжествѣ, но слышалъ кое-что о вашихъ странахъ мудрости, и знаю, что Римъ до тѣхъ поръ былъ добродѣтеленъ, пока не перешалъ у Грековъ ихъ просвѣщенія. Одно изъ двухъ: или просвѣщеніе ваше есть зло, или вы не понимаете, въ чемъ состоитъ просвѣщеніе. Скажи мнѣ, что содержатъ въ себѣ эти книги?»

— «Эссенцію мудрости человѣческой,» отвѣчалъ софистъ: «весь свѣтъ ума, — то, что мы называемъ просвѣщеніемъ.»

— «Покажи же мнѣ главные предметы вашей мудрости,» сказалъ Омаръ.

Софистъ надулся, какъ мышь на крупу, и выступилъ впередъ, чтобы показывать Омару разные отдѣленія книгъ, заслуживающія, по мнѣнію ученаго, болѣе вниманія. «Вотъ Θεогонія, т. е. толки, споры и мнѣнія мудрецовъ о существѣ и качествахъ Божества,» сказалъ ученый, указывая на огромное отдѣленіе книгъ.

— «Взоръ!» возразилъ Омаръ: «*Аллахе или Аллаху*... Взгляни на солнце, освѣщающее и злого и добраго, и мудреца и невѣжду, и червя и челоуѣка! — Вотъ образъ благости Аллаха! Ты самъ, Глуръ, твоимъ бесполезнымъ существованіемъ, не доказываешь ли существованія всеблагаго Бога, творца солнца, звѣздъ и земли? и вы осмѣливаетесь разсуждать объ этомъ!...» — Омаръ прибавилъ къ этому нѣсколько бранныхъ словъ, которыхъ мнѣ не слѣдуетъ повторять предъ вами, сударыня!

Софистъ не возражалъ Омару, почитая его невѣждою, и, указывая на другое отдѣленіе, сказалъ: — «Это *Психологія*, т. е. мнѣнія и толки мудрецовъ о душѣ человѣческой.»

— «То есть, мнѣнія и толки савво-рожденныхъ о цвѣтахъ, примолвилъ Омаръ. «Далье!»

— «Вотъ *Выспренняя Философія*,» сказалъ софистъ: «мнѣнія и толкованія мудрецовъ о мірозданіи, о причинѣ причинъ, о началѣ и цѣли всѣхъ видимыхъ и невидимыхъ.»

димыхъ, вещей въ Природѣ...» — Омаръ вспыхнулъ. «Ты задумалъ меня дурачить, что ли, проклятый Гяуръ!» воскликнулъ онъ грозно. «Ты не можешь проникнуть мысли и воли животнаго, а хочешь знать волю Творца вселенія, и знать таинства Его предвѣчной мудрости! Такъ вотъ ваше просвѣщеніе! Вотъ надъ чѣмъ вы утруждаете свои головы!» — Омаръ въ бышенствѣ рассказывалъ по залѣ, бормоча что-то про себя, и произнося страшныя ругательства противу Гяуровъ. Гибель Омара произошла отъ неловкости софиста, который не зналъ что Омаръ любилъ Поэзію, не чуждался Словесности, охотно слушалъ рассказы изъ Исторіи и Географіи, и даже покровительствовалъ Изящныя искусства. Если бы софистъ указалъ ему отдѣленія книгъ по симъ предметамъ, то Александрійская Библіотека уцѣлала бы. Но, по несчастью, софистъ началъ съ того, что Омаръ почиталъ глупостію, а не мудростію, и симъ испортилъ все дѣло. Наконецъ, Омаръ успокоился и, подозвавъ къ себѣ Апертуса, сказалъ: — «По-

зволю тебѣ взять *одно* сочиненіе изъ этого лохмотья. Возьми и покажи мнѣ!» —

Апертусъ выбралъ: *Собраніе рассказовъ угешиковъ Сопрата объ его жизни, дѣланіяхъ и угешіи.*

— «Кто таковъ этотъ Сократъ, и чему научалъ онъ?» спросилъ Омаръ.

— «Сократъ былъ бѣдный Аѳинскій гражданинъ,» отвѣчалъ Апертусъ. «Онъ исполнялъ все обязанности, на него возлагаемыя; платилъ исправно подати; снискивалъ пропитаніе трудомъ; защищалъ оружіемъ отечество, когда оно было въ опасности, и съ покорностію предлагалъ ему свои услуги. Но когда отечество не захотѣло употребить его, онъ взялъ на себя обязанность говорить людямъ правду, и учить ихъ истинной мудрости и добродѣтели. Сократъ не искалъ *первыхъ пригнѣ**, не занимался глубокомысленными теоріями, говоря, что въ нихъ умъ *не просвѣщается, но заблуждается*, и доказывалъ сіе тѣмъ, что Природа свобод-

* Правила Философіи Сократовой не вымышлены Авторомъ,

но и легко даруетъ намъ *нужныя* познанія, и затрудняетъ изученіе знаній *беспользныхъ*, довольствующихихъ одно любопытство. Сократъ утверждалъ: что наука, единственно *нужная* для людей, есть наука ихъ *обязанностей* и *отношеній* къ *человѣчеству*. Онъ говорилъ, что мудрость есть не что иное, какъ просвѣщенный умъ, который снимаетъ обманчивыя цвѣта съ предметовъ нашей *божьи* и *надежды*, и показываетъ намъ сіи предметы въ ихъ истинномъ видѣ, а симъ даетъ прочность и основательность нашимъ сужденіямъ, подвергая притомъ волю нашу одному закону необходимости. Мудрость, такимъ образомъ понимаемая, говорилъ Сократъ — заставляетъ человѣка быть справедливымъ, убѣждая, сколь полезно для него самого повиноваться законамъ и никому не вредить, и порождаетъ въ немъ умеренность въ желаніяхъ. Изъясняя такимъ образомъ *мудрость*, Сократъ вывелъ изъ сего заключеніе, что добродѣтель есть не что иное, какъ *мудрость*, или *знаніе*, а порокъ — *невѣжество*, или *заблужденіе*. Онъ любилъ всѣхъ

людей какъ братьевъ, и изъ всего рода человѣческаго ненавидѣлъ *одного* только человѣка, а именно того, кто первый осмѣлился сдѣлать различіе между *справедливыми* и *полезными*. Убѣжденный въ истинѣ и пользѣ своихъ правилъ, Сократъ не боялся порицать въ глаза и за глаза сильныхъ и могучихъ злоупотребителей власти, развратныхъ эгоистовъ, гнусныхъ лицемеровъ, буйныхъ юношей, тщеславныхъ софистовъ, безсовѣстныхъ судей и небрежныхъ родителей. Онъ просилъ, увѣщевалъ, убѣждалъ людей быть добрыми, и наказывалъ злыхъ и упорныхъ орудіемъ насмѣлки. . . .»

Омаръ слушалъ Апертуса съ величайшимъ вниманіемъ. На лицѣ его изображалось удовольствіе. Наконецъ онъ поднялъ голову и сказалъ громко: — «Довольно! Вотъ такихъ людей люблю я, будь онъ Гяуръ или Мусульманинъ! Гдѣ этотъ Сократъ? Подавай его сюда — я тотчасъ сдѣлаю его первымъ моимъ Визиремъ или Муфтіемъ!»

— «Сократа давно уже нѣтъ въ живыхъ,» отвѣчала Апертусъ.

— «Жаль!» возразилъ Омаръ. «За одинъ волосъ изъ бороды его, я отдаю бы цѣлый городъ вашъ! — Вы, Глуры,» приложилъ Омаръ: «воздаете божескую почесть смертнымъ, которые прославились между вами мудростью, или неустрашимостью, воздвигаете имъ храмы и истуканы. Скажи же мнѣ, Апертусъ, чѣмъ воздали Сократу его современники за его мудрость и любовь къ добру?»

— «Сократъ просилъ за труды свои службу отечеству только куска хлѣба, на старость, а сограждане отравили его ядомъ!» отвѣчалъ Апертусъ.

— «Глуры, собаки!» воскликнулъ въ быщенствѣ Омаръ, топнувъ ногою и махнувъ нагайкою. «Какъ! За что?»

— «Сократъ училъ вѣрить во единого Бога — и его обвинили въ безбожии; онъ научилъ чтить одну добродѣтель, даже въ бѣдныхъ и въ чужихъ людяхъ, а презирать порокъ даже въ сильныхъ и въ родныхъ — его обвинили въ безнравственности и расторженіи родственныхъ связей. Онъ научалъ чтить законъ и власть, но совѣтовалъ об-

личать и преслѣдовать злоупотребителей, — его обвинили въ распространеніи возмутительныхъ правилъ,» сказала Апертусъ.

— «Проклятые Глуры!» проворчалъ Омаръ. «Апертусъ! отнеси эту книгу ко мнѣ, и отдай моимъ Улемамъ, чтобъ они перевели ее на Арабскій языкъ. Остальною здѣшнюю мудростью я хочу хоть однажды согрѣть народъ, и при теперешнемъ недостаткѣ дровъ, велю топить общественныя бани этими лохмотьями.»

— «Государь! Ты мнѣ позволилъ говорить тебѣ по одной правдѣ на день,» сказала Апертусъ.

— «Говори!»

— «Въ развратъ и заблужденіяхъ рода человеческого виновны болѣе люди, нежели книги. Полезная книга можетъ исправить злаго человѣка, но вредная не испортитъ добраго, а напротивъ послужитъ къ его поученію и дастъ ему средства къ обличенію лжи и порока. Опасное и заразительное зло кроется не въ книгахъ, но въ сердцѣ человѣка, и злыя люди суть тѣ, ко-

торые вовсе не заглядываютъ въ книги. Зло уничтожается единственно водвореніемъ законовъ и правосудія, которые не могутъ имѣть ни силы, ни уваженія, безъ повсемѣстнаго просвѣщенія, то есть такого просвѣщенія, какъ понималъ его Сократъ.» —

— «Согласенъ!» сказалъ Омаръ. «Водворю законъ и правосудіе, а что касается до книгъ, то если въ этомъ множествѣ есть то, что находится въ Куранъ, то книги эти не нужны; если же въ нихъ нѣтъ того, что содержится въ Куранъ, то онѣ бесполезны, слѣдовательно я обращаю ихъ на общую пользу, отопляя общественныя бани. Для просвѣщенія же народа довольно мудрости Сократовой! Въ этихъ огромныхъ зданіяхъ я помѣщу моихъ храбрыхъ воиновъ: имъ будетъ здѣсь свѣтло, тепло и просторно. Когда же они отдохнутъ, то я пойду съ ними въ Грецію, и порядочно проучу этихъ Глуровъ за то, что они не умѣли чтить Сократа, и, тщеславясь своею мудростью, до сихъ поръ не понимаютъ, что такое истинное просвѣщеніе!»

Я кончилъ, сударыня, мой рассказъ и выдаю его за историческій. Известно, что въ Александріи было знаменитое книгохранилище; известно, что существовалъ Омаръ и покорилъ Александрію; известно что Историки всклепали на него, будто онъ сжегъ сіе книгохранилище, которое, по словамъ другихъ Историковъ, разхищено и обращено въ пепель фанатиками, истреблявшими, въ первыя времена Христіанства, всѣ памятники язычества. Какъ бы то ни было, только мой рассказъ основанъ на трехъ историческихъ преданіяхъ, слѣдовательно онъ справедливъ, то есть, въ немъ есть много *правды*. Вы изволили выслушать меня терпѣливо, сударыня, и за это обязанъ я болѣе вашей въжливости, нежели моему слабому дарованью. — Въ пышнѣйшихъ Библіотекахъ нѣтъ *вредныхъ* книгъ, но изъ любви къ нимъ и изъ уваженія къ чужой собственности, я не хотѣлъ бы, чтобъ у насъ вошло въ обычай топить бани *бесполезными* бумагомараньемъ! Я не такъ строгъ, какъ Апертусъ, и не скажу, что

ползвыльн бумагомараньемъ! Я не такъ строгъ, какъ Апертусъ, и не скажу, что спасъ бы отъ пламени *одно* только сочиненіе, но признаюсь вамъ откровенно, что какъ ни жаль мнѣ было бы нашего Смирдина, а всю огромную его Библіотеку, я помѣстилъ бы въ небольшой чистенькій шкафъ, который можно было бы перенести на плечахъ изъ Петербурга ко мнѣ, въ Карлово, гдѣ я, въ тишинѣ и уединеніи, размышляю о *мудрости* человѣческой, до которой я не достигъ, и о *цельжествѣ*, котораго я былъ такъ часто жертвою! —

— № XVI. —

ПОСЛАНИЕ

ГУБЕРНСКАГО СЕКРЕТАРЯ ПЬТУШКОВА
КЪ ХРИСТОФОРУ КОЛОМБУ, АДМИРАЛУ
ИСПАНСКОЙ СЛУЖБЫ И КАВАЛЕРУ,

Ваше Превосходительство!

Совершенно противоположныя назначенія въ жизни, предназначающія судьбою вамъ и мнѣ, заставили меня, въ слѣдствіе закона, сближающаго все крайности, избрать васъ героемъ монмъ, и прильпиться къ вамъ умомъ и душою. Простите дерзновенію, что,

не имѣя чести знать васъ лично, я осмѣлился писать къ вамъ. Но я живу въ такомъ вѣкѣ, въ которомъ юноши хотятъ быть путешеводителями рода человѣческаго; въ вѣкѣ, въ которомъ дерзостью стараются замѣнить познанія и заслугу. Повинуясь вліянію духа моего времени, я именно буду говорить съ вами и разсуждать о предметахъ, известныхъ мнѣ только по слуху, и начну разсказомъ о себѣ самомъ, или паралелю васъ со мною, потому что вы неоспоримо великій мужъ, а я имѣю притязанія на величіе, что по нравственной ариметикѣ нашего вѣка одно и то же.

Вы всю жизнь ходили по морямъ, не претерпѣвъ кораблекрушенія, а я хожу по сушѣ, и притомъ иногда спотыкаюсь. Вы провозгласили двѣ важныя истины міру, именно, что яйца нельзя поставить носкомъ на тарелкѣ иначе, какъ прицпоснувъ его; и что, плывя непрерывно впередъ, по направленію своего носа, паткнешься непременно носомъ корабля на какой-нибудь материкъ; я общародовалъ также двѣ, едва-ли

не важнѣйшія истины, то есть, что деньги лучше ума, и что спокойствіе въ жизни есть удѣлъ одной глупости. Вы открыли новый міръ, я не открылъ ничего, что по системѣ новыхъ Германскихъ философовъ одно и то же, ибо по ихъ мнѣнію *неизъяснимо-великое* и *неизъяснимо-малое* равно нулю, = 0, а два нуля совершенно равны между собою. Вы имѣли дѣло съ дикими народами, нечужественными и жестокими; я имѣлъ дѣла съ Чухонцами, журналистами и подьячими. Вы имѣли процессъ въ Кастальскомъ Совѣтѣ, выиграли его, и получили обратно привезенныя вами изъ Америки сокровища; я имѣлъ тяжбу въ Губернскомъ Правленіи, выигралъ ее вполне, и не только не получалъ ничего, но еще долженъ былъ приплатить, на законныя тяжбыя издержки, изъ собственнаго кармана. Вы были сами ходатаемъ по своему дѣлу и, выигравъ тяжбу, пролили слезы состраданія о своихъ завистникахъ; у меня былъ наемный ходатай, который посмѣялся мнѣ въ глаза, когда я удивлялся, что не получаю ничего отъ вын-

граша, сказавъ мнѣ, что для меня довольно и того, что я избавляюсь отъ тяжбы. Васъ хотѣли умертвить матросы вашего корабля, отчаяваясь въ успѣхъ вашего предпріятія; меня обругали журналисты и поэты за мои сочиненія и критики. Открытый вами міръ получили прозваніе отъ чужаго имени; я, напротивъ того, не только собственные вздоры, но и чужія мысли провозглашаю міру подъ моимъ именемъ. Вы имѣли завистниковъ, и я имѣю ихъ, съ тою разницею, что вамъ завидовали адмиралы и ученые, а мнѣ завидуютъ невѣжды, потому что и жемчужное ожерелье и кошель ницѣго имѣютъ своихъ завистниковъ. Но вора кончитъ нашу паралель. Я величайшій врагъ длинныхъ счетовъ, длинныхъ объясненій, длинныхъ рѣчей, а особенно длинныхъ статей при короткомъ умѣ. Позвольте поговорить съ вами объ Америкѣ, въ которой я никогда не бывалъ, но которая находится въ моемъ кабинетѣ.

На столѣ моемъ, изъ *краснаго дерева*, стоитъ чашка *шоколаду*. Возлѣ нее стоитъ

коробочка съ грудными лепешечками изъ *индекауанги*. На груди моей запонка съ *Бразильскими алмазами*; на пальцѣ перстень изъ *Перувиискаго золота*. Смычокъ мой скрипки изъ *сандаля*; песочница моя изъ *кокосовой скорлупы*. Синій фракъ мой окрашенъ *индигомъ*; жилетъ *кошенильно*. Въ *хлопчатой бумагѣ* завернуть я, съ ногъ до головы, какъ гусеница. Шуба моя, въ которой я разъѣжаю по городу по моимъ *Азіатскимъ* и *Европейскимъ* дымамъ, изъ *Американскихъ спотовъ*. Все это окурено и проникнуто до такой степени дымомъ *саванскихъ сигаръ*, что мнѣ не надобно ни красоты, ни любезности, чтобъ появленіемъ моимъ произвести головокруженіе у дюжины прелестныхъ свѣтскихъ дамъ. Въ кошелькѣ моему есть *доллеръ*, пересаженный на Русскую почву архирасчетливими нашими мѣнялами, со множествомъ всякой чужеземной монеты, для произведенія сладкихъ для нихъ плодовъ, называемыхъ лажемъ.

Сажу у окна, и смотря въ задумчивости на городскую больницу, спрашиваю се-

бя, счастливые ли я, умные ли, добрые ли отъ того, что пью шоколадъ, курю табакъ, одѣваюсь въ издѣлія, окрашенныя Американскими красками, ношу на плечахъ шкуру Американскаго звѣря, и сижу въ креслахъ изъ краснаго дерева. Сомнѣваюсь! Для большей точности повторяю себѣ этотъ вопросъ на ученомъ языкѣ: счастливые ли, добрые ли, умные ли человѣческій родъ отъ умноженія предметовъ потребленія, а въ слѣдствіе этого отъ возбужденія новыхъ нуждъ и желаній?

Передумавъ наново, рѣшительно отвѣчаю, съ позволенія вашего превосходительства: Нѣтъ!

Въ ваше время не было еще политическихъ экономовъ, которые въ нашъ вѣкъ управляютъ міромъ, по ландкартѣ. Не умѣя распорядиться собственными двадцатью пятью рублями и привести своей комнаты въ порядокъ, они движутъ всемірными капиталами, и устраиваютъ государства, разумѣется на бумагѣ. Эти господа утверждаютъ: чѣмъ больше нуждъ и желаній, тѣмъ болѣе движе-

нія, промышленности, богатства, просвѣщенія и счастья.

Дай Богъ, чтобы это была правда!

Никогда въ древнемъ мірѣ не было такого движенія, какъ съ того времени, какъ ваше превосходительство изволили открыть Америку. А какая польза произошла отъ этого для Америки и древіаго міра?

Америка была населена своими собственными поколѣніями. Гдѣ они теперь? Въмѣсто того, чтобы сообщить имъ, путемъ убѣжденія, истины Христова ученія, чтобы просвѣтить Вѣрою и Науками, сообщить познанія государственнаго управленія, дѣятельные промышленники научили Американскія племена упиваться водкою, а сами переняли отъ нихъ пріятное занятіе упиваться табачнымъ дымомъ и заражать имъ воздухъ. Въмѣсто того, чтобы дать направление дѣятельности Американцевъ на устройство образованныхъ государствъ, ихъ заставили рыться въ землѣ, для добыванія металловъ и драгоценныхъ камней, а тѣ изъ Американскихъ племенъ, которыя удалились въ лѣса и горы,

объявлены были врагами. Для истребленія ихъ, послали инквизиція и водка. Война, водка и несоразмѣрный съ силами трудъ, производя нищету и болѣзни, истребили цѣлыя народы. На открытыхъ вами островахъ нѣтъ уже ни одного природнаго жителя. На берегахъ материка нѣтъ ни одной деревушки, населенной туземцами. Они скитаются теперь въ горахъ, лѣсахъ, болотахъ, внутри неприступнаго края; дерутся между собою, поклоняются идоламъ, какъ въ ваше время, пьютъ водку и гибнуть. Для меня, уважающаго васъ душевно, весьма утѣнительно, что они не знаютъ имени вашего превосходительства!

На открытыхъ вами островахъ и берегахъ материка поселились Европейцы. Они построили города, порты; завели флоты, фабрики, мануфактуры, типографіи; водворили земледѣліе, посадили кофе, стали обрабатывать сахарный тростникъ, размножили новыя табаку. Но какъ спекулировать легче, нежели работать, а въ работахъ изъ туземцевъ оказался недостатокъ, то спекулято-

ры стали вымѣнивать на водку негровъ, и переселять ихъ въ Америку, для копанія рудниковъ, воздѣлыванія табаку и сахарнаго тростника. Поняла потѣха.

Въ исторіи челоуѣчества изобрѣтеніе водки играетъ важнѣйшую роль, чѣмъ изобрѣтеніе комнаса, пороха и книгопечатанія.

Европейскіе рынки наполнились произведеніями Америки. Торговля колоніальными товарами взяла преимущество предъ спекуляціями другаго рода. Цѣна на металлы и драгоценныя камни понизилась, а цѣны на трудъ возвысились, хотя и не обогатили все трудящагося, потому именно, что въ немъ, и въ томъ, для кого онъ трудится, возродились новыя потребности и нужды, для удовлетворенія которыхъ надлежало имѣть болѣе средствъ. Но трудиться въ потъ чела не пріятно, и какъ трудъ головы, или вымыселъ, приноситъ болѣе нежели трудъ рукъ, то земледѣліе, благороднѣйшее и полезнѣйшее изъ всѣхъ занятій, которому въ древности поклонялись языческіе народы, въ лицахъ вымышленныхъ божествъ; земледѣліе,

которое Спаситель міра освятилъ на таинство послѣдней вечери; земледѣліе, говорю я, показалось людямъ низкимъ занятіемъ. Люди бросились въ города, чтобъ легчайшимъ способомъ пріобрѣтать золото, для удовлетворенія новыхъ нуждъ и потребностей. Изобрѣтены тысячи новыхъ средствъ выманивать другъ у друга золото, самымъ вѣжливымъ и благопристойнымъ образомъ.

Прежде всего появились взятки. Подьяціе стали курить табакъ, нюхать его изъ золотыхъ табакерокъ, и пить пуншь, — также Американское изобрѣтеніе. Женамъ ихъ захотѣлось имѣть алмазы, попугаевъ, ткани крашенныя индигомъ и кошенилью. Дѣтки ихъ стали грызть сахарныя и шоколадныя конфеты, вмѣсто кочерыжекъ и пряничныхъ орѣховъ. Что дѣлать просителямъ, обязаннымъ удовлетворять всѣмъ этимъ прихотямъ? Они также пустились на спекуляціи. Въ ваше время играли только въ кости или въ кребсъ, потомъ изобрѣли картежную игру, со всѣми ея измѣненіями и паутнями; завели публичныя лоттерей. Далѣе завелись ча-

стные банки съ эсконтами, дисконтами и банкротствами. Тутъ появились мѣнялы, для споспѣшествованія оборотамъ всемірной торговли и для вычета, въ свою пользу, процентовъ изъ установленной цѣны на монету. Союзъ Ганзы рухнулъ. Надлежало завести таможи, а съ ними появилась контрабанда. Возсталъ изъ праха цѣлое племя маклеровъ и факторовъ, обогащающееся на счетъ покупателей и продавцевъ, безъ участія въ страховыхъ оборотахъ торговли. Гостепрѣимство исчезло. Люди стали торговать огнемъ, водой, воздухомъ, временемъ. Появились цѣлые леіоны врачей; города наполнились аптеками, для сбыта колоніальныхъ товаровъ по фактурѣ врачей. Отдаленное мореплаваніе, частыя перемѣны пици и климата, и прочія обстоятельства, породили новыя болѣзни, повальныя спорадическія, специфическія, и прочая, и прочая.

Пока городовъ было не такъ много какъ теперь, и пока они были не такъ многолюдны какъ нынче, на свѣтъ было менѣе людей, которые не знаютъ что дѣлать съ

временемъ. Съ умноженіемъ роскоши принадлежало прискать средство, чѣмъ наполнить пустоту въ жизни людей, имѣющихъ много лишняго времени. Съ той поры началась фабрика глупыхъ книгъ, а въ послѣдствіи безтолковыхъ журналовъ. Глушцы стали рядомъ съ умными людьми, потому что также наши продавецъ и читатели своихъ глупостей. Умъ упалъ въ цѣнѣ пятидесятью процентами, отъ того, что читать умное сочиненіе есть трудъ, а читать глупое — забава. Прежде люди смѣялись сами, а послѣ надлежало ихъ смѣнить насильно, погруженныхъ въ чадъ спекуляцій, пушшу, табакъ, среди подводныхъ камней болѣзней повальныхъ, sporadическихъ и специфическихъ въ обществѣ банкировъ, маклеровъ, факторовъ, крачекъ и аптекарей. Шуты взяли верхъ надъ мудрецами. Глулость и шутство приведены въ систему, и получили права гражданства во всѣхъ сословіяхъ. Бѣдность стала удѣломъ тѣхъ, которые истрачиваютъ много времени на то, что ни смѣнить, ни забавляеть, ни развлекать праздныхъ людей, ни уделе-

творять ихъ прихотямъ. . . . Извините, ваше превосходительство, не могу продолжать! Грусть пала мнѣ на сердце. Запиваю чашкою шоколаду.

Какую истину принесло намъ открытіе Америки? Ни какой. . . . простите, ваше превосходительство!

Для жизни человѣка довольно свѣта, тепла, пищи и одежды. Для счастья нужна только истина, заключающаяся въ чувствѣ религіозномъ, въ любви къ человечеству, въ умѣренности желаній и въ умственномъ наслажденіи.

Всего этого не открыто въ Америкѣ. . . . извините, ваше превосходительство!

Если открытіе Америки нужно было для того только, чтобъ излиться туда излишеству Европейскаго народонаселенія, какъ говорятъ политическіе экономы, — прости ихъ, Господи, — то я честь имѣю рекомендовать имъ нашу южную Сибирь, наши Приволжскія степи, наши южныя губерніи, нашъ Крымъ и Закавказскій Край. Избави, Боже, Русскую землю отъ всѣхъ чужеземныхъ про-

мысленниковъ, торгующихъ междуиёмъ, глупостью, временемъ, смѣхомъ, эсконтами, дисконтами, банкротствомъ, и прочая, и прочая! Но милости просимъ къ намъ всѣхъ честныхъ, смиренныхъ, трудолюбивыхъ, благоправныхъ гражданъ. У насъ и свѣтло, и не холоднѣе чѣмъ въ Канадѣ, и сытно и просторно. А что у насъ можно быть счастливымъ, въ этомъ клянусь честью вашему превосходительству, и съ всепняйшимъ почтеніемъ пребываю покорнѣйшимъ слугою: *За губернскаго секретаря Питуикова, N. N.*

— N° XVII. —

НЕВОЛЬНАЯ МЕСТЬ.

(Истинное событіе.)

La vie ressemble plus souvent à un roman,
qu'un roman ne ressemble à la vie.

Въ одномъ изъ красивыхъ, чистенькихъ городковъ нашихъ Остзейскихъ провинцій, во время зимней ярмарки былъ балъ въ домѣ зажиточнаго помѣщика.

Отличительныя свойства нравовъ образованнаго сословія Остзейскихъ провинцій суть: отвращеніе отъ разорительной роско-

ши, и искусство размѣрять расходы по доходамъ. Мотовство тамъ почитается высочайшею степенью глупости, а тщеславіе порокомъ. Это однако жъ вовсе не мѣшаетъ жить пріятно и веселиться умеренно, безъ вреда здоровью и состоянію. — Въ Остзейскихъ провинціяхъ вы не увидите коній *Италиана въ Дворянствѣ* *, не найдете смѣшного передразниванія великолѣпнаго столицъ. Тамъ гордость не прикрывается лоскутьями барства! Тамъ цѣнять вещи не по позолотѣ и не по фасону, а по пробѣ металла и на вѣсь. Относительно общежитія, Остзейскія провинціи имѣютъ свои собственные законы приличій, за нарушение которыхъ ужасно караетъ общее мнѣніе, которое въ провинціяхъ гораздо строже и взыскательнѣе, нежели въ столицѣ. Въ Остзейскихъ провинціяхъ отъ двинцы требуется простоты въ нарядѣ и скромности, которая иногда

* Здѣсь говорится только объ Эстляндіи и Ливоніи, но болѣе о Ливоніи. Въ Эстляндію уже начинаютъ вкрадываться Русскіе обычаи. Ливонія сохраняетъ въ полной мѣрѣ собственный характеръ.

переходить даже въ застычивость. Молодой человекъ, желающій пользоваться общимъ уваженіемъ и обратить на себя вниманіе, долженъ быть въжливъ, дѣятеленъ въ кругу своихъ занятій — и непременно *бережливъ*. Изъ этого можно заключить, что балы въ Остзейскихъ провинціяхъ не бываютъ такъ блистательны, какъ въ столицахъ, и не столь шумны, какъ внутри Россіи; но эти балы чрезвычайно пріятны,нося на себѣ какой-то отпечатокъ семейственности, дыша простодушіемъ. Старики играютъ въ вистъ по пяти, а много по десяти рублей робертъ; маменьки не спускаютъ глазъ съ дочекъ, танцующихъ до упаду съ *кузенами* *. За ужиномъ пѣть, какъ у насъ говорится, *разливаго моря* и десерта, превышающаго цѣною годовое продовольствіе нѣсколькихъ сотъ душъ **. Порядокъ,

* Какъ Остзейцы женятся по большей части въ своей провинціи, то всѣ почти дворянскія фамиліи въ родствѣ между собою.

** Городъ Рига исключается изъ сего правила: тамъ, между кушествомъ, роскошь непомѣрная.

довольство безъ излишества и вкусъ безъ причудъ составляютъ характеристику Остзейскихъ пиршествъ. Отъ того люди живутъ долго въ Остзейскихъ провинціяхъ, и если кто разорится, то рѣдко, весьма рѣдко отъ тщеславія и отъ прихотей, но всегда почти отъ ложныхъ расчетовъ и отъ упадка курса.

На этомъ балѣ, кромѣ молодыхъ *кузеней*, было болѣе десятка чужихъ ловкихъ танцоровъ. Гусарскій полкъ за нѣсколько дней предъ тѣмъ пришелъ изъ Польши, и Штабъ его расположенъ былъ въ семь городъ. — Русскіе офицеры, привыкнувъ къ свободному обращенію ловкихъ, словоохотныхъ Полекъ, стараясь быть важными съ преместными Остзейскими фрейлинами *,

* Каждая дѣвица дворянскаго рода называется въ Остзейскихъ провинціяхъ *Fräulein*. Назвать ее *Mademoiselle*, значитъ *обидитъ* самымъ жестокимъ образомъ. Равно обидится замужняя женщина, если ее назовутъ: *Madame*, а не *gnädige Frau*.

«Вѣдь только здѣсь еще и дорожать дворянствомъ!»

[Горе отъ ума].

приводили ихъ въ смущеніе своею смѣлостью. Особенно прекраснѣйшая изъ фрейлинъ, которую офицеры провозгласили *Царицею бала* (*la reine du bal*), страдала отъ гусарскихъ важностей. — Офицеры дерзали говорить ей въ глаза похвалы ея красотѣ и ловкости; сожигали ея розовыя щеки своими конными мадригалами, и заставляли трепетать отъ ужаса, напѣвая, съ аккомпаниментомъ шпоръ, о блаженствѣ будущаго обладателя ея сердца. Въ Польшѣ все это было бы кстати и завязало бы сильную перестрѣлку красными словами, которыя, излетая изъ ума, рѣдко уязвляютъ сердце, а только производятъ любовный угаръ. Но здѣсь это было не кстати: красавица не знала, куда дѣваться отъ похвалъ, и вѣрно бы бѣжала съ бала, если бы пріѣхала одна, а не съ четырьмя кузнями, которыя, не слыша похвалъ своей красотѣ, танцовали усердно за цѣлый годъ, съ процентами.

Лишь только красавица кончила вальсъ, то, спасаясь отъ мадригальныхъ выстрѣловъ,

скрылась, как за брустверомъ, за дожею тетушкою, которая, выдохавъ весь свой табакъ, нетерпѣливо ожидала ужина, потому, что ей, какъ близкой сосѣдкѣ хозяйна, извѣстно было, что ему повезли съ мызы жирнаго, кормленнаго молокомъ теленка, на котораго она давно уже вострила зубы.

Красавица, закрывъ аленькій ротикъ батистовымъ платочкомъ, быстро переводила дыханіе, спиравшееся въ груди ея. Привыкнувъ танцовать методически, на три такта, между которыми походный человекъ успѣеть выспаться, красавица не могла опомниться послѣ быстрого полета въ вихрь Русскаго вальса, какъ вдругъ подсылъ къ ней Полковникъ, который до тѣхъ поръ не танцовалъ ни съ одною дѣвицею, и осыпавъ ее комплиментами, ангажировалъ на мазурку.

Полковникъ имѣлъ лѣтъ подь сорокъ но былъ пригожъ, молодежавъ, статенъ, ловокъ и не глупъ. Гусарскій мундиръ скрывалъ лѣта его и всѣ прочіе недостатки, и мужественное лице его еще заставляло женщинъ заглядываться на себя. Грудь его увѣ-

шена была орденами, заслуженными на полѣ сраженія, передъ фрутомъ. Онъ былъ любимъ и уважаемъ товарищами и подчиненными, отличаемъ начальниками и въ большой чести у дамъ.

Милыя скромницы! позвольте вамъ шепнуть словечко на ушко! Какъ вы ни прикрывайте взоры своихъ длинными ва-ниными рѣсницами, какъ ни сжимайте устъ своихъ на перловыхъ зубахъ, какъ ни ёжитесь, чтобы избѣгнуть прикосновенія танцора, мы постигаемъ васъ такъ же хорошо, какъ щечечущихъ, откровенныхъ Полечекъ, глядящихъ намъ смѣло въ глаза, какъ на инспекторскомъ смотрѣ, и носящихъ свое сердечко въ прозрачномъ флакончикѣ, вмѣсто розоваго масла. Вашъ мнѣшюрный лексиконъ, прелестныя скромницы, состоящій изъ двухъ выразительныхъ словъ: *да* и *шттъ*, такъ же понятенъ намъ, какъ *пространная Любовная Грамматика* Полечки. Не гнѣвайтесь на меня, милыя скромницы! Это говорю не я, степенный Авторъ сей справедливой повѣсти. Я только пере-

сказываю то, что думалъ гусарскій Поручикъ, поглядывая, изъ подлѣбья, на красавицу, съ которою въ это время разговаривалъ Полковникъ.

Злодѣй Поручикъ догадался, что красавица ощущала совсѣмъ не то при Полковникѣ, что ощущала при соединенной противу нея атакѣ Корнетовъ и Поручиковъ. Полковникъ также напѣвалъ ей лесть, по не съ акомпаниментомъ шпоръ, а *соло*, на голосъ заунывный, отразившійся душевнымъ участіемъ, а красавица слушала, вертѣлась на стулѣ, закрывалась платкомъ, осмѣлилась взглянуть на Полковника, и нашла, что онъ очень недуренъ собою. Тутъ представился ея воображенію щегольской экипажъ Полковника, восхищавшій ее съ кузницами на площади, огромные эпалеты, которые она видѣла наканунѣ, когда онъ былъ въ вицъ-мундирѣ, и красавица вздохнула подъ батистовымъ платочкомъ, и съ необыкновеннымъ чувствомъ проговорила нѣсколько разъ: *да и штъ*. — Всѣ Пол-

ковники въ мірѣ не могутъ требовать болѣе отъ Остзейской скромницы!

Между тѣмъ четыре городскіе музыканта, составлявшіе оркестръ, (четыре фигуры, за которыя шуткарь Леманъ далъ бы дорого, если бѣ могъ показать ихъ подъ качелями, Петербургской публикѣ,) кончили свой безмолвный по-пурри (*pot-pourri*), то есть, осушили чашу пушшу, которой предшествовали четыре рюмки водки и четыре бутылки пива. Танцоры стали на позицію, и во всей залѣ раздался шопотъ: какая прекрасная пара! Рѣчь шла о Полковникѣ и о Фрейлинѣ - красавицѣ. Игроки, оставивъ недоиграанный робертъ, толпились въ дверяхъ, съ картами въ рукахъ; матери взрослыхъ дочерей морщились и искали недостатковъ въ красавицѣ, и вдругъ музыка заиграла мазурку.

Кто не любитъ мазурки, тотъ не любитъ женщинъ, хорошаго вина, острыхъ словъ, шутокъ.... съ тѣмъ я не хочу знаться и говорить!...

И Полковникъ прекрасно танцовалъ

мазурку, и фрейлина-красавица также танцевала прелестно, и притомъ же имѣла премиленькую пожку, что въ Остзейскихъ провинціяхъ (*ich Bitte um Verzeihung!*) не такъ повсемѣстно, какъ скромность и хозяйственные добродѣтели. Въ залѣ нѣсколько разъ повторились слова: какъ я прекрасная пара!

Въ углу залы сидѣли два человѣка плотно другъ къ другу, и разговаривали между собою. Младшій лѣтами спросилъ: «Вы знакомы съ Полковникомъ?»

— «Давнымъ давно!» отвѣчалъ старшій. «Вѣдь онъ нашъ Остзеецъ, изъ ***. Лѣтъ осьмнадцать тому назадъ онъ игралъ ужасную роль....»

— «Расскажите, пожалуйста!» подхватилъ младшій, разинувъ ротъ и выпучивъ глаза. «Я чрезвычайно люблю ужасы, особенно вечеромъ....»

— «Полковникъ былъ тогда Поручикомъ,» сказалъ старшій: «онъ прѣхалъ въ отпускъ къ престарѣлому отцу, жившему въ ***... Мы были позваны на вечеръ къ

Провиантскому Коммиссіонеру, изъ Русскихъ, который жилъ какъ Принцъ и, разумеется, кончилъ жизнь — подъ судомъ. — За ужиномъ мы подгуляли порядкомъ, и хозяинъ предложилъ сдѣлать банкъ. Нынѣшній Полковникъ высыпалъ на столъ горсть черпонецъ и сталъ метать. Мы пошпирировали помаленьку. Между нами былъ Баронъ ***, человѣкъ пылкій, вздорный, но добродушный. Онъ разгорячился и проигралъ около тысячи рублей, т. е. все бывшія при немъ деньги. Коммиссіонеръ, нашъ хозяинъ, былъ всемъ намъ долженъ за хлѣбъ. Баронъ взялъ у него сто рублей серебромъ, и поставилъ на одну карту. Карту убили, и Баронъ, въ сердцахъ, схватилъ въ горсть столько рублей, сколько могло въ ней помѣститься; и бросилъ изо всей силы на столъ. Весь банкъ, карты и деньги разсыпался на двадцать четыре стороны! — «Извольте подобрать съ полу и извиниться предъ обществомъ!» сказалъ нынѣшній Полковникъ Барону: «или я заставлю васъ раскаяться въ вашемъ грубомъ поступкѣ.» — «Какъ! что!» закричалъ

взбѣсившійся Баронъ, и подскочилъ съ кулаками къ банкету. Слово за слово, Баронъ ударилъ офицера, бывшаго въ полномъ мундирѣ... Нынѣшній Полковникъ отступилъ шагъ назадъ, выхватилъ саблю изъ ноженъ, взмахнулъ... и вонзилъ ее по ефесъ въ животъ Барону... Тотъ охнулъ и Богу душу отдалъ!...

— «Да это презанIMATEЛЬНО!» сказалъ младшій: «я съ любопытствомъ смотрю на него! А чѣмъ кончилось дѣло?» —

— «Нынѣшній Полковникъ тотчасъ пошелъ на гауптвахту, отдалъ свою саблю караульному офицеру, и продиктовалъ ему рапортъ къ Коменданту. Нарядили Судъ, по цѣлому Дворянству приняло сторону обиженнаго офицера, и испросило ему прощенье. Его послали на церковное покаянiе, а потомъ перевели на Кавказъ. Онъ тамъ отличился, вѣскольکو разъ, въ сраженiяхъ съ Горцами, и въ Европейскую войну переведенъ въ прежнiй полкъ, гдѣ, какъ видите, дослужился до Полковника, получилъ орденъ, и все забыто!... После несчастнаго

Барона остались двое малютокъ и жена, которая умерла въ прошломъ году....»

Тотъ, который слушалъ этотъ расказъ, былъ такъ называемый ландъ-юнкеръ, т. е. *зрѣлый недоросль изъ дворянъ*. Племя это уже почти перевелось, какъ перевелось племя Лифляндскихъ клеперовъ, и лучшiя черты ихъ существованiя сохранились въ Комедiяхъ и Романахъ покойнаго Коцебу, котораго литературныя заслуги, сказать мимоходомъ, несправедливо стараются унижить и предають забвенiю. Но тогда еще процвѣтали ландъ-юнкеры во всей краѣ. Этотъ ландъ-юнкеръ, впрочемъ хорошiй домоводъ и добрый человекъ, никакъ не могъ постигнуть, что на свѣтѣ можно было чѣмъ либо огорчаться, кромѣ дурнаго выгона вина, неурожая и скотскаго падежа. Онъ съ такимъ спокойствiемъ и хладнокровiемъ похоронилъ своихъ родителей, какъ будто насадилъ картофель, и когда получилъ извѣстiе о смерти брата, убитаго въ сраженiи, то, для избѣжанiя отчаянiя, не велѣлъ говорить объ

этомъ въ домъ трое сутокъ сряду, во время обѣда.

Ландъ - юнкеръ, выслушавъ расказъ о Полковникѣ, всталъ, потеръ руки, поправилъ галстухъ, и подошелъ къ танцующимъ.

Онъ подкрался на цыпочкахъ къ красавицѣ, танцовавшей съ Полковникомъ, и воспользовавшись минутою, въ которую танцовали другія пары, а Полковникъ что-то говорилъ съ подошедшимъ къ нему офицеромъ, сказалъ ей въ полголоса:

— «Знаете ли, кухня, съ кѣмъ вы танцуете?»

Красавица посмотрѣла на него съ удивленіемъ и ничего не отвѣчала.

— «Этотъ Полковникъ,» примолвилъ ландъ - юнкеръ съ улыбкою, похожею на облизываніе осла: «этотъ Полковникъ... тотъ самый офицеръ..... который.... убилъ вашего отца!.....»

Красавица вскрикнула и задрожала всѣмъ тѣломъ. Вскорѣ взоры обратились на нее. Полковникъ бросился къ ней, думая, что ей сдѣлалось дурно отъ танцевъ. Она

оттолкнула его, воскликнула: «Убийца!.....» и упала безъ чувствъ на полъ.

Въ домъ сдѣлалась суматоха. Танцы прекратились. Больную перенесли въ спальню хозяйки, и стали приводить въ чувство. Пошли вопросы и распросы, и черезъ нѣсколько минутъ всѣ узнали причину обморока красавицы. Ландъ - юнкеръ открылъ тайну, и былъ чрезвычайно доволенъ, что могъ обратить на себя общее вниманіе.

Всѣ искали глазами Полковника, но онъ скрылся. — Положеніе офицеровъ было неприятное. Они оставили балъ неприятно, выходя поочереди, и одинъ изъ нихъ, проходя мимо ландъ - юнкера, такъ крѣпко наступилъ ему на ногу, что онъ присѣлъ и зашпцалъ.

На другое утро пришли къ Полковнику, по обыкновенію, съ рапортомъ дежурный по карауламъ, Полковой Адьютантъ, Квартермистръ и Полковой Штабъ-Лекарь. Всѣмъ известна была точность Полковника по дѣламъ службы. Онъ никогда не заставлялъ себя дожидаться, а потому всѣ

крайне удивляясь, что онъ такъ долго не выходилъ изъ своей спальни. Прождавъ около полутора часа, Полковой Адъютантъ рѣшился войти въ спальню. Онъ постучался у дверей — нѣтъ отвѣта. Адъютантъ отперъ потихоньку двери, заглянулъ въ комнату, и бросился туда стремглавъ, съ крикомъ: « Сюда, Докторъ, сюда! » Полковникъ лежалъ на постель безъ дыханія; голова его повисла съ постели, лицо было синее, глаза страшно выкатились. Прибѣжалъ Докторъ, пощупалъ пульсъ, и положивъ руку на сердце Полковника, покачалъ головою, и сказалъ: « Все кончено! »

Того же дня посланъ былъ рапортъ съ эстафетой къ Бригадному Генералу, что Полковникъ скончался внезапно отъ апоплексическаго удара.

Офицеры пожалѣли, поговорили — и чрезъ нѣсколько лѣтъ въ полку вовсе забыли о Полковникѣ и о происшествіи....

Всему такой конецъ!

Но красавица не забыла сего несчастнаго событія. Она вышла замужъ за толста-

го, важнаго, богатаго помѣщика, и не нашла счастья и утѣшенія при этомъ золотомъ рудникѣ, подъ громадою льда. Эта невольная месть за смерть отца наполняла сердце ея раскаяніемъ. Она почитала себя убійцею, и разумъ не могъ успокоить ея совѣсти. Быть можетъ, она и Полковникъ созданы были, чтобъ любить другъ друга! Быть можетъ, онъ тронулъ ея сердце, и оставилъ въ немъ неизгладимый слѣдъ!.... Красавица примѣтно увядала, чахла, остывала, и кончила жизнь въ молодыхъ лѣтахъ..... И объ ней также забыли, и холодный мужъ и холодные люди! Въ свѣтъ все такъ легко забывается.....

Кромѣ оскорбленнаго самолюбія и собственныхъ выгодъ, примолвить какой нибудь ипохондрикъ.

Чуждый человѣкъ, странникъ, занесній теплое сердце въ холодную страну, пролилъ слезу соучастія на могилахъ несчастныхъ.

Конецъ первой части.

ОГЛАВЛЕНИЕ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

ПОВѢСТИ.

	Стран.
I. Три встречи	1
II. Первая любовь	25
III. Портретъ и письмо	81
IV. Мудренныя приключенія Квартальнаго Надзирателя	125
V. Старый знакомецъ	251
VI. Русскій солдатъ	260
VII. Книжка и нагайка	270
VIII. Кабалникъ	290
IX. Водовозъ или исторія моей квартиры. . .	304
X. Зубъ Чингисъ-Хана	315
XI. Духъ Фовъ-Визина на Нижегородской ярмаркѣ	333
XII. Домашнее дѣло между откупщиками . .	358
XIII. Три листка изъ дома сумасшедшихъ . .	393

	Стран.
XIV. Ядъ	416
XV. Омаръ и просвѣщеніе	452
XVI. Посланіе Губернскаго Секретаря Пѣтушкова къ Христофору Колумбу, Адмиралу Испанской службы и Кавалеру	495
XVII. Невольная мечь	509

